
Глава пятая
ДЫМ И ПЕПЕЛ ВОЙНЫ

Лето 1914 года выдалось сухим и жарким. В Петербурге раскалились каменные мостовые. За городом пересыхали болота, разогревались и начинали глеть торфяники.

Расставя лапы в небо, ель
Картонно ветра ждёт, но даром!
Закатно-розовый кисель
Ползёт по торфяным угарам, —

описывал то лето Михаил Кузмин.

Сизый горьковатый дым напознал на столицу, на море, на Кронштадт, уползал дальше — к Ревелю. Все с тревогой ожидали большого пожара. И он действительно вскоре запылал — всевропейский, мировой.

В июне 1914 года австро-венгерская армия проводила маневры близ сербской границы. На них прибыл наследник престола Габсбургов, эрцгерцог Франц Фердинанд. 15 июня (по новому стилю — 28-го) он был убит в боснийском городе Сараево 19-летним Гаврилой Принципом, членом национально-революционной организации «Молодая Босния».

Причастность Сербии к этому покушению не была доказана, однако Австро-Венгрия возложила на неё всю ответственность за сараевские события. 10 (23) июля Сербии был предъявлен ультиматум с заведомо неприемлемыми, унижительными требованиями. Было очевидно, что за спиной империи Габсбургов стоит империя Гогенцоллернов — Германия, которая спешит начать войну, пока Россия не закончила перевооружение армии и флота.

Никто не сомневался, что ультиматум будет отклонён — если не полностью, то частично. После этого должна была начаться австро-сербская война. Россия не могла оставаться равнодушной к избиению своего главного союзника на Балканах. Вслед за вмешательством России ожидалось открытое выступление Германии — включалась в действие

вся цепь межгосударственных соглашений, и военный конфликт приобретал общеевропейский характер.

Основные силы русского Балтийского флота стояли в Ревеле. 12 июля, когда истекал срок ультиматума, командующий морскими силами на Балтике адмирал Н. О. Эссен собрал совещание флагманов и капитанов. «Может быть, немцы уже идут к нам», — сказал он, открывая заседание. Было решено немедленно начать подготовку к исполнению разработанных на этот случай планов.

Поскольку русский флот был слабее немецкого и существовала угроза Петербургу, план предусматривал постановку минных заграждений на Центральной минно-артиллерийской позиции у входа в Финский залив (между мысом Порккала-Удд и островом Нарген и в шхерах). Вечером минные заградители вышли на исходные позиции. Крейсера были посланы в разведку¹.

По совету из Петербурга Сербия проявила большую уступчивость, отклонив только явно неприемлемые пункты. Австро-венгерскому послу в России вручили ноту с предложением продлить срок ультиматума.

Эссен отвёл эскадру в Гельсингфорс, ближе к Петербургу. В штабе срочно печатались инструкции. Заградители и миноносцы стояли наготове в шхерах. 15 июля стало известно, что Австро-Венгрия начала мобилизацию и объявила Сербии войну.

Вечером 16 июля из Генерального штаба пришла шифрованная телеграмма: «Государь император приказал произвести с полуночи на 17-е мобилизацию Балтийского и Черноморского флотов, Киевского, Казанского, Одесского и Московского округов». Адмирал тотчас же распорядился предупредить флагманов, что в полночь будет «дым».

Ровно в полночь с борта штабного крейсера «Рюрик» ушла радиограмма: «Морские силы и порта. Дым, дым, дым. Оставайтесь на местах. Командующий морских сил Балтийского моря». На разных волнах её отбили девять раз. Условное «дым» означало: «Начать мобилизацию. Вскрыть оперативные пакеты».

Всю эту ночь, до 4 часов утра, группа офицеров во главе с Колчаком составляла инструкцию о бое. В 2 часа ночи от морского министра пришла телеграмма: «Центральное заграждение не должно быть поставлено до получения особого приказа». Эссен остался очень недоволен этим распоряжением. Убеждённый, что войны не избежать, он решил, что в крайнем случае насчёт заграждения распорядится сам.

17 июля командующий вместе с ближайшими помощни-

ками посетил все заградители. Всюду произносил речи перед командами, разъясняя причины начинающейся войны. Ему пришла в голову смелая мысль в ближайшую ночь вывести в море бригаду линейных кораблей в сопровождении миноносцев. Колчак поддержал эту идею, но на командующего надели другие члены штаба и отговорили.

Из Генерального штаба пришло сообщение, что часть германского флота ушла из Киля в Данциг. Эссен тут же решил: «Пусть меня потом сменят, а я ставлю заграждение». Но потом раздумал: а вдруг ожидание войны затянется и на минах начнут подрываться купцы? Приказал, однако, заготовить телеграмму на «высочайшее» имя.

На следующий день, когда Эссен, Колчак и Ренгартен (главный штабной специалист по радиоделу) стояли на капитанском мостике «Рюрика», принесли телеграмму от главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича: «Разрешаю ставить заграждения». «Слава Богу», — сказал Эссен и перекрестился. Перекрестились Колчак и Ренгартен².

В этот день, 18 июля, в России началась всеобщая мобилизация.

19 июля в Штабе Эссена была получена телеграмма от Григоровича: «Германия объявила войну». Эссен приказал отслужить молебен. Затем произнёс перед матросами речь о тех задачах, которые возложило на них Отечество в час испытаний. Окочил он следующими словами: «Разойдись, ребята. Теперь я буду беречь вас; но настанет день, и он близок, когда Россия потребует наши жизни, и тогда я ни себя, ни вас не пожалею»³. «Потом оркестр играл гимн, — записал в своём дневнике Ренгартен, — и команда кричала такое ура, что я... не выдержал, бросился по трапу вверх и кричал вместе с другими, все пели гимн и, можно сказать, вошли в настоящий восторг»⁴.

«...На “Рюrike”, в штабе нашего флота, — рассказывал впоследствии Колчак на допросе, — был громадный подъём, и известие о войне было встречено с громадным энтузиазмом и радостью. Офицеры и команды все с восторгом работали, и вообще начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей службы»⁵.

В мае 1920 года, когда в Омске проходил суд над группой членов колчаковского правительства, государственный обвинитель А. Г. Гойхбарг, бывший меньшевик, буквально потрясал этой фразой, называя её «ужасающим мысль человека признанием» «заматерелого империалиста»⁶. Гойхбаргу, возможно, такое и в самом деле трудно было понять. Как

правоверный марксист, он твёрдо усвоил исконный догмат своей веры: «Пролетариат не имеет отечества».

Но то, что на флоте царило приподнятое и даже радостное настроение, — это подтверждают и другие свидетели. Кроме И. И. Ренгартена, можно сослаться на С. Н. Тимирёва, в то время — командира учебного судна «Верный». «Настроение на всех судах, особенно боевых, — писал он, — было смутно-тревожное, но в то же время бодрое и радостное: личный состав не мог полностью оценить всех трудностей предстоящей войны и радовался с редким единодушием возможности осуществить своё прямое назначение — принять участие в морской войне»⁷.

Радовались тогда, как видим, не только офицеры, но и рядовые. Это была радость воинов, идущих в бой, чтобы защитить Отечество, которому объявила войну соседняя держава. Такая радость — это святое чувство.

Война на Балтике

К моменту столкновения с Германией русский Балтийский флот был не намного сильнее, чем после Цусимы. Всё ещё достраивались четыре дредноута, заложенные в 1909 году. Вступивший в 1912 году в строй броненосец «Андрей Первозванный» за несколько дней до начала войны, как на грех, получил пробоину от неосторожного маневрирования и отправился в ремонт. В Балтийском море силы русского флота были несопоставимы с мощью германского, а кроме того, ожидалось вмешательство в конфликт Швеции на стороне Германии.

Особенно тревожными были несколько дней между объявлением Германией войны России и вступлением в войну Англии (с 19 по 22 июля). «Надо думать, что немцы идут сюда, может быть, будут завтра», — записал в своём дневнике Ренгартен 20 июля 1914 года⁸.

За эти дни германский флот мог, ценой вполне приемлемых потерь, протаранить минно-артиллерийскую оборону и разгромить русский флот. После этого можно было высадить десант под самым Петербургом, где неприятелю должна была противостоять относительно слабая 6-я армия (главные силы сосредоточивались на границах), и Россия сразу попадала в критическую ситуацию.

Неприятельского десанта ожидали и в других местах побережья. После того как немецкие крейсера в самом начале войны обстреляли Либаву, из неё начался спешный выезд

офицерских семей. Софья Фёдоровна, обременённая малы-ми детьми, смогла вывезти только несколько чемоданов. Ос-тальное имущество осталось в Либаве.

Адмирал Эссен, с началом войны получивший права ко-мандующего флотом, сосредоточил силы в Гельсингфорсе. В районе Центральной минно-артиллерийской позиции сто-яла завеса из крейсеров. Аэропланы вели воздушную развед-ку. Каждый день эскадра выходила в море, развёртывалась и проводила учения⁹.

В Гельсингфорсе ввели затемнение, но ночи были ещё светлые. Когда эскадра возвращалась на базу, панорама го-рода открывалась в непривычном виде. На фоне неба черти-лись шпили соборов, золотели купола в последних лучах солнца. Постепенно всё это меркло, гасло, опускалось во тьму, на небе зажигались звёзды, а в городе начинали мель-кать крошечные светлячки — это прохожие освещали себе путь карманными фонариками.

21 июля пришли известия о первых стычках на сухопут-ном фронте, а 23-го стало известно, что Англия объявила войну Германии. В тот же день поступило сообщение, что главные силы германского флота ушли через Кильский ка-нал в Северное море. Как видно, немецкое командование не собиралось нападать на Петербург-Петроград. У него были заранее разработанные военные планы, и оно не любило от них отступать.

Вскоре выяснилось, что против России на Балтике дей-ствуют только лёгкие крейсера, миноносцы и заградители, укомплектованные командами в основном из резервистов. Эссен сразу же начал выводить эскадру по секретному фар-ватеру в центральную часть Балтийского моря. В его Штабе началось оживлённое обсуждение планов действий против ослабленных германских сил.

Эссен был человеком живого дела и не любил «канцеляр-щину». Под стать себе он подбирал и своих помощников. Начальник Штаба контр-адмирал Л. Б. Кербер был смелым офицером и талантливым флотоводцем, но отличался повы-шенной возбудимостью, часто ссорился со своими сотру-дниками, особенно с Колчаком. Занимая должность флаг-ка-питана по оперативной части, Колчак должен был бы быть первым помощником Кербера. Но они были слишком схо-жи по темпераменту, никто не хотел уступать, и Эссену ча-сто приходилось их мирить. Со временем Колчак, как гово-рят, стал признавать только Эссена, как единственного своего начальника, которому всегда непосредственно и до-кладывал. С. Н. Тимирёв вспоминал, что Колчак обладал

«изумительной способностью составлять самые неожиданные и всегда остроумные, а подчас и гениальные планы операций»¹⁰. Крупный недостаток Колчака — его непоседливость, нелюбовь к длительной и систематичной кабинетной работе — восполняли два его помощника — старшие лейтенанты князь М. Б. Черкасский и М. А. Петров.

Эссен, по-видимому, вскоре понял, что сделал ошибку, поставив на главные должности в Штабе людей, близких ему по характеру и темпераменту. Всё чаще он обращался за советом к контр-адмиралу В. А. Канину, командиру отряда заградителей, сумевшему в критический момент быстро и без потерь «закрыть» Центральную позицию. Канин не был столь яркой и талантливой личностью, как Кербер или Колчак. Но он обладал выдержкой, спокойной рассудительностью и «большим запасом здравого смысла», как писал о нём Тимирёв¹¹. Выдвижение Канина на роль первого советника и даже друга Эссена вызвало чувство ревности у Кербера. Возникшее соперничество впоследствии решило его судьбу.

Трудно сказать, какие планы спешно разрабатывались в Штабе Эссена, когда стало известно, что главные силы германского флота отвлечены в Северное море. 29 июля была получена телеграмма из Ставки: «Верховный главнокомандующий не допускает активных действий при настоящей политической обстановке. Главная задача флота Балтийского моря — прикрыть столицу, что особенно теперь достигается главным образом его положением в Финском заливе». «Вот! Обрезали нам крылышки...» — записал Ренгартен в дневнике¹².

Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич по-прежнему считал, что флот является вспомогательным средством борьбы, самостоятельного значения не имеет, а потому должен находиться в распоряжении сухопутного командования. Поэтому Балтийский флот был подчинён не Ставке верховного командования и даже не командованию Северного фронта, а 6-й армии, развёрнутой по побережью Финского залива. Не вовлечённое в активные боевые действия, занятое пассивным ожиданием противника, командование этой армии такой же образ действий диктовало и флоту. «Задачей флота Балтийского моря остаётся охрана столицы с моря. Необходимо сохранить флот для этой цели», — такую директиву получил Эссен от командующего 6-й армией. Офицеры Штаба Эссена задавали друг другу недоумённый вопрос: «Что это значит: сохранить флот? Разве можно сохранить в полной целости армию во время войны?»¹³

Несколько позднее высшее командование определило для флота оперативную зону действий по линии Дагерорт — Утэ (у входа в Финский залив) и запретило выходить за её пределы. В начале сентября 1914 года, когда немецкая эскадра была замечена у Виндавы (Вентспилса), Эссен получил от Николая Николаевича приказание оставаться с флотом в Финском заливе, даже если начнётся высадка десанта где-нибудь в другой части балтийского побережья¹⁴.

Ставка, таким образом, заперла свой собственный флот в Финском заливе. «Я никогда не предполагал, что во время войны мы будем стрелять по щитам», — писал Колчак В. М. Альфатеру, имея в виду затянувшиеся учения под прикрытием Центральной позиции¹⁵. (Альфатер, с которым Колчак когда-то вместе воевал на «Аскольде», с началом войны был прикомандирован к штабу 6-й армии.)

Между тем немецкая эскадра, несмотря на ослабленный свой состав, действовала активно. Лёгкие неприятельские крейсера-разведчики рыскали вдоль побережья, обстреливали береговые посты и маяки вплоть до Дагерорта. Близ Центральной позиции появлялись даже броненосцы. А подводные лодки проникали в глубь Финского залива, проходя под минным заграждением.

Начались обидные неудачи. 4 августа дозорные крейсера «Громобой» и «Адмирал Макаров» под командованием контр-адмирала Н. Н. Коломейцева встретились у входа в Финский залив с двумя лёгкими немецкими крейсерами, тремя миноносцами и заградителем. Русские броненосные крейсера были сильнее и должны были вступить в бой, но Коломейцев почему-то стал ждать подкреплений, а немецкие корабли тем временем ушли. Дело ограничилось одним залпом, да и то с недолётом¹⁶. Эссен был очень недоволен и с тех пор не давал Коломейцеву ответственных поручений.

15 августа Балтийский флот понёс первые потери, когда подорвался на мине тральщик «Проводник». А 28 сентября немецкие подводные лодки торпедировали крейсер «Паллада». Колчак, со свойственным ему военным объективизмом, писал Альфатеру: «Такой работы по чистоте отделки я не предполагал. “Паллада” существовала после взрыва ровно столько, сколько надо было столбу воды и дыма рассеяться, после чего оказалось буквально пустое место и очень немного мелких деревянных обломков. Ни одного человека, ни одного тела до сего дня не обнаружено»¹⁷. Гибель «Паллады» показала, что во время войны от потерь невозможно уберечься никакими минными заграждениями.

Но однажды русским морякам всё же улыбнулась удача. В ночь на 13 августа, заблудившись в тумане, сел на мель у острова Оденсхольм (вблизи Центральной позиции) лёгкий немецкий крейсер «Магдебург». Подошёл другой крейсер, «Аугсбург», подошли миноносцы, пытались стащить «Магдебург», но тщетно.

Получив сообщение, Эссен ещё до рассвета послал к Оденсхольму четыре крейсера. Затем были посланы миноносцы. На одном из них, на «Лейтенанте Буракове», к месту происшествия отправился начальник Службы связи, капитан 1-го ранга А. И. Непенин. Затем вышел и «Рюрик» под флагом Эссена. Ещё в пути стало известно, что у острова завязался бой. Затем сообщили, что «Аугсбург» ушёл вместе со своими миноносцами, а «Магдебург» прекратил огонь.

Вскоре после полудня, когда «Рюрик» был уже на подходе, навстречу ему попался «Лейтенант Бураков». С его борта была послана телеграмма: «На крейсере “Магдебург” поднял русский флаг, взял сигнальную книгу, сдались в плен командир, два офицера, 54 нижних чина. С крейсера можно снять шесть пушек. Непенин»¹⁸. В Штабе Эссена не знали, радоваться или рвать на себе волосы. Важнейшее сообщение о захвате неприятельской сигнальной книги — было послано открытым текстом!

Адриан Иванович Непенин закончил Морской корпус на два года раньше Колчака. Но, в отличие от него, учился плохо, бездельничал, часто сидел в карцере. Потом, уже офицером, попал в «кутильную компанию» и был на плохом счету у начальства. Но воевал в Порт-Артуре отважно, командуя миноносцами «Расторопный» и «Сторожевой». А дослужившись до старших офицерских чинов, вдруг переменялся и обнаружил недожиданные организаторские способности. Под его руководством во время войны Служба связи и разведки, подслушивая и пеленгуя радиопереговоры противника, знала все его перемещения и даже предсказывала ближайшие действия¹⁹. Но это — в дальнейшем. А на первых порах Непенин иногда допускал нелепые ошибки в этом новом для него деле.

Вскоре показался сидевший на камнях «Магдебург» в окружении русских крейсеров и миноносцев. Во время боя на нём произошёл взрыв, так что нос совсем отвалился. Колчак с группой младших офицеров перешёл на миноносец, а потом побывал и на «Магдебурге». Корабль был в полузаптовленном состоянии, сдвинуть его с места было действительно трудно. Всюду были видны следы разгрома, учинённого в суматохе немцами и русскими.

Через несколько дней водолазы отняли второй экземпляр сигнальной книги у немецкого телеграфиста, который лежал на дне, прижимая её к груди. Эту книгу высушили и отправили в Моргенштаб (во время войны его стали называть Генмор). Оттуда её переслали англичанам.

Непенин был вызван к адмиралу, чтобы получить взбучку. Эссен кряхтел, пыхтел и кипятился, а Непенин понуро его слушал и, наконец, обезоружил коротким ответом:

— Прос..л, ваше высокопревосходительство!

С Ренгартеном же условились говорить, что найден всего лишь международный свод сигналов, не имеющий ценности²⁰.

Немцы, как видно, всё же не засекали телеграмму, дважды отбитую Непениным. Телеграфная книга, добытая на «Магдебурге», надёжно служила русским и англичанам вплоть до 1915 года, когда немцы, почувствовав неладное, изменили шифр.

Изучив захваченные на «Магдебурге» документы, офицеры Штаба Эссена убедились в том, насколько слабы немецкие силы, непосредственно им противостоящие. Снова встал вопрос о переходе к активным действиям, тем более что вернулся в строй «Андрей Первозванный». 19 августа отряд крейсеров и миноносцев вышел в море. На «Рюрике» был поднят флаг командующего флотом. Вместе с ним в море вышли все ведущие офицеры Штаба, в том числе Колчак. Только Кербер остался с эскадрой, временно заменяя Эссена.

Перед отрядом ставилась цель выловить лёгкие немецкие крейсера-разведчики. Этого сделать не удалось. Отряд дошёл до Готланда (в центральной части Балтийского моря), долго и безрезультатно гонялся за «Аугсбургом» и повернул домой.

По возвращении была получена телеграмма из немецкого штаба: «Фон Эссену. Вторая армия русских слишком безумно атаковала и уничтожена под Танненбергом. Взято в плен 70 тыс. солдат». — Это сообщалось об окружении части армии генерала А. В. Самсонова в Восточной Пруссии. Почти одновременно пришла другая телеграмма, из Генмора, — о взятии Львова армией генерала А. А. Брусилова²¹.

Между тем директива высшего командования «беречь флот» находила отклик у некоторых адмиралов и старших офицеров. Колчак очень возмущался этим. «Я пришёл к убеждению, — писал он Альтфатеру, — что наш командный состав в виде адмиралов, за редким исключением, выпольнять своего назначения не может. Это всё почтенные буржуа, рантье, существующие на проценты от мирной деятель-

ности... вести войну они не хотят, они только в мирное время кричали о боевой готовности...»²²

25 августа, на собрании флагманов и капитанов, Эссен вновь поставил вопрос о выходе в открытое море. Ему возражал вице-адмирал барон В. Н. Ферзен, опиравшийся на мнение некоторых других присутствующих. Он говорил, что не видит оснований для выхода в море, раз главнокомандующий приказал «беречь флот». Как это, наверно, напоминало Эссену князя Ухтомского и других подобных ему портартурских «сидельцев»! Адмирал ответил кратко и жёстко:

— Так вот, завтра мы выйдем.

— А если встретим неприятеля? — спросил Ферзен.

— То вступим с ним в бой, — ответил Эссен.

Действительно, на следующий день вся эскадра вышла в открытое море. Однако неприятеля не встретили. Заходить далеко к берегам Германии Эссен не решился, зная, что в случае малейшей неудачи на него ополчатся и Министерство, и Ставка. Вернулись в Гельсингфорс, испытав моральное удовлетворение, но не причинив неприятелю никакого ущерба²³.

В начале сентября в Штабе состоялось совещание, на которое Эссен пригласил Кербера, Колчака и Черкасского. Рассматривали подготовленный к совещанию новый план операций более активного характера. План одобрили и решили, что Колчак поедет его защищать перед командующим 6-й армией, а если будет надобно — то и перед главнокомандующим²⁴.

Отправляясь в штаб армии, Колчак надеялся на содействие Альтфатера, с которым вёл оживлённую переписку. Но, видимо, поддержки не получил. В воспоминаниях С. Н. Тимирёва приводится нелестная, но, как думается, вполне обоснованная характеристика Альтфатера, который, по его словам, «являл собой яркий пример очень умного, ловкого и совершенно беспринципного карьериста». В отличие от большинства офицеров, неохотно говоривших о политике, Альтфатер любил рассуждать о пользе самодержавия для России и слыл крайним монархистом. Говорили, что он мечтает получить звание флигель-адъютанта, то есть быть причисленным к императорской свите, и таким образом обеспечить себе карьеру. В дальнейшем, когда произошла революция, оказалось, что путь от монархизма к большевизму очень короткий. Альтфатер перешёл на службу к большевикам и помогал им заключать Брестский мир²⁵. (Много лет спустя, уже в недавние годы, выяснилось, что и обратный путь, из коммунистов в монархисты, тоже достаточно краток и лёгок.)

В штабе 6-й армии Колчаку сказали, что командующий такие вопросы решать не может, а потому следует представить доклад Верховному главнокомандующему.

Колчак немедленно выехал в Ставку, в город Барановичи. Вернулся он в конце сентября, очень мрачный. Активные выступления флота были признаны преждевременными. Более того, главнокомандующий поставил вопрос о дредноутах, которые к концу года должны были вступить в строй. Эти корабли, подчеркнул великий князь, останутся в распоряжении императора, и от него будет зависеть, давать ли разрешение на их использование в той или другой операции. Чувствовалось, что к Эссену в Ставке относятся настороженно, хотя при отъезде Колчаку было велено «нарочито кланяться Николаю Оттовичу»²⁶.

Колчак тяжело переживал эту неудачу. Е. Н. Шильдкнехт, офицер из Генмора, как-то раз этой осенью встретил его на Финляндском вокзале в Петрограде и ехал с ним в Гельсингфорс в одном купе. Александр Васильевич «был чрезвычайно нервен и жаловался на чрезмерный бюрократизм, мешающий продуктивной работе». Он плохо выглядел, так что Шильдкнехт даже спросил насчёт здоровья²⁷. Такова была особенность Колчака: неудачи сразу же отображались на его внешнем виде.

Некоторую разрядку Колчаку давало его новое увлечение. В свободное от службы время он летал на самолёте в качестве пассажира и испытывал новые бомбы. Однажды, как обычно, они вдвоём с лётчиком полетели за город на специальный полигон, где проводились испытания. Но сначала, забыв об осторожности, решили покругить над Гельсингфорсом. Бомба сорвалась и упала на чей-то огород, вырыв порядочную воронку. Жертв, к счастью, не было и скандал удалось замазать²⁸. За всю войну это была единственная бомбардировка финской столицы.

Тем временем в Штабе Эссена созрел новый план: воспользовавшись тем, что немцы ослабили бдительность, начать систематическую работу крейсеров и миноносцев, чтобы, как писал Колчак, «завалить минами всё германское побережье»²⁹.

Первые такие постановки мин были проведены в конце октября 1914 года у Мемеля (Клайпеды). А 6 ноября отряд кораблей под командованием Кербера, при штормовом ветре и снежной пурге, выставил минную банку вблизи острова Борнхольм³⁰. Успех не заставил себя долго ждать. 4 ноября в районе Мемеля подрывался на mine и затонул немецкий броненосный крейсер «Фридрих Карл»³¹.

Дальнейшие операции по постановке мин проводились уже в зимних условиях. Одна из них — под Новый, 1915 год. Было запланировано поставить мины на трассах движения немецких кораблей из Киля на восток и север, то есть у мыса Аркона (на остров Рюген) и у банки Штольпе, в 20 милях от острова Борнхольм. Постановка мин была возложена на крейсера «Россия», «Богатырь» и «Олег», а прикрывать операцию должны были крейсера «Рюрик», «Адмирал Макаров» и «Баян». Руководство операцией Эссен возложил на контр-адмирала Канина. Вместе с ним в поход отправился и Колчак, разработавший план операции. Проводить её следовало в условиях полной скрытности, поскольку основу отряда составляли старые и тихоходные крейсера.

Рано утром 30 декабря, в тихую и пасмурную зимнюю погоду отряд вышел в море. Было холодно, но по мере движения на юг, к берегам Германии, становилось теплее. Миновав оостров Готланд, отряд разделился: «Богатырь» и «Олег» повернули к банке Штольпе, а «Россия», под флагом Канина, пошла дальше на юг.

Прошли остров Борнхольм, на котором ярко горел маяк. И тут телеграфисты доложили, что слышны усиленные переговоры между неприятельскими кораблями, которые находятся очень близко. Осторожный Канин приказал повернуть назад. Но на капитанском мостике возникли жаркие споры и кто-то пошёл будить Колчака, который отсыпался после нескольких бессонных ночей. Колчак поднялся на мостик, вошёл в курс дела и сказал спокойно и просто: «Ваше превосходительство, ведь мы почти у цели». И адмирал велел лечь на прежний курс.

Когда вдаль начали просматриваться смутные очертания берега и стал виден затемнённый свет маяка Арконы, Канин приказал начать постановку мин. Через час, сбросив в море последнюю мину, крейсер пошёл к родным берегам, выставив напоследок четыре фальшивых перископа, сделанных из баркасных мачт и вертикально торчавших в море.

Ближе к полуночи, когда офицеры собрались в кают-компанию для встречи Нового года, Канин поднял тост за Колчака. «Благодаря вам, Александр Васильевич, — сказал он, отбросив ложное самолюбие, — мы исполнили свой долг до конца».

Впоследствии на минах, установленных 31 декабря, подорвался и еле добрался до гавани доселе неуловимый «Аугсбург». Получил пробоину и лёгкий немецкий крейсер «Газелле»³².

Следующая минно-заградительная операция проводилась в конце января — начале февраля 1915 года. Под командова-

нием Колчака вышло четыре эскадренных миноносца («Генерал Кондратенко», «Сибирский стрелок», «Охотник» и «Пограничник»). Ставилась задача поставить мины вблизи Данцигской бухты. Прикрытие осуществлял отряд крейсеров, которым командовал контр-адмирал М. К. Бахирев. Он же осуществлял общее руководство всей операцией.

Погодные условия на этот раз были сложными: шла пурга, затруднявшая видимость, а между тем надо было всё время быть начеку, чтобы не натолкнуться на ледяное или минное поле.

Вблизи Готланда, ночью, крейсер «Рюрик» задел днищем за камни и получил пробоину. Обнаружилось повреждение и у «Генерала Кондратенко», зацепившегося за льдину. Бахирев приказал всем судам возвращаться. Колчак дал телеграмму командующему флотом: «Ввиду особо благоприятных условий погоды прошу разрешения операцию продолжить». Разрешение было дано, и Колчак повёл свой отряд без прикрытия. Непогода и плохая видимость — лучших условий для скрытной постановки мин не могло и быть. 1 февраля 1915 года миноносцы выставили близ Данцига 140 мин — в том самом месте, который был отмечен вехами как безопасный путь. Затем отряд благополучно вернулся на базу³³.

По докладу командующего 6-й армией о «мужестве и отличной спорядительности», проявленных Колчаком «во время опасной операции большого боевого значения», он был награждён орденом Владимира III степени с мечами³⁴.

С некоторых пор Колчак стал тяготиться своим пребыванием в Штабе. В общем-то штабная работа не очень подходила к его натуре: он не обладал большой усидчивостью, необходимой для штабного работника, не любил бумаг и бывал с ними небрежен³⁵.

Но, желая перейти на командно-оперативную работу, Колчак меньше всего стремился стать командиром какого-нибудь большого корабля. В конце 1914 года вступили в строй, один за другим, четыре дредноута («Севастополь», «Полтава», «Петропавловск» и «Гангут»). Балтийский флот теперь представлял собою грозную силу. Но командующий флотом без санкции императора не мог двинуть в бой ни одного из этих грозных исполинов. Они занимались учениями, чаще же — стояли на якорях, а команда выполняла какую-нибудь ненужную работу или томила от безделья и медленно, но неуклонно разлагалась. В октябре 1915 года на линкорах «Гангут» и «Павел I», а также на крейсере «Рюрик» произошли матросские волнения. По уровню дисциплины и боевого ду-

ха команд линейные корабли могли бы занять в Балтийском флоте последнее место, если бы оно не закрепилось прочно за 2-й (резервной) бригадой крейсеров³⁶, в состав которой входила и «Аврора», впоследствии принявшая участие в октябрьских событиях 1917 года.

Стать командиром дредноута — это для Колчака было бы хуже штабной работы. Его стихией были миноносцы. Повидимому, он понял это ещё во второй своей арктической экспедиции, управляя вельботом, а потому, приехав в Порт-Артур, попросил у Макарова миноносец. Порт-артурский опыт был не очень удачным, но осталась любовь к этой быстрой и маленькой боевой машине, которая всегда в деле, всегда в пути. В Штабе Эссена Колчак неоднократно говорил друзьям, что «венцом его желаний» было бы получить в командование Минную дивизию. По словам Тимирёва, о большем он не мечтал³⁷.

Эссен сочувственно относился к этим планам и давно продвигал Колчака в адмиралы. После этого он собирался поставить его во главе Минной дивизии. Благоприятный случай для осуществления задуманного, казалось, давали посещения Балтийского флота великим князем Николаем Николаевичем и императором Николаем II.

24 февраля 1915 года, с раннего утра, вдоль дороги по льду на штабной крейсер «Россия» шпалерами выстроились моряки (не менее 9 тысяч человек). Ждать на морозе пришлось долго. Автомобиль с Николаем Николаевичем и его свитой подкатил только в первом часу. Среди свиты, по словам Ренгартена, оказался и «неизбежный Альтфатер».

За длинным столом в кают-компании был дан парадный завтрак. Гремела музыка, стол был украшен цветами, офицеры были в парадной форме и при орденах. «В центре — главный гость, — записано в дневнике Ренгартена, — старенький, старенький милый человек с белой бородой, ясными, почти детскими глазами. Он всё забыл и ничего не помнит, впрочем, желает всем добра. Среди завтрака встаёт и тихим, сердечным голосом, от души говорит: “Я рад видеть славный Балтийский флот, который, несмотря на ограничение поставленных ему задач, сумел положить мины в Балтийское море... Здоровье Балтийского флота!..”» Армейские генералы прокричали «ура», а морские офицеры недоумённо переглянулись: кто же ограничивал, как не он сам, главнокомандующий, а теперь поднимает тост за то, что преодолели некоторые его ограничения.

«Всё это комедия, — с горечью отмечал Ренгартен, закончив описание торжественного завтрака. — Было чувство до-

сады, что оторвали зря от работы, что всё это не нужно, что милый старик бесконечно чужд нашему флоту, что всё это пустота, пустота с трезвоном»³⁸.

«Милому старику» в ту пору было 58 лет. Был он почти двухметрового роста, ярким полководческим дарованием не обладал, но пользовался популярностью среди армейского офицерства и разделял его ревнивое отношение к офицерам флота.

На следующий день Балтийский флот принимал Николая II. Открытый автомобиль с императором проделал путь между шпалерами матросов, остановился у трапа. Николай II поднялся на борт «России», принял рапорт, поздоровался с офицерами (руку подавал только тем, кто был чином не ниже старшего лейтенанта). Эссен представил ему адмиралов и командиров крупных судов. Затем император поздоровался с командой и сфотографировался с офицерами. На этом снимке Колчак стоит за спиной императора и довольно далеко от него, в несколько напряжённой позе, чуть втянув голову в плечи, смотрит куда-то в сторону.

После «России» Николай II побывал в крепости, на линкоре «Петропавловск» и в лазарете для раненых. На завтрак в императорский поезд были приглашены адмиралы, а обед был «для ещё более избранных». Эссен был у государя с докладом, который был хорошо принят, на прощание Николай поцеловал командующего флотом.

Вечером на вокзале в Гельсингфорсе собралось много народу. Император появился в окне на площадке своего вагона, лёгкой улыбкой отвечая на шумные приветствия. Поезд тронулся, медленно увеличивая ход³⁹.

С. Н. Тимирёв вспоминал, что государь показался ему на этот раз постаревшим и утомлённым⁴⁰. Многие мемуаристы подтверждают, что во время войны Николай II стал быстро стареть.

Высокие гости уехали, а Колчак адмирала не получил. Тимирёв объяснял это трениями, существовавшими между Эссеном и «придворной партией, имевшей на царя большое влияние»⁴¹. Вряд ли, однако, он понимал это выражение («придворная партия») так, как понимают его современные историки (императрица, Распутин, Вырубова и прочие). Скорее всего, он включал в это понятие и великих князей вместе с Николаем Николаевичем. Ибо именно последний мог быть против Колчака, который осенью побывал у него в Ставке и добивался — возможно, очень напористо — расширения района деятельности флота. А без санкции Верховного главнокомандующего в то время высшие назначения в армии и флоте не производились.

* * *

В начале 1915 года русские войска добились некоторых успехов, в том числе и на побережье Балтики. 6 марта был занят Мемель. Первой, под сильным огнём неприятеля, в город ворвалась флотская команда во главе с капитаном 2-го ранга А. Н. Никифораки. Было установлено телефонное сообщение с Либавой. В занятом русскими войсками городе побывал Колчак. Видимо, Штаб Эссена заинтересовался возможностью использовать порт. Однако через три дня немцы отбили Мемель⁴².

А в апреле германо-австро-венгерские войска начали широкое наступление от Галиции до Балтики. 25 апреля была потеряна Либавя. Возникла угроза Рижскому заливу и Моонзундскому архипелагу, который играл важную роль в обороне Финского залива.

Оборона Рижского залива не входила в круг задач Балтийского флота. Тем не менее Эссен отправил туда броненосец «Слава» и основную часть Минной дивизии. Вход в Рижский залив (Ирбенский пролив) был заграждён минами. Начальник Минной дивизии контр-адмирал П. Л. Трухачёв, старший брат товарища Колчака по выпуску, возглавил оборону Рижского залива.

Эссен планировал также осуществить глубокую разведку в южной части Балтийского моря и воспользоваться для этого хотя бы одним из дредноутов — «Севастополем». Разрешение дано не было. Дредноуты простаивали без дела, а между тем русский Балтийский флот, имея преимущество перед непосредственно противостоящими ему немецкими силами, ничего не мог с ними сделать: не хватало лёгких быстроходных крейсеров, миноносцев, был слаб подводный флот. «Трудное наше положение на Балтийском море, — записал Ренгартен в дневнике, — война оборонительная в самом полном значении этого слова, с длительным тяжким выжиданием. И от этого ворох бумаг, от этого потоп организационных и административных дел, но нет поэзии войны»⁴³.

Эссен решил перевести свой Штаб в Ревель, поближе к театру военных действий. Начались подготовительные работы. Командующий флотом старался ускорить затянувшееся строительство крепости и военного порта.

1 мая Эссен почувствовал себя плохо, но на следующий день уехал на миноносце в Ревель. 3 мая вечером ему стало совсем худо. Сердечная недостаточность соединилась с воспалением лёгких. Эссен умирал четыре дня. Что вспоминал он, что вставало в его воспалённом сознании в те промежу-

ки времени, когда выплывал он из небытия, чтобы опять в него погрузиться? Может быть, видел он себя вновь стоящим на мостике своего «Севастополя». Броненосец медленно уходил под ним в воду. А он стоял, ухватившись за ограждение. Его пытались от него оторвать, но он держался крепко, изо всех сил. Но силы слабели. А корабль уходил в воду. И это уже не «Севастополь». Это — «Россия». Россия, которой он служил. И вот уже сил не осталось. Тогда чьи-то руки подняли его и унесли ввысь. А большой корабль медленно шёл на дно...

7 мая, в половине седьмого вечера адмирал скончался⁴⁴. «Пограничник» сослужил ему последнюю службу, переправив гроб с телом из Ревеля в Петроград.

Штаб Эссена считал, что заменить его может только Кербер⁴⁵. Но в Ставке рассудили иначе. Кербер слишком напоминал беспокойного Эссена. И потому на пост командующего Балтийским флотом был назначен более спокойный вице-адмирал В. А. Канин. Это означало, что Кербер должен покинуть пост начальника Штаба. Талантливый флотоводец некоторое время был фактически не у дел, пока не был назначен командующим флотилией Северного Ледовитого океана. Но это, конечно, не отвечало масштабам ни его дарований, ни тех дел, которые он делал вместе с Эссеном.

Колчак тоже не вписывался в новый Штаб. И хотя Канин, как вспоминал Тимирёв, относился к Колчаку и Непенину как к «высшим существам»⁴⁶, ни в чём не ограничивая их самостоятельность, было ясно, что Колчак долго при Канине не задержится.

Вскоре после смерти Эссена случилось у Колчака ещё одно потрясение. 22 мая у входа в Финский залив был торпедирован немецкой подводной лодкой заградитель «Енисей». Командовал им капитан 1-го ранга Константин Прохоров, третий по списку в колчаковском выпуске, если считать с Филиппова, а не с великого князя. Участвовал он в Цусимском сражении, и тогда уже было оплакали и похоронили его. Но оказалась ошибка в приказе по флоту — вернулся он живым из плена. Как и Колчак, командовал миноносцами, а на «Енисей» перешёл ещё до войны. Когда она началась, водил свой «Енисей» к германским берегам, устанавливал там мины. Действовал всегда хладнокровно и решительно — как и в последние минуты своей жизни. Стоял на капитанском мостике, спокойно отдавал распоряжения, а когда увидел, что гибель неминуема и близка, — запел гимн «Боже, царя храни». Команда подхватила, так с пением и ушли на дно. Спаслось всего 20 человек⁴⁷.

На следующий день Колчак съездил в Петроград к вдове своего товарища⁴⁸. Неизвестно, кому было тяжелее — ему рассказывать или ей слушать.

Отголоском эссеновских времён и достойной ему памяти стала крейсерская экспедиция 18—19 июня 1915 года, проведённая под командованием контр-адмирала Бахирева. Ставилась задача обстрелять Мемель, воспользовавшись тем, что все крупные корабли немецкого флота ушли в Киль на императорский смотр.

Сильный туман мешал движению крейсеров, так что «Рюрик» и эскадренный миноносец «Новик» отстали от основного отряда и пошли самостоятельно. Между тем служба связи Непенина сообщила, что в центральной Балтике находятся германские крейсера «Роон», «Аугсбург» и «Любек», заградитель «Альбатрос» и семь миноносцев. Канин по радио передал Бахиреву приказ перехватить этот отряд.

Встреча состоялась утром 18 июня у острова Готланд, причём для немцев она была неожиданной. После получасового боя неприятельские миноносцы поставили дымовую завесу. Смешавшись с туманом, она сделала видимость почти нулевой. В дыму и в тумане немецкие крейсера и миноносцы ушли, оставив не столь быстроходный «Альбатрос» на растерзание противнику. Объятый пламенем, он выбросился на берег Готланда.

Через некоторое время «Роон» наткнулся на «Рюрика». Поединок двух бронированных крейсеров сложился не в пользу первого. Несколькими залпами «Рюрик» накрыл «Роона», и тот поспешно ушёл. Так закончилось, с преимуществом русских, крейсерское сражение у Готланда — единственное в своём роде за всю войну на Балтике. Поход на Мемель пришлось отменить из-за того, что крейсера сильно израсходовали свой боезапас⁴⁹.

Продолжая наступление в Прибалтике, немецкие войска 5 июля 1915 года заняли Виндаву, а в середине месяца вышли на побережье Рижского залива. Здесь они оказались в довольно затруднительном положении, поскольку русские миноносцы и броненосец «Слава» мешали их продвижению вдоль берега. В конце июля немецкое морское командование, сосредоточив у Ирбенского пролива значительные силы, начало штурм минных заграждений. Несмотря на обстрел тральщиков русскими кораблями и скрытное возобновление минирования, немцы упорно продвигались вперёд. 6 августа, потеряв несколько тральщиков и миноносцев, неприятельский флот вошёл в Рижский залив. Но... через

несколько дней ушёл из него. Что заставило немецкое морское командование принять такое странное решение, осталось неясным⁵⁰. После этого русские вновь заминировали Ирбенский пролив.

* * *

В начале сентября 1915 года командующий Минной дивизией и обороной Рижского залива контр-адмирал Трухачёв во время качки сильно вывихнул ногу и выбыл из строя. 10 сентября на его место временно был назначен Колчак. Это было то самое дело, о котором он давно мечтал.

Прибыв в дивизию, Колчак прежде всего съездил в Ригу, чтобы встретиться с командующим 12-й армии Северного фронта генералом Р. Д. Радко-Дмитриевым. Они быстро договорились о совместных действиях и, более того, сразу поправились друг другу.

Радко-Дмитриев был болгарин, участвовал в Балканских войнах, а в 1913 году был назначен полномочным посланником Болгарии в Петербурге. Когда началась война и болгарское правительство пошло на сближение с антирусской коалицией, Радко-Дмитриев оставил свой дипломатический пост и вступил в русскую армию. Колчак высоко ценил этот мужественный шаг болгарского генерала, патриота своей страны и друга России.

Немцы вели наступление на Ригу. Для борьбы с русским флотом они установили в ключевых точках мощные береговые батареи. Вскоре после назначения Колчака, когда «Слава» вела дуэль с одной из таких батарей, снаряд залетел в амбразуру боевой рубки и убил нескольких человек, в том числе командира корабля, капитана 1-го ранга князя С. С. Вяземского⁵¹. Борьба с береговыми батареями, начатая при Трухачёве, продолжалась и при Колчаке. Но главное, о чём договорились с Радко-Дмитриевым, — всеми силами сдерживать наступление немцев вдоль берега.

Боевым участком, выходившим к морю, командовал князь Меликов, командир 20-го драгунского Финляндского полка. Позиции располагались в болотистой местности, а ближайший город Кеммерн был уже занят немцами. Собственная артиллерия у князя была слабая, и все надежды возлагались на помощь с моря. По договорённости между Меликовым и Колчаком, в море, напротив фланга русских позиций, была установлена бочка, прикрытая мысом Рагоцем от береговой батареи противника. К бочке был подведён телефонный кабель. Став на бочку, корабль мог сразу

соединиться со штабом боевого участка, а также и с корректировщиками на наблюдательных пунктах⁵².

Заняв Кеммерн, немцы приостановили наступление. Колчак оставил в Риге несколько миноносцев для экстренной помощи фронту, а сам занялся осуществлением плана операции в тылу врага.

Штаб Балтийского флота был против такой операции, опасаясь, что она спровоцирует новые попытки немецкого флота прорваться в Рижский залив. Но Колчак настоял на своём, хотя и пришлось сократить масштабы операции до минимума и придать ей чисто демонстративный характер. На берег предстояло высадить две роты морских стрелков, эскадрон драгун и подрывную партию (всего 22 офицера и 514 нижних чинов). Руководил операцией сам Колчак, десантом командовал капитан 2-го ранга П. О. Шишко, боевой офицер, известный своим бесстрашием. Десант был посажен на две канонерские лодки, прикрывали операцию 15 миноносцев, линкор «Слава» и авиатранспорт (авиаматка) «Орлица». 6 октября отряд вышел в море.

Первоначально предполагалось высадиться в местечке Роэн, где была небольшая бухта с пристанью. Но поднялся ветер, и Колчак решил, что при большой волне высадить десант будет трудно. Тогда решили отклониться немного к западу, к мысу Домеснес, который защищал от волн ближайшее побережье.

На рассвете 9 октября отряд подошёл к берегу и началась высадка десанта с помощью гребных шлюпок и катеров. Вскоре, однако, они упёрлись в мелководье, и морским стрелкам пришлось добираться до берега вброд. Неприятель оказался не осведомлён о высадке и не чинил ей препятствий.

Стрелки сняли сторожевой пост у маяка, разгромили спешно направленную против них пехотную роту. Другие подкрепления были атакованы гидросамолётами и обстреляны миноносцами. Десант уничтожил неприятельский наблюдательный пункт, захватил пленных и трофеи и вернулся на суда. Немецкие потери составили более 40 человек, а среди десанта было только четверо тяжелораненых. Отряд благополучно отбыл, доказав возможность таких операций в более широких масштабах. Немцам же пришлось оттянуть на защиту побережья часть сил с фронта⁵³.

К середине октября погода на Балтике ещё более ухудшилась. Постоянно штормило, шли снегопады. Колчак отвёл миноносцы в Моонзундский архипелаг, в гавань Рогоколь. «Слава» стояла в бухте Куйвасто. Однажды поздно вечером на флагманский миноносец «Сибирский стрелок» поступила

телефонограмма, никому не адресованная. Её передали из Риги в Ревель, а оттуда, через Службу связи Непенина, — в Рогокуюль. Текст гласил: «Неприятель теснит, прошу флот на помощь. Меликов».

Колчак заволновался: «Не такой человек Меликов, чтобы зря звать на помощь — выхожу немедленно со всеми силами, будь что будет». Начальнику группы миноносцев в Риге была послана радиогамма: «Передайте немедленно Меликову: буду утром со “Славой” и миноносцами. Капитан 1-го ранга Колчак». Послали радиогамму и командиру «Славы».

Теперь предстояло самое трудное: ночью, в пургу по узкому каналу выйти из Моонзунда. Пошли самым малым ходом, освещая вехи прожекторами. Пурга усилилась, вехи не стало видно. Тогда пошли по счислению. Но ветром корабль отнесло немного в сторону. «Сибирский стрелок» и ещё два миноносца сели на камни, к счастью, на малом ходе, не повредившись. Часа полтора безуспешно пытались сняться, пока само море не пришло на помощь: вода прибыла, и миноносцы всплыли. Мало того, разорвалась завеса пурги, и стал виден маяк на выходе из архипелага. Прибавили ходу, и уже в Рижском заливе обогнали «Славу», шедшую с предельной скоростью в 16 узлов.

Часов в семь утра миноносцы подошли к побережью, где шёл бой. Ухали разрывы немецких снарядов, трещали пулемёты, слышалась ружейная стрельба. На мысе Рагоцем ещё держались русские части, отрезанные от остальной армии.

«Сибирский стрелок» стал на бочку и соединился со штабом Меликова. Оттуда начали поступать приказания: «Стрелять по цели в квадрате №...». «Сто сажен южнее...», «Неприятель ведёт наступление на правом фланге, цепи выходят на берег, прошу обстрелять». К берегу подошли несколько мелкосидящих миноносцев и открыли шрапнельный огонь по наступающим.

Над миноносцами появились немецкие аэропланы, пытались бомбить, но неудачно, и улетели. Зато неприятельская батарея за мысом вдруг начала прицельно бить по миноносцам. Очевидно, с самолётов были сделаны фотоснимки. Все миноносцы, за исключением флагманского, изменили позицию. «Сибирский стрелок» не мог отойти от бочки и положился на судьбу. Судьба не подвела, а бой постепенно стих. Русские войска, немного отступив, удержали позиции.

Под вечер Колчак сошёл на берег, повидался с Меликовым и вернулся весёлый: «Удивительный человек Меликов, просит нас уходить домой, говорит, что немцы понесли такие потери, что не скоро рискнут снова нас атаковать».

Просит нас прийти через несколько дней, когда сам перейдёт в атаку для захвата Кеммерна. Мы должны будем произвести артиллерийскую подготовку». На другой день Колчак увёл свой отряд, оставив несколько миноносцев для поддержки армии.

Дней через десять пришло сообщение, что армия готовилась к наступлению. Миноносцы заблаговременно вышли на старую позицию и осторожно, сделав один-два выстрела, пристрелялись к целям. Распределили огонь так, чтобы прикрыть всю линию атаки. «Слава» со своими 12-дюймовыми пушками взяла на себя бетонные укрепления. Миноносец «Храбрый» должен был заняться береговой батареей, приближаясь к ней и отдаляясь, отвлекая её полностью на себя. Другим миноносцам было приказано не сходить с места. Против аэропланов средств не имелось, но их надо было просто терпеть.

Утром, по сигналу второй пушки «Сибирского стрелка», флот открыл стрельбу. В это же время «Храбрый» затеял дуэль с береговой батареей. Вскоре налетели аэропланы. Их бомбы порой падали близко к миноносцам, но те не сходили с места. Не прошло и часа, как Меликов сообщил, что немецкие позиции и город Кеммерн заняты, противник бежал, не оказав сопротивления, так что и связь с ним временно потеряна. Потом говорили, что это была первая успешная наступательная операция русских войск после великого отступления 1915 года, хотя это, может быть, неточно.

Вечером, когда флот ещё оставался на прежней позиции, из Ставки поступила телеграмма от Николая II. Государь общал, что по докладу командующего 12-й армией генерала Радко-Дмитриева он награждает капитана 1-го ранга А. В. Колчака орденом Святого Георгия 4-й степени. Ночью, когда Колчак уже спал, боевые друзья нашли на его тужурку и пальто георгиевские ленты. А потом пришёл миноносец из Ревеля, с которым Непенин прислал ему своего Георгия⁵⁴. (Среди георгиевских кавалеров был распространён обычай меняться орденами в знак дружбы и восхищения.) Указ о награждении Колчака орденом Георгия датирован 2 ноября 1915 года⁵⁵.

Вскоре после этого адмирал Трухачёв вернулся в дивизию и Колчак отбыл на прежнее место службы — в Штаб Балтийского флота. Здесь он разработал план операции по минированию Виндавы, который был успешно выполнен. Постановка мин в этом районе для немцев была неожиданной, так что сразу же здесь подорвалось несколько миноносцев и крейсер⁵⁶.

В середине декабря у адмирала Трухачёва возникли новые проблемы со здоровьем, и Канин перевёл его на более спокойную должность — начальником 1-й бригады крейсеров. На освободившееся место командующего Минной дивизией Балтийского флота был назначен Колчак⁵⁷. Редкое назначение, вспоминал Тимирёв, «приветствовалось столь единодушно всем флотом»⁵⁸.

Едва вступив в должность, Колчак решил провести ещё одну минно-заградительную операцию. В сочельник, 24 декабря, отряд миноносцев вышел из Ревеля, взяв курс на Виндаву. Но в самом начале пути подорвался миноносец «Забияка». Пришлось вести его на буксире обратно в Ревель. «Это первое предприятие, которое у меня не увенчалось успехом», — говорил Колчак⁵⁹.

Наступившая зима оказалась очень холодной. Все проходы забило льдом. Ледяным панцирем сковало значительную часть акватории Балтийского моря. Минная дивизия зазимовала в Ревеле.

* * *

В конце 1914 года капитан 2-го ранга Сергей Николаевич Тимирёв получил назначение в Штаб Эссена. 6 января 1915 года он выехал из Петрограда в Гельсингфорс. Провожать его на вокзал приехала его жена.

Анна Васильевна Тимирёва родилась 5 июля 1893 года. По материнской линии она доводилась внучкой И. А. Вышнеградскому, выдающемуся математику и механику, министру финансов при Александре III. Отец её, Василий Ильич Сафонов, был известный пианист, дирижёр и музыкальный педагог. С 1889 по 1905 год занимал пост директора Московской консерватории. Затем, поссорившись со студентами, которые увлеклись политикой, оставил консерваторию, переехал в Петербург и стал надолго уезжать в зарубежные гастроли. Семья была многодетной. Братья и сёстры, все до единого, учились музыке. Многие увлекались рисованием и живописью, писали стихи. Из сафоновской семьи вышло несколько профессиональных музыкантов и художников. Анна Васильевна тоже тянулась к искусству. В Петербурге она закончила женскую гимназию, одновременно посещая частную художественную студию.

Крупных художественных и музыкальных дарований у неё не было, или, может быть, они не проявились, уступив место главному её таланту. Выросшая в художественно-артистической обстановке, Анна Васильевна была очень та-

лантлива в другом смысле — чисто в женском. Мало кто умел, как она, проникнуться духом и делами любимого человека, создать вокруг него атмосферу любви и поэзии повседневных отношений, тактично, в шутиливой форме высказывать ему дельные советы и пойти за ним хоть на край света, посвятив ему, живому или мёртвому, остаток жизни.

Всё это, конечно, — забегание вперёд. Ибо к тому времени, о коем сейчас речь, этот главный талант у Анны Васильевны ещё не раскрылся, хотя с 1911 года она была замужем, и в 1914 году у Тимирёвых родился сын Владимир.

Тимирёвы стояли на платформе Финляндского вокзала, когда мимо них быстро прошёл невысокий, широкоплечий офицер. «Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции», — сказал Сергей Николаевич, забыв, видимо, что после возвращения Колчака из последней экспедиции прошло уже четыре года. «У меня, — вспоминала Анна Васильевна, — осталось только впечатление стремительной походки, энергичного шага».

В Гельсингфорс Колчак и Тимирёв ехали вместе. Они были знакомы ещё с Морского корпуса, затем оказались в Порт-Артуре. Теперь предстояло вместе служить в Штабе Эссена. Недолгий путь от Петрограда до Гельсингфорса занял разговор об оперативной обстановке на Балтике и о штабных делах, причём Колчак рассказывал, а Тимирёв расспрашивал⁶⁰.

Через некоторое время, той же зимой, Анна Васильевна приехала к мужу в Гельсингфорс, чтобы, как она вспоминала, «осмотреться и подготовить свой переезд с ребёнком». Герой Порт-Артура Н. Л. Подгурский, в годы этой войны командовавший на Балтике подводными лодками, пригласил Тимирёвых к себе на вечер. Там же оказался и Колчак. «Вы рассказывали что-то об “элементах и нервах”, и было хорошо и просто», — вспоминала впоследствии Анна Васильевна в одном из писем Колчаку⁶¹. Просто изложить оккультные теории об «элементалах» (духах) четырёх стихий мог, наверно, только Колчак.

«Не заметить Александра Васильевича было нельзя, — вспоминала Анна Васильевна, — где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и, о чём бы он ни говорил — даже о прочитанной книге, — оставалось впечатление, что всё это им пережито. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом»⁶².

«К весне», то есть в конце зимы, семья Тимирёвых переехала в Гельсингфорс — «красивый, очень удобный, лёгкий какой-то город», как писала Анна Васильевна. В это же

примерно время туда из Петрограда переехала и Софья Фёдоровна с детьми. Воспоминания Анны Васильевны очень точны, но маленькую Маргариту она почему-то не запомнила, считая, что у Колчаков был только один ребёнок — Славушка. Впрочем, человеческая память способна и не на такие причуды. Колчак, например, ко времени иркутского допроса совсем забыл, что в 1915—1916 годах Балтийским флотом командовал Канин — у него получалось, что все приказы по-прежнему шли от Эссена.

«Это была высокая и стройная женщина, лет 38, наверно, — рассказывала Анна Васильевна о Софье Фёдоровне. — Она очень отличалась от других жён морских офицеров, была более интеллектуальна, что ли»⁶³. На самом деле в 1915 году Софье Фёдоровне исполнилось 39 лет. Она начинала стареть, была поглощена заботами о детях, и у неё, конечно, не было того артистического обаяния, каким обладала Анна Васильевна.

Софья Фёдоровна и Анна Васильевна сразу подружились, тем более что мужа чаще всего были в Штабе или в море. На лето Колчаки и Тимирёвы сняли дачи поблизости друг от друга — на острове Бренде. Дружеские отношения двух семейств продолжались и осенью. Анна Васильевна ни о чём не подозревала, и Александр Васильевич по ночам ей не снился, хотя она видела, что он за ней ухаживает. А тот, несомненно, уже тогда ничего не мог поделать с охватившим его чувством.

Всё изменилось с одной встречи. Шёл дождь, затемнённый город еле освещался синими фонарями. Анна Васильевна шла одна, думая о своём (что будет дальше? какие ещё несчастья принесёт война?), и вдруг перед ней вырос Александр Васильевич. Они поговорили, как вспоминала Анна Васильевна, не более двух минут, условились о встрече в дружеской компании, разошлись. Вдруг Анна Васильевна подумала: «А вот с этим я ничего бы не боялась».

Сергей Николаевич был человек не менее надёжный. С Александром Васильевичем, имевшим авантюрную жилку, пожалуй, было даже опаснее. Так что дело не в этом. Просто вдруг родилось ответное чувство. Оно не было таким бурным и поглощающим, как у Колчака. Оно горело ровнее и спокойнее, но Анна Васильевна с этих пор, как завороченная, шла за этим огоньком.

Встречались они чаще всего где-нибудь у друзей. Круг офицерский тесен — всегда это была примерно одна и та же компания. «Где бы мы ни встречались, — вспоминала Анна Васильевна, — всегда выходило так, что мы были рядом, не

могли наговориться, и всегда он говорил: “Не надо, знаете ли, расходиться — кто знает, будет ли ещё когда-нибудь так хорошо, как сегодня”. Все уже устали, а нам — и ему, и мне — всё было мало, нас несло, как на гребне волны»⁶⁴.

Все это видели, все знали, и пересуды, конечно, были неизбежны. Внешне две женщины сохраняли дружеские отношения. Что происходило в семьях, нам, к счастью, неизвестно. Той же осенью, забрав детей, Софья Фёдоровна переехала в Гатчину. О причинах можно только гадать. Скорее всего, она хотела вырваться из того невыносимого положения, в каком оказалась. В Гатчине умерла Маргарита, не прожив и двух лет⁶⁵. Софья Фёдоровна через некоторое время вернулась в Гельсингфорс. Однако потеря маленькой дочери, как видно, ещё более отдалила супругов друг от друга. Софья Фёдоровна с этого времени стала как-то более безучастно относиться к роману своего мужа с другой женщиной. «Вот увидите, — говорила она одной из своих подруг, — Александр Васильевич разойдётся со мной и женится на Анне Васильевне».

Однажды в Морском собрании устроили вечер, на который дамы должны были явиться в русских нарядах. Александр Васильевич попросил Анну Васильевну сфотографироваться в этом наряде и подарить ему фото. Анна Васильевна выполнила просьбу. Снимок, очень хорошо получившийся, она подарила ещё кое-кому из своих друзей. «А я видел ваш портрет у Колчака в каюте», — сказал один знакомый. «Что же тут такого, — отвечала Анна Васильевна, — этот портрет не только у него». — «Да, но в каюте Колчака был только ваш портрет и больше ничего».

В свою очередь Анна Васильевна вспоминала, что в те дни её мысли были тоже только о нём. «Я думаю, если бы меня разбудить ночью и спросить, чего я хочу, — я сразу бы ответила: видеть его»⁶⁶. Немного подтрунивая над собой и над ним, она называла его «милая моя Химера», вкладывая в это двойной смысл. Резкими чертами лица Колчак действительно напоминал химеру с Собора Парижской Богоматери. Но с другой стороны, химера — это какая-то несбывшаяся мечта, фантастический сон, не имеющий отношения к реальности. «Милая химера» — значит прекрасная мечта, прекрасный сон.

Любовь, как стихия, — приходит и уходит помимо человеческой воли. Но в зрелом возрасте (Колчаку в 1915 году исполнился 41 год) она вызывает тяжёлые переживания и может разрушить человека. Любовь А. В. Колчака и А. В. Тимирёвой — об этом в наши дни много говорят и пи-

шут — имела не только поэтическую сторону. Не будем слишком высоко возносить культ Афродиты — была и теневая сторона. Забегая немного вперёд, можно сказать, что она, несомненно, мешала Колчаку командовать Черноморским флотом, хотя он и носился с мечтой положить к ногам возлюбленной Константинополь (все влюблённые немного как дети). Она, эта любовь, испортила ему нервы в те самые дни и месяцы, когда от него особенно требовались спокойствие, выдержка и хладнокровие. Она окончательно разрушила его семью, оставив от неё только видимость. Разрушена была и семья Тимирёвых, и потом каждый из них умирал в одиночку.

* * *

С началом весны 1916 года немцы возобновили наступление на Ригу. Морские силы Рижского залива активно им противодействовали. В распоряжении Колчака в это время, кроме «Славы», были также крейсера «Адмирал Макаров» и «Диана». Своим огнём они задерживали продвижение противника. Те участки побережья, которые были уже заняты немцами, Колчак начал минировать, используя мелкосидящие заградители, переделанные из колёсных пароходов. Таким образом исключалось передвижение вдоль берега неприятельских транспортов и подводных лодок⁶⁷.

В августе 1915 года, когда ещё не закончилось великое отступление, Николай Николаевич был смещён с поста верховного главнокомандующего и назначен заместителем главнокомандующего Кавказа и командующим Кавказским фронтом. Верховным главнокомандующим Николай II назначил самого себя, а начальником штаба Ставки — генерала М. В. Алексева. В Ставке немного стало меняться отношение к флоту. Впервые Колчак почувствовал это на себе, когда был награждён орденом Святого Георгия. А затем получило, наконец, движение и представление о повышении его в воинском звании. 10 апреля 1916 года «высочайшим» приказом по морскому ведомству Колчак был произведён в контр-адмиралы⁶⁸. (Анна Васильевна теперь стала именовать его «милой Химерой в адмиральской форме».)

Уже в звании контр-адмирала Колчак принял участие в борьбе против немецких транспортов, перевозивших железную руду из нейтральной Швеции. Сведения об их движении поступали из английского посольства в Стокгольме. Первый выход навстречу транспортам был неудачным: караван успел проскочить приготовленное для него место встре-

чи. Более тщательно был спланирован второй выход — 31 мая. Общее командование операцией было поручено контр-адмиралу Трухачёву, который вёл три крейсера — «Богатырь», «Олег» и «Рюрик». Впереди шли три эскадренных миноносца — «Новик», «Победитель» и «Гром» под командованием Колчака.

Около полуночи миноносцы обнаружили караван, шедший в сопровождении вспомогательного крейсера и двух вооружённых пароходов. Колчак атаковал их, не дожидаясь подхода Трухачёва. Конвоиры храбро вступили в бой, несмотря на очевидное превосходство атакующих. Сражение длилось около получаса, и все конвоиры были потоплены, а также и несколько транспортов. Остальные укрылись в шведских территориальных водах. Крейсера не успели принять участие в сражении. После этого Германия на длительное время прекратила морские перевозки из Швеции⁶⁹.

В это же время по инициативе Колчака в Штабе началась разработка более крупной, чем предыдущая, десантной операции в Рижском заливе в тылу немецких войск⁷⁰.

Приезжая в Ревель по делам службы, Колчак обычно заходил к Непенину, который в это время командовал не только Службой связи, но и морской обороной Ревеля. Человек очень трудолюбивый и деловитый, Непенин вместе с тем был гостеприимный хозяин, остроумный собеседник и отличный кулинар. Чаше других у него бывали Подгурский, Трухачёв, Тимирёв и Колчак. Последние двое, как видно, сохраняли дружеские отношения, по крайней мере внешне. А в своих воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, Тимирёв отзывался о Колчаке с полной объективностью и даже симпатией.

Однажды в июне друзья встретились в ревельском Морском собрании. Тимирёв, Подгурский и Колчак мирно беседовали, когда к Колчаку подошёл его флаг-офицер и сказал, что его вызывает командующий флотом. Колчак пожал плечами: «Странно, кажется, обо всём договорились», — и отправился в Штаб. Вскоре подошёл Непенин и сообщил, что получена телеграмма о назначении Колчака командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы.

Спустя некоторое время вернулся Колчак. Вид у него был несколько растерянный. «Без особой радости в голосе», как вспоминал Тимирёв, он подтвердил сообщение Непенина. «Я почти уверен, — добавлял Тимирёв, — что Колчак до своего назначения ничего о нём не знал, а также не предполагал, какие хитросплетённые интриги ведутся в Ставке»⁷¹.

В Ставке были недовольны пассивностью обоих командующих флотами — В. А. Канина (Балтийским) и А. А. Эбергарда (Черноморским). Последний вызывал особенно много нареканий. Ещё осенью 1915 года генерал Алексеев грозился снять с кораблей чуть ли не весь личный состав Черноморского флота и сформировать из него пешие команды⁷².

Альтфатер, перебравшийся в Морской отдел Ставки и заведовавший там балтийскими делами, усиленно продвигал Непенина, рассчитывая в дальнейшем на поддержку этого бесхитростного и простоватого человека. Хотя, как считал Тимирёв, более подходящим кандидатом на пост командующего Балтийским флотом был Колчак. Чёрным морем в Ставке заведовал капитан 2-го ранга А. Д. Бубнов, в будущем — известный теоретик и историк военно-морского искусства. Он-то и продвигал Колчака на Чёрное море, не видя там ни одной подходящей кандидатуры взамен Эбергарда⁷³.

«Высочайший» приказ по морскому ведомству о производстве Колчака в вице-адмиралы с назначением командующим флотом Чёрного моря был издан 28 июня 1916 года. Судя по всему, это назначение было воспринято Колчаком без восторга. Он хорошо знал и любил Балтийское море. Командование Минной дивизией было живым делом, которому он отдавался всей душой и которое, конечно, не хотелось бросать. А кроме того, отъезд в Севастополь означал долгую разлуку с любимой женщиной.

Нарочно или случайно, или по какому-то своему чутью, Анна Васильевна оказалась в Ревеле как раз в те дни. Они встречались целую неделю. А потом в Морском собрании состоялся прощальный ужин в честь Колчака, и он не столько на нём присутствовал, сколько гулял с Анной Васильевной по старинному парку Катриненталь (летнее Морское собрание размещалось в этом парке). В этот день они, наконец, объяснились друг другу в любви⁷⁴.

К Минной дивизии Колчак обратился с прощальным письмом. «Великую милость и доверие, оказанное мне государем императором, — говорилось в письме, — я прежде всего отношу к Минной дивизии и тем судам, входящим в состав сил Рижского залива, которыми я имел честь и счастье командовать. ...Лично я никогда не желал бы командовать лучшей боевой частью, чем Минная дивизия с её блестящим офицерским составом, с отличными командами, с её постоянным военным направлением духа, носящим традиции основателя своего покойного ныне адмирала Николая Оттовича. И теперь, прощаясь с Минной дивизией, я испы-

тываю те же чувства, как при разлуке с самым близким, дорогим и любимым в жизни»⁷⁵.

И действительно, впоследствии Колчак с волнением и грустью вспоминал это время. Как-то раз в письме Тимирёвой он отметил: «Это был один из хороших периодов моей жизни. Рижский залив, Минная дивизия, совместные операции с сухопутными войсками, Радко-Дмитриев, Непенин, наконец, возвращение и встреча с Вами, с милой, обожаемой Анной Васильевной»⁷⁶.

С собой на Черноморский флот Колчак пригласил капитана 1-го ранга М. И. Смирнова, который когда-то состоял в той роте, в которой гардемарин Колчак был фельдфебелем. Затем они вместе служили в Моргенштабе, а во время войны Смирнов в качестве наблюдателя присутствовал при Дарданелльской операции англо-французского флота, длившейся с 19 февраля 1915 года по 9 января 1916 года и закончившейся неудачей. Колчак предложил Смирнову должность флаг-капитана по оперативной части, которую когда-то сам занимал при Эссене. «Я считаю, — сказал он, — что командующий флотом и флаг-капитан должны иметь одинаковые взгляды на ведение войны, я знаю ваши взгляды и потому предлагаю вам ехать со мной». Смирнов без колебаний согласился⁷⁷.

Из Ставки в Ревель за Колчаком прибыл А. Д. Бубнов, которого Колчак тоже хорошо знал по службе в Моргенштабе. Друзья и единомышленники, Колчак, Смирнов и Бубнов вместе выехали в Ставку, которая теперь располагалась в Могилёве, и по дороге Бубнов подробно обрисовал обстановку на Чёрном море. Втроём они обсуждали планы ближайших операций, перспективы на будущее и пришли к единому мнению⁷⁸.

В начале сентября 1916 года, когда Колчак был уже на Чёрном море, командующим Балтийским флотом был назначен А. И. Непенин. Первое дело, с которого он начал, было подтягивание дисциплины среди офицеров и матросов. Это, конечно, было необходимо. Но, к сожалению, как говорят, Непенин подошёл к вопросу несколько формально. Отдавать честь и вытягиваться во фронт перед мчащимся автомобилем командующего — это было не самое главное, да во время войны этому и не придавалось большого значения. Глубинные же истоки начинавшегося развала не были выявлены и блокированы. А суровый педантизм, с которым Непенин стал поддерживать внешние признаки дисциплины, сделали его непопулярным среди матросов и отчасти даже младших офицеров⁷⁹.

Командующий Черноморским флотом

Николай II приехал в Могилёв 23 августа 1915 года и на следующий день сменил Николая Николаевича на посту главнокомандующего. Поселился в губернаторском доме. Неподалёку, в здании губернского правления, размещался штаб. Там жил начальник штаба, генерал М. В. Алексеев. Императорская семья оставалась в Царском Селе. Но государь не мог долгое время находиться вне её круга. Он часто ездил в Царское Село, а потом стал забирать с собой в Ставку Алексея на долгие месяцы. Александра Фёдоровна приезжала с дочерьми на короткое время — обычно для того, чтобы склонить государя на какое-то решение или, наоборот, удержать от нежелательного шага — и тотчас же уезжала. Видимо, она знала, что в Ставке её не любят. Распутин там никогда не показывался.

В эти годы императорскую семью уже трудно было назвать образцовой. Николай II постарел и осунулся. За ним стала замечаться прежде совершенно несвойственная ему нервозность. Александра Фёдоровна уже не выглядела счастливой матерью многочисленного семейства. «Теперь на меня смотрела трагическая женщина с упрямым подбородком и куда-то ушедшими вовнутрь себя глазами. У ней чувствовалась какая-то назойливая мысль, которая её никогда не оставляла», — вспоминал адмирал Д. В. Ненюков, видевший её в Ставке. Наследника Алексея Николаевича постоянная его болезнь преследовала буквально по пятам. Стоило неловко протянуть ногу — и начиналось внутреннее кровотечение в паху. Пустяковый насморк оборачивался тем, что из носа начинала идти кровь. Самую жизнерадостную часть семейства составляли дочери. Однако старшая уже явно зашлась в девичестве. Заневестились и другие. Но о их замужестве родители, похоже, не думали⁸⁰. Императорская семья превратилась в какую-то замкнутую ячейку без входов и выходов.

Но власть и корона с неизбежностью, рано или поздно, должны были покинуть эту семью, ибо наследник был явно недолговечен. Между тем отношения с другими членами царствующего дома были серьёзно испорчены — главным образом стараниями Александры Фёдоровны. Её же стараниями были испорчены отношения с Думой, дворянством, образованным обществом. Все упования возлагались на простой народ, олицетворением которого для этого обречённо-го семейства был Григорий Распутин.

Государь вставал около 7—8 часов. После короткого чае-

пития уходил в Ставку, где генерал Алексеев делал ему доклад о положении на фронтах. Если доклад был недлинный, а вести ободряющие, император приходил в хорошее настроение. Очень тщательно записывал в дневнике данные о числе взятых в плен — по разрядам от генералов до рядовых, о количестве захваченных орудий, пулемётов, винтовок, прожекторов (даже если их было всего два) и зарядных ящиков. (Когда-то с такой тщательностью он подсчитывал количество убитой на охоте дичи.) Иногда начинал суммировать данные за несколько дней. В логику стратегического единоборства на огромном протяжении фронтов он не вникал и, возможно, не очень её понимал. С Алексеевым по военным вопросам никогда не спорил, даже если внутренне с чем-то не был согласен.

Часов в 11—12 в губернаторском доме был завтрак, на котором присутствовало до 30 человек — высшие чины Ставки, начальники иностранных военных миссий, некоторые лица, вызванные в Ставку по тем или иным делам. После завтрака все выходили в гостиную и становились полукругом. Николай II ходил внутри него, покуривая и останавливаясь то с тем, то с другим. Это был «серкл», длившийся минут 10—15. После этого Николай II чувствовал себя свободным человеком, и начиналось то, что было для него главным содержанием дня и что он особенно подробно описывал в дневнике.

Если Алексеев не было в Ставке или он болел, Николай II отправлялся в пешую прогулку далеко за город. Иногда его сопровождал кто-то из близких ему лиц — например, дворцовый комендант В. Н. Воейков. Однако далеко не каждый из царских приближённых годился для таких дальних экскурсий, и Николай II часто ходил один, не обращая внимания на шныряющих в кустах охранников.

Государь был человеком очень спортивным и большим любителем пешей ходьбы. Потому и не стал жить в Зимнем дворце, что там ему не хватало движения. Однажды, когда в пехоте вводилась новая форма, он с полной солдатской выкладкой и винтовкой совершил 10-вёрстный поход и лишь после этого утвердил проект — в ту пору ему было уже за сорок. Родись Николай среди простого народа, он был бы хорошим солдатом. А вот до генерала, наверно, не дослужился бы, хотя в тогдашней России среди генералов уже встречались выходцы из народных низов.

Если Алексеев был здоров, прогулка совершалась на автомобиле или на лодке по Днепру. Останавливались в каком-нибудь удобном месте, купались. Потом император наблюдал

за играми наследника или сам в них участвовал. Однажды несколько дней подряд раскапывали какой-то холм и нашли лошадиные кости — довольно странное занятие для главнокомандующего. Но, очевидно, Николай II таким способом старался отвлечься от проблем, ибо известия с фронтов не всегда радовали, а с «домашнего фронта» были ещё хуже.

Часам к шести надо было спешить к обеду, на который приглашалось 10—12 человек по выбору царя. Это считалось знаком особого внимания.

До или после обеда император принимал министров и других лиц, удостоенных аудиенции. По вечерам Николай II просматривал бумаги, поступившие из Петрограда, писал письма или играл в домино — обычно в компании того же Воейкова, а также своего флигель-адъютанта, капитана 2-го ранга Н. П. Саблина и адмирала К. Д. Нилова, служившего ещё при Алексее Александровиче. Эти люди были удобны тем, что не лезли в политику, хотя Воейков иногда мог по черносотенному крепко высказать своё мнение. Нилов же был постоянно «на взводе», и Николай II так привык видеть его в таком состоянии, что считал его естественным, и однажды, как говорили, увидев Нилова трезвым, подумал, что он пьян⁸¹.

Конечно, такие люди, фактически ничего не делающие, отягощали Ставку своим присутствием. Да и вообще пребывание царя в Ставке вносило в её жизнь излишнюю суету и мешало сосредоточенной работе, ибо к нему постоянно ездили министры, придворные, иностранные высокие гости, великие князья, важные просители и другие люди. С этим, однако, мирились и достаточно ценили то, что царь, при своих данных, разумно не вмешивался в стратегические и оперативные вопросы.

Фактическим главнокомандующим был Алексеев. Но у него не было своего начальника штаба, и на его плечи ложилась двойная нагрузка. А между тем Алексеев, имея крупный стратегический талант, не обладал крепким здоровьем.

Колчак провёл в Ставке один день — 4 июля 1916 года. Судя по имеющимся данным, этот день начался с завтрака у царя и «серкла» в гостиной. Видимо, именно здесь молодого адмирала заметил генерал Пьер-Тибо-Шарль-Морис Жанен, начальник французской военной миссии при Ставке. Колчак, возможно, тоже обратил внимание на вальяжного союзного генерала с седой головой и чёрными усами, сыгравшего впоследствии роковую роль в его судьбе. Обратил внимание — и потом забыл. А Жанен не забыл и через несколько лет отметил это в своём «Сибирском дневнике».

После завтрака, когда Николай II с Алексеем отправились купаться на Днепр (день был жаркий и душный), Колчак был принят Алексеевым. Генерал, маленький усатый старичок в очках, ознакомил нового командующего Черноморским флотом с положением на фронтах, с содержанием военно-политических соглашений между союзниками, сообщил об ожидаемом вступлении в войну Румынии и особо остановился на вопросе о черноморских проливах. Существуют разные варианты овладения Босфором, сказал он, но в любом случае флот должен активно в этом участвовать. Колчак поинтересовался, почему именно его назначили в Чёрное море, хотя он никогда там не служил и с вопросом о проливах знаком лишь теоретически. Алексеев окинул адмирала характерным своим колючим взглядом и суховато объяснил, что в Ставке сложилось мнение, что именно он может наиболее успешно выполнить те задачи, которые будут поручены флоту в Босфорской операции. «Окончательные указания, — закончил Алексеев, — вы получите у государя».

Потом Колчака ознакомили с только что подписанным указом о награждении его орденом Станислава 1-й степени. А в шесть вечера был обед у царя. Николай II, освежившийся после купания, был в хорошем настроении: Алексей в эти дни был здоров, а с фронта продолжали поступать сводки о развивавшемся уже второй месяц знаменитом брусиловском наступлении.

В доме, несмотря на распахнутые окна, было душно, и Николай после обеда пригласил Колчака погулять в саду. Они беседовали около часа. Государь повторил примерно то же, что говорил Алексеев, только в более простой, не такой официальной форме. Он, в частности, высказал опасение, что вступление Румынии в войну ухудшит стратегическую обстановку. Румыния не готова к войне, придётся её поддерживать, фронт удлинится, и на русскую армию ляжет новая нагрузка. «Но на этом настаивает французское союзное командование, — сказал государь. — Они требуют, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила, они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы, и приходится уступать...» Оба вздохнули, вспомнив внушительную фигуру Жанена. Было понятно, что союзники стараются оттянуть на Восточный фронт как можно больше австро-венгерских и германских войск.

Николай оживился, когда Колчак спросил насчёт Босфорской операции. К ней надо готовиться, сказал он, хотя

ещё не совсем решено, наступать ли на проливы вдоль берега или выбросить десант прямо в Босфор.

В тот же вечер, попрощавшись с Бубновым, Колчак выехал в Севастополь⁸².

* * *

Турция запоздала со вступлением в войну, потому что срочно укрепляла берега Босфора. Были также надежды получить из Англии строившиеся там на турецкие деньги дредноуты. Но англичане их задержали, а потом включили в состав своего флота. Тогда германское командование послало в Турцию линейный крейсер «Гебен» и лёгкий крейсер «Бреслау». Благополучно избежав встречи с английскими эскадрами в Северном и Средиземном морях, они бросили якоря на рейде Константинополя. «Обстоятельства, при которых произошёл этот прорыв, весьма туманны и дают основание подозревать, что в расчёты Англии, вероятно, не входило обеспечение за русским флотом безусловного господства на Чёрном море», — писал военно-морской историк М. А. Петров⁸³.

Турция закупила оба крейсера. Офицеры и специалисты на них остались немецкими, а команда, начиная с низших должностей, постепенно пополнялась турками.

Эта покупка удвоила силы турецкого флота. Новейший линейный крейсер «Гебен» в то время не имел себе равных в русском флоте. Мощность его артиллерии была вдвое больше, чем, например, у старого линкора «Евстафий». А по скорости хода (27 узлов) он превосходил не достроенный ещё русский дредноут «Императрица Мария» (21 узел).

Рано утром 16 октября 1914 года турецкие миноносцы ворвались в гавань Одессы и потопили канонерскую лодку «Донец», повредили несколько пароходов. «Гебен» обстрелял Севастополь, а «Бреслау» — Новороссийск. В море было потоплено несколько русских судов, военных и гражданских⁸⁴.

В кампанию 1914 года командующий Черноморским флотом адмирал А. А. Эбергард ещё пытался активно противодействовать неприятельскому флоту. Русские корабли выходили в море, вплоть до Босфора, и расставляли там мины. В конце 1914 года на одной из них подорвался «Гебен» и едва не ушёл на дно, но, к счастью своему, по другому борту нарвался ещё на одну мину, зачерпнул много воды, но выровнялся и дотянул до Константинополя. После этого он несколько месяцев ремонтировался.

Летом 1915 года в Чёрном море появились германские подводные лодки, и Эбергард, человек очень осторожный, почти прекратил дальние выходы своей эскадры. Теперь главное внимание обращалось на защиту собственных берегов. Усиливались береговые батареи, тщательно заграждались минами, сетями и иными средствами все стратегически важные пункты побережья. И это несмотря на то, что в июне 1915 года вступила в строй «Императрица Мария», а в декабре — однотипный с нею дредноут «Екатерина Великая». Пополнился и русский подводный флот. А общее превосходство русского флота над турецким стало примерно трёхкратным. Эбергард не давал разрешения даже на мелкие рискованные операции по инициативе отдельных офицеров. «Такой-то и такой-то слишком хорошие офицеры, чтобы я мог рисковать их жизнями ради пустяковых операций», — говорил адмирал, в очередной раз пресекая инициативу снизу.

Такая позиция находила понимание и поддержку у ближайших помощников командующего флотом, а отчасти и вообще в офицерской среде. Ни для кого не было секретом, что офицерский состав Черноморского флота оставлял желать много лучшего: все энергичные и талантливые выпускники Морского корпуса старались попасть на Балтику. На Чёрное море чаще ехали те, кто болтался где-то ближе к концу выпускного списка. И служебного рвения там было поменьше. Черноморские офицеры были больше привязаны к берегу, к своему домику с садиком, где осенью падают с веток спелые сливы. В предвоенные годы, когда правительство прожужжало всем уши хуторами и отрубам, черноморцы получили ироническое прозвище — «хуторяне».

Между тем «Гебен» и «Бреслау» продолжали делать набег на различные пункты русского побережья, топили русские пароходы и транспорты. Когда же в октябре 1915 года в войну на стороне Германии вступила Болгария, Бургас и Варна стали базами немецких подводных лодок. В течение весны 1916 года неприятельские подводные лодки потопили 30 пароходов, принадлежавших России, что составило около 25 процентов всей русской транспортной флотилии на Чёрном море. Уменьшение её тоннажа тяжело отражалось на продовольствии, боеприпасов и подкреплений Кавказской армии, а также сужало возможности десантных операций⁸⁵.

В поезде на пути в Севастополь Колчак и Смирнов ещё раз обсудили план действий на Чёрном море. Прежде всего стоял вопрос, продолжать ли заграждение минами собственных баз или перенести минирование к берегам противника.

Существовало мнение, что минные заграждения, не обеспеченные охраной, не очень эффективны. Неприятель вытравит проходы и вновь выйдет из своих баз в открытое море. Черноморский флот, базируясь в Севастополе, на расстоянии в 260 миль от Босфора, не сможет воспрепятствовать противнику сделать проходы.

После раздумий и обмена мнениями со Смирновым Колчак решил иначе. Надо ставить мины в таком количестве, чтобы неприятель не успевал их вытравливать. Ставить мины в несколько ярусов, чтобы не имели прохода ни большие корабли, ни подводные лодки, ни лёгкие суда — для этого приспособить мелкосидящие заградители. Располагать минные поля возможно ближе к неприятельскому берегу и ни в коем случае не далее пяти миль от него, чтобы иметь возможность обстреливать береговые укрепления с моря. Разделить флот на две или три смены и установить постоянное дежурство у Босфора. Заграждение минами и сетями собственных портов совершенно прекратить⁸⁶.

* * *

С прибытием Колчака в Севастополь связана одна легенда, прочно утвердившаяся в эмигрантской литературе. «Вспомним, как было эффектно и по-военному удачно его вступление в командование Черноморским флотом, — писал белогвардейский генерал Д. В. Филатьев. — Все ожидали от него обычных смотров, объездов судов, подбадривающих приказов и традиционных визитов на берегу. Вместо этого он прямо из купе вагона сел на судно и вывел флот в море для исполнения боевой задачи». Эту же легенду повторяли адмирал Д. В. Ненюков и, как ни странно, лейтенант Р. Р. Левговд, служивший в то время в штабе Черноморского флота⁸⁷. И только воспоминания М. И. Смирнова дают нам возможность установить, что было на самом деле.

От Могилёва до Севастополя путь неблизкий, а железные дороги в то время работали уже неважно. Колчак прибыл в Севастополь скорее всего во второй половине дня 8 июля. («Сегодня исполняется месяц моего пребывания в должности командующего флотом», — писал он Григоровичу 8 августа 1916 года⁸⁸.) Сразу же отправился на штабной корабль «Георгий Победоносец», где его поджидал Эбергард. К нужному моменту на шканцах выстроились офицеры и команда.

Молодой адмирал медленно поднимается по трапу, несколько смущённый парадностью церемонии, как отметил Левговд. Тонкие, плотно сжатые губы, сдвинутые брови,

гладко выбритое мужественное лицо. Молча проходит мимо строя офицеров, здоровается с командой и... — навстречу ему идёт радушно улыбающийся Эбергард, сановитый, громадный, косая сажень в плечах, с бычьей шеей. Так встретились два адмирала — полная противоположность друг другу, и внешне, и по своему духу. Впрочем, Колчака Эбергард очень ценил. Узнав, кто едет к нему на смену, он сказал: «Всякое другое назначение показалось бы мне обидным»⁸⁹.

Командующие флотом, новый и прежний, спустились по трапу в адмиральскую каюту. Беседа сразу приняла деловой характер. Колчак задавал вопросы, Эбергард отвечал. Пришёл офицер, доложивший, что по радиопеленгам видно, что «Бреслау» вышел в море и движется предположительно к Новороссийску. Эбергард хотел отдать распоряжение дежурной группе кораблей готовиться к выходу в море. Но Колчак сразу загорелся и решил сам выйти в море — и через час. Но оказалось, что не таковы порядки у Эбергарда, чтобы выходить в море через час. Сначала надо протралить фарватеры — на это потребуется шесть часов. Но скоро наступит ночь, а схема ночного входа и выхода не разработана. За ночь могут опять набросать мин. Так что лучше тралить с рассветом, и тогда отряд преследования сможет выйти в 9 часов утра. Операцию пришлось отложить. Однако Колчак тотчас же дал указание разработать схему ночного выхода⁹⁰.

В 9 часов утра линейный корабль «Императрица Мария», крейсер «Память Меркурия» и дивизион быстроходных миноносцев (на нефтяном топливе) вышли в море. Дивизион развернулся впереди и образовал завесу, вслед за ним должен был идти крейсер, а за ним — «Императрица Мария», на которой был поднят флаг командующего флотом. Колчак приблизительно знал местонахождение «Бреслау», и план состоял в том, чтобы отрезать его от Босфора и навязать бой.

Отряд сразу же пошёл на предельной скорости. Медленно, но верно «Память Меркурия» стала отставать. «Императрица Мария» сначала поравнялась с ней, а потом и обогнала. Колчак, наверно, с сожалением подумал, что в его эскадре, в отличие от Балтийской, нет современных быстроходных крейсеров.

«Память Меркурия», однако, не успела сильно отстать, когда в море был замечен «Бреслау». Сначала об этом проинформировали миноносцы, а потом на горизонте обозначились мачты и верхушки труб немецкого крейсера. «Бреслау» тоже заметил русские корабли. Он круто развернулся и пошёл на пересечение курса «Марии». Какое-то время корабли сближались. Когда расстояние сократилось до 90 ка-

бельтовых, «Мария» открыла огонь. «Бреслау» окружило кольцо высоких, выше его труб, чёрно-белых всплесков от рвущихся снарядов. Немецкий крейсер поставил плотную дымовую завесу и стал невидим. Стрельбу пришлось остановить. Но погоня продолжалась, и теперь уже «Мария», как раньше «Память Меркурия», стала отставать — медленно, но верно. Миноносцы же шли вровень с «Бреслау» и стреляли в него из своих 4-дюймовых орудий. Но преимущество их в ходе было слишком невелико, чтобы они успели занять исходное положение для минной атаки. В дыму и в наступивших сумерках они потеряли «Бреслау». Колчак, видимо, остался недоволен их действиями⁹¹.

Эбергард уехал в Петроград (он был назначен членом Государственного совета), а Колчак должен был разбираться с оставленными им проблемами. Крейсера и миноносцы — самая активная часть флота — давно требовали ремонта. Уровень боевой подготовки за время войны понизился, потому что прежний командующий, опасаясь подводных лодок, перестал выводить эскадру на учебные стрельбы и маневры⁹². Но главное — подтвердились опасения, что на Чёрном море неважно обстоит дело с дисциплиной, причём на всех уровнях, начиная с высшего командного состава.

Эбергард подбирал своё окружение под стать себе. Все флагманы и командиры больших кораблей по возрасту были старше Колчака. Это были спокойные и рассудительные люди, не склонные лезть в пекло. В первый же месяц пребывания Колчака на Чёрном море начальник минной бригады подал ему докладную записку, в коей заявил, что считает идею минного заграждения Босфора «бесцельной, вредной и рискованной»⁹³. Колчак не мог немедленно снять его с должности, потому что он был назначен «высочайшим» приказом. Приходилось делать дело без его участия. За всё время своего командования Колчак не смог отделаться от одного из своих флагманов, контр-адмирала Саблина, хотя и писал Григоровичу: «...Из всех начальников контр-адмирал Саблин больше всего озабочивает меня своим пессимизмом и разочарованностью. У него всё является невыполнимым, или не достигающим цели, или не оправдывающим риска и т. п.»⁹⁴.

С такими начальниками, как Саблин, у Колчака, видимо, случались бурные сцены. Но нового командующего нередко выводили из себя и другие начальники, помельче. «В адмиральском кабинете, в открытом море на мостике, всюду, где впервые появлялся адмирал, происходили драмы», — вспоминал флаг-офицер командующего Р. Р. Левголд⁹⁵. Слухи об адмиральских разносах достигли и А. В. Тимирёвой. «Вот

ещё о чём я хотела сказать Вам, милый Александр Васильевич, — писала она, — последнее время я всё чаще и чаще слышу из разных источников рассказы о том, что Вы невозможно нервны и свирепы до крайности, за что Вас многие осуждают. Мне очень больно слышать всё это, я хорошо знаю, какую поправку надо делать на фантазию рассказчиков, но знаю также, что есть богатая почва для таких разговоров, а её не должно было бы быть... Я Вам писала, что ничего не прошу у Вас — сейчас у меня есть к Вам просьба: когда к Вам придёт желание “объяснить” кому-нибудь что-нибудь по системе “топтанья фуражки” и т. п. — вспомните меня и, ради Бога, не сердитесь на меня за то, что я пишу Вам это, не имея на это никакого права»⁹⁶.

Совет был разумный. И всё же читателю не следует представлять себе Колчака в виде неврастеника или мрачного демона. Многие сцены «топтанья фуражки» происходили, видимо, не от избытка темперамента, а разыгрывались актёрски. В этой связи интересно вспомнить один случай, бывший на Балтике, ещё при Эссене.

В Балтийском порту, недалеко от Ревеля, стояла самоходная плавбаза «Пётр Великий». Радист на этом судне развлекался тем, что передавал в эфир разный вздор: «Ухожу в Балтийский порт, шлю привет! Я — Пётр Великий». Однажды он послал привет флагманскому кораблю: «Рюрик, Рюрик. Да здравствует Россия». В штабе Эссена сначала подумали, что это немцы вызывают на ответ — зачем-то им понадобилось знать местонахождение флагмана. Тогда, значит, на какое-то время надо соблюдать радиомолчание. Когда же дознались, Эссен приказал доставить на «Рюрик» капитана «Петра Великого» и радиста. «Обошлись с ними жестоко, — записал в дневнике Ренгартен, — адмирал орал на командира ледокола, а телеграфиста вызвал наверх Колчак, галдел на него, топал ногами, пообещал в следующий раз расстрелять. А адмирал сердился: не повесить ли обоих; я заступился, сказал, что знаю телеграфиста, что он просто сглупил»⁹⁷.

Интересно то, что Колчак грозился расстрелять радиста *в следующий раз*, Эссен же собирался повесить, следующего раза не дожидаясь. Хотя ни тот ни другой, надо полагать, не думали исполнить своей угрозы. Вообще же известно, что за всё время своего командования Черноморским флотом Колчак не подписал ни одного смертного приговора.

Причинами шумных колчаковских разносов служили, как правило, отнюдь не мелкие нарушения дисциплины, вроде неотдания чести. Среди черноморских офицеров хо-

дил рассказ о том, как однажды в городе Колчак наткнулся на какого-то мичмана. Молодой офицер отдал честь, а во фронт, растерявшись, не стал. Колчак сделал под козырёк, щёлкнул каблуками и иронически представился: «Командующий флотом»⁹⁸.

Колчака выводили из себя уклонения от исполнения приказов, их неисполнение или плохое исполнение. И гнев обрушивался на тех, с кого больше был спрос, — прежде всего на флагманов и командиров. «Молодёжь восторгалась адмиралом, — вспоминал Ненюков, — а люди постарше только кряхтели и желали ему от души сломить шею»⁹⁹.

За сценами адмиральских разносов с живым интересом наблюдали матросы. Им нравилось, как новый командующий гоняет больших начальников. В кубрике и на баке рассказывали наскоро сочинённые истории. В одной из них речь шла о том, как Эбергард, непопулярный среди матросов, передавал командование Колчаку.

«Колчак сделал замечание Эбергарду: “Вы слишком затягиваете передачу командования флотом”. — “Вы не торопитесь. Ведь по сути дела вы ещё ученик”, — презрительно ответил Эбергард. Колчак в том же тоне возразил: “Наполеон тоже в своё время считался учеником, а потом сделался императором...” — “...Острова св. Елены”, — иронически продолжил Эбергард. Это разозлило Колчака, и он сказал: “Не вам судить обо мне. Я принимаю от вас командование флотом, а не наоборот. Ещё увидят, кто такой Колчак!”»

Эту байку запомнил и донёс до потомства матрос с броненосца «Синоп» А. И. Торяник. В своих воспоминаниях, изданных в советское время, он добавил в истинно партийном духе, как старый большевик: «Мы, матросы, ещё не были тогда настолько политически зрелыми, чтобы “раскусить” истинное контрреволюционное нутро Колчака и поэтому восприняли смену ненавистного всем немецкого адмирала русским как положительный факт»¹⁰⁰.

Для Черноморского флота приход Колчака стал своего рода очистительной грозой. «В Чёрном море вступление в командование адмирала Колчака вызвало громадное оживление, — писал Ненюков. — Энергичный адмирал, которого сразу прозвали железным за его неутомимость, заставил всех кипеть, как в котле»¹⁰¹. В командном составе произошли перемены. Кое-кто ушёл сам, кое-кого отправили в отставку. Правда, как отмечал Левговд, «наряду с очисткой флота от сорной травы бывали случаи ухода людей достойных и полезных флоту»¹⁰². Видимо, Колчак иногда действовал слишком размашисто.

На руководящие должности выдвигались новые люди, храбрые и дельные. Начальником штаба при Колчаке стал контр-адмирал С. С. Погуляев, товарищ Колчака по выпуску. Продвигал он на командные посты и князя В. В. Трубецкого, отважного и опытного офицера.

Постепенно Колчак подружился с Черноморским флотом, к которому у него прежде было всё же несколько предвзятое отношение. В кают-компании «Георгия Победоносца» чопорная обстановка времён Эбергарда сменилась непринуждённым оживлением. За обедом офицеры штаба не раз слушали рассказы адмирала о северных экспедициях, о Порт-Артуре, о войне на Балтике. Много говорил он о Японии. Ни одна другая страна, кроме России, не привлекала его так, как Япония.

Выяснилось также, что командующий очень начитан в русской истории. Особенно его привлекала катастрофическая эпоха татарского нашествия. Он считал ошибочным мнение, будто нашествие было стихийным явлением и орды с Востока катились сами по себе, слабо управляемые и неконтролируемые. На самом же деле, говорил он, действия татаро-монгольских военачальников обнаруживали понимание основных принципов стратегии и тактики, гибкое их использование, а кроме того — и ясное осознание своих политических и экономических интересов¹⁰³.

Колчак любил серьёзную музыку, находил время заниматься делами флотского оркестра, бывал на его концертах. В одном из писем Анне Васильевне он с грустным юмором отмечал, что «одного приказания играть симфонии Бетховена иногда бывает недостаточно, чтобы их играли хорошо, но, к сожалению, у меня слишком мало других средств»¹⁰⁴.

С приходом Колчака жизнь в Севастополе заметно изменилась. Когда началась война, Эбергард запретил все балы и увеселения. Колчак сразу же отменил этот запрет. Он говорил, что война — это нормальная жизнь воинов, нельзя им запрещать веселиться в часы отдыха. Иногда он и сам принимал участие в увеселительных мероприятиях. «...Никто не умеет веселиться так, как Вы, с такой торжественностью, забывая о времени, о пространстве и вообще обо всём на свете...» — писала ему Анна Васильевна¹⁰⁵.

* * *

Первая задача, которую поставил Колчак при вступлении в командование, заключалась в том, чтобы очистить Чёрное море от неприятельских военных кораблей и вообще пре-

кратить неприятельское судоходство на море. Достичь этого можно было только одним способом — наглухо блокировать Босфор и болгарские порты.

По указанию Колчака М. И. Смирнов начал разработку планов минирования неприятельских баз. Колчак пригласил в Севастополь своего старого товарища по кружку офицеров, капитана 1-го ранга Н. Н. Шрейбера, изобретателя малой мины «рыбка», специально предназначенной для подводных лодок. Началось обучение личного состава постановке мин с миноносцев. Были заказаны сети для установки заграждений у баз подводных лодок¹⁰⁶.

Неожиданно, однако, Колчак вновь натолкнулся на то же самое препятствие, которое в начале войны оказалось непреодолимым. Великий князь Николай Николаевич на посту командующего Кавказским фронтом продолжал придерживаться той же теории, что флот — вспомогательное средство сухопутной армии и самостоятельного значения не имеет. Кавказский фронт и в самом деле сильно зависел от морских перевозок — подкреплений, продовольствия, боеприпасов. Но великий князь предъявлял явно завышенные требования к их охране и не знакомил с их перспективным графиком. Он считал, что флот, как вспомогательное средство, всегда должен быть наготове. В результате, как сообщал Колчак начальнику Генмора адмиралу А. И. Русину, Кавказский фронт всегда предъявлял свои требования внезапно, «с оттенком критического положения и катастрофы».

Чтобы выполнить эти требования, приходилось отказываться от планомерных действий по вытеснению из Чёрного моря неприятельского флота, в том числе и подводного. Миноносцы отрывались от наблюдения за Босфором и направлялись охранять караваны судов. Сети, предназначенные для Варны, использовались для ограждения мест высадки прибывающих на Кавказский фронт частей. Морские перевозки, писал Колчак, требуют безопасности в море, но «они же мешают мне создать эту безопасность, отвлекая мои средства и силы от главной задачи».

Теперь, однако, Колчак не был непосредственно подчинён Николаю Николаевичу и недолго мирился с созданным положением. Чёрное море, докладывал он в Генмор, пока не является «безусловно обладаемым внутренним бассейном». Только систематическая работа флота может сделать его таковым. И вся деятельность командования флотом направляется к этой главной цели¹⁰⁷.

Морские перевозки на Кавказский фронт, а позднее и на Румынский, стали обеспечиваться достаточным, но в разум-

ных пределах охранением. За всё время войны на Чёрном море противнику ни разу не удалось прорвать охранение и нанести удар по караванам судов. За время же колчаковского командования вообще был потерян только один пароход¹⁰⁸.

Операции по минированию Босфора начались в конце июля. Подводная лодка «Краб», приспособленная для постановки мин, скрытно проникла в самое горло пролива и выставила там 60 мин¹⁰⁹. Затем Колчак, находившийся на флагманском корабле «Императрица Мария», приказал опоясать минами вход в пролив — от берега до берега. Наутро, однако, начальник дивизиона миноносцев доложил, что не смог выполнить приказ потому, что по миноносцам открыли огонь береговые батареи. Командующий поднял сигнал: «Начальник дивизиона сменяется с должности». Другим сигналом флот был оповещён, что на освободившуюся должность назначается капитан 1-го ранга М. И. Смирнов. Приняв командование, Смирнов сумел за несколько ночей скрытно поставить 560 мин, в том числе — под самым носом у береговых батарей¹¹⁰.

Затем настал черёд преподать урок неверным «братушкам», вступившим в войну с Россией на стороне Германии и Турции. Минный пояс, подобный босфорскому, охватил выход из Варны. Заблокирован был также порт Зонгулдак на Анатолийском побережье, где находились угольные копи, снабжавшие Константинополь и турецкий флот. Это нанесло сильный удар по экономике Турции, поскольку сухопутные дороги вдоль побережья были плохи. Значительно ухудшилось также снабжение турецких войск на Кавказском фронте.

Для поддержки заграждений и для наблюдения за противником на расстоянии в 50—100 миль от Босфора постоянно патрулировал отряд кораблей, в который входили дредноут, крейсер и несколько миноносцев. Под самым Босфором всегда находилась на дежурстве подводная лодка.

Одна из таких лодок, «Тюлень», под командой капитана 2-го ранга М. А. Кितिцына, задержала турецкий пароход. Задержанный неожиданно открыл огонь. Погружаться в воду было поздно, и Кितिцын принял бой. «Тюлень» остался цел и невредим, а пароход загорелся и выкинул белый флаг. Это был турецкий вооружённый транспорт «Родосто», которым командовал немецкий офицер. Он был вне себя от гнева и стыда, когда узнал, что сдался подводной лодке. Он думал, что ведёт бой с эскадренным миноносцем. Сняв с корабля немцев, Кितिцын отправил «Родосто» в Севастополь. Эта же подводная лодка однажды среди бела дня про-

никла в бухту Варны, обошла её на перископной глубине, всё высмотрела и вышла незамеченной¹¹¹.

На некоторое время неприятельские суда, военные и коммерческие, исчезли из Чёрного моря. Но потом немцы протралили канал вдоль берега, и под защитой береговых батарей небольшие суда, а также подводные лодки вновь стали появляться в море. В связи с этим были оборудованы мелкосидящие суда, которые ставили мины чуть ли не у самого берега. В конце октября 1916 года на выходе из Варны подорвалась на mine немецкая подводная лодка «В—45», а через месяц у Босфора — другая подводная лодка, «В—46»¹¹². К концу 1916 года германо-турецкий надводный флот был прочно заперт в Босфоре — в том числе «Гебен» и «Бреслау». Значительно ослабла активность и неприятельского подводного флота.

19 июля 1916 года, во вторую годовщину начала войны, Колчак издал приказ по Черноморскому флоту.

«Война неизменно связана с лишениями и страданиями», говорилось в приказе, и главная её тяжесть лежит не в собственно боевой деятельности, на которую большинство людей охотно идёт, а в «непрерывной напряжённой работе», не связанной видимым образом с успехами в сражениях.

«И я, как командующий флотом, — писал Колчак, — обращаюсь к его личному составу не с призывом к подвигам и боевой деятельности, ибо верю, что этот призыв не нужен и каждый в бою исполнит, как только может лучше, свои обязанности; я был свидетелем в первый день своего командования, как больные, находившиеся в лазарете линейного корабля “Императрица Мария”, бросили койки и заняли места по боевому расписанию по сигналу боевой тревоги, и для меня ясно, как будет вести себя личный состав Черноморского флота в боевой обстановке, но я призываю всех к повседневной тяжёлой будничной работе и труду, часто незаметному, незнающему, не дающему сразу результатов, но необходимому и без которого немислимы ни успешная боевая деятельность Флота, никакие операции, ни достижение конечной цели войны — победы».

Ради этой конечной цели, ради исполнения долга перед Родиной и императором, говорилось в приказе, следует пожертвовать «при надобности своими личными интересами», смириться с временными лишениями. Война должна стать для каждого «желанным временем, лучшим периодом нашей жизни, её главной целью», ибо «любовь к войне, к военной деятельности и боевой работе, благородное стремление к подвигу и славе заложены в душе каждого человека, особенно молодого и здорового»¹¹³.

Текст этого приказа, довольно пространного, но написанного явно на одном дыхании, производит сильное и сложное впечатление, а некоторые места могут вызвать по меньшей мере недоумение. «Любовь к войне»... война как «желанное время» и цель жизни — всё это не вяжется с нынешними представлениями о войне и мире. И надо заметить, что подобное воспевание войны в дальнейшем у Колчака будет ещё заметнее, ещё откровеннее.

В связи с этим необходимы некоторые пояснения.

Прежде всего надо отметить, что подобные мотивы появились у Колчака только в годы войны. В прежнее время, как мы помним, его взгляды на проблемы войны и мира были более взвешенными.

Далее, нельзя забывать, что современные наши воззрения в этой области, в основе своей пацифистские, — всё же достояние по преимуществу гражданского общества. Что существует некий барьер, за пределы коего этим представлениям не следует проникать — в интересах того же гражданского общества. Это тот барьер, который отделяет его от военной среды. Если генералы борются за мир, то какие они генералы? Военный человек должен быть не «голубем», а орлом. Если же орёл из него не уродился, то хотя бы соколом. Ибо в случае войны — а её из нашей жизни никому пока исключить не удалось — не ясно ли, что победа будет не на стороне «голубей» в военных мундирах? Другое дело, когда военный человек перерастает рамки своей профессии и занимает выдающееся место в других отраслях человеческой деятельности, например, в литературе, как Л. Н. Толстой, или в политике, как Д. Эйзенхауэр, — тогда и его взгляды на проблемы войны и мира изменяются, становятся шире, многограннее, гуманистичнее.

Иными словами, надо помнить, кем был издан этот приказ, в какое время и к кому обращён. Приказ исходил от военного человека, был обращён к военным людям и писался в военное время. А кроме того, в те времена Колчак, видимо, ещё не очень себе представлял все разрушительные последствия современных войн.

13 августа 1916 года петроградская газета «Новое время» опубликовала статью «Новый адмирал» (о новом командующем Черноморским флотом). Судя по письму Тимирёвой, на Колчака эта статья произвела «ужасное» впечатление. «Действительно, — подтверждала Анна Васильевна, — это типичный случай беззастенчивого вранья и неприятной развязности. Зато сколько восторга!»¹⁴

17 сентября «Новое время» опубликовало ещё одну ста-

тью о Колчаке — А. А. Пиленко («С командующим в открытом море»). В начале статьи описывалось прибытие командующего на дредноут. Бывалый журналист, привычно жонглируя потёртыми словесными штампами, представил широкой публике первый литературный портрет Колчака:

«...Засвистели дудки, оркестр заиграл, караул звякнул ружьями; точно летя по поверхности волн, синий адмиральский “Буревестник”... сделав изящный изгиб, остановился у броненосца. На трапе показалась фигура А. В. Колчака, нервная, сухая, слегка согнутая вперёд. В газетах уже появилось много статей о “стальном адмирале”, и — я доподлинно это знаю — А. В. Колчак искренне негодовал на “вздорные рассказы” (он при мне стучал по газете и грозил “написать в штаб, чтобы этого больше не разрешали”); поневоле ограничусь самым малым. К тому же трудно передать словами то впечатление сосредоточенной мощи и спокойного упорства, которыми неотразимо веет от облика нового командующего. Он выглядит старше своих лет, вероятно, вследствие двух глубоких морщин, обрамляющих углы рта. Лицо резко оттеняется синевой коротко выстриженных усов и бороды; глаза смотрят куда-то вдаль, точно прикованные к отдалённой, но неизменной цели; характерный крупный нос создаёт несколько хищное выражение... Как я ни боюсь упрёков в трафаретности, но не могу не сказать, что стремительная повадка адмирала и, в особенности, сразу врезывающийся в память профиль, поневоле и неудержимо напоминают мне Суворова: тот тоже был весь из нервов, захваченных железной рукой хладнокровия и отваги; у того, мне представляется, тоже было такое выражение, что, мол, это всё пустяки, а я вот знаю суть дела. Как это соединяется с несомненной скромностью, почти застенчивостью, — я объяснить не умею».

Анна Васильевна от души потешалась над банальностью литературных красот этого очерка, а сравнение с Суворовым ей показалось «глупее глупого». Но особо её огорчило то, что, ограничившись внешним портретом («на птицу Вы, правда, похожи»), автор по существу мало что рассказал о «стальном адмирале»¹¹⁵.

29 сентября газета «Вечернее время» поместила на своих страницах фотопортрет командующего Черноморским флотом. Анна Васильевна передавала слова своей тётушки, взглянувшей на портрет: «Похож на англичанина этот Колчак, и видно, что красив»¹¹⁶. (Англичане в то время уже брились, а континентальные европейцы ещё носили усы и бороду.)

Так с двух статей в большой столичной газете, с портрета в петроградской «Вечёрке» к Колчаку пришла всероссийская известность.

Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым, —

мудро писала А. А. Ахматова¹¹⁷.

* * *

Как-то однажды, ещё до войны, собираясь в заграничное плавание (в Копенгаген), Александр Васильевич спросил Софью Фёдоровну, что ей привезти. В некоторой растерянности (вроде ничего особенно и не надо) она стала перечислять: альбом для фотографий, чтобы на обложке были сцены из морской жизни, черепаховую гребёнку для волос... нет, пожалуй, не надо, лучше сумочку, вышитую бисером, чтобы держать в ней рукоделье, или вообще «что-нибудь небольшое, но забавное»¹¹⁸.

Александр Васильевич купил большую фарфоровую птицу — не то орёл, не то кречет, в фарфоре эти различия сглаживаются и теряются. Однако у птицы были большие, резко очерченные, выразительные глаза. И странным образом они были похожи на глаза Александра Васильевича. И взгляд у птицы был прямо-таки колчаковский.

Бывая у Софьи Фёдоровны, Анна Васильевна любила смотреть на эту птицу, ловить её взгляд. Ей казалось, что он теплеет, когда встречается с её взглядом.

Анна Васильевна и Софья Фёдоровна скучали по одному и тому же человеку — это их сблизило. Софья Фёдоровна собиралась в Севастополь, но Колчаки были люди небогатые, и у неё не было ничего, в чём она могла бы появиться перед местным обществом как жена командующего. Выходить в чём попало — значило бы компрометировать и себя, и его. Александр Васильевич выслал денег, и теперь Софья Фёдоровна, опираясь на советы Анны Васильевны, делала покупки¹¹⁹.

Когда Колчак уезжал, Анна Васильевна не была уверена, что их отношения продолжатся: «Другая жизнь, другие люди. А я знала, что он увлекающийся человек». Но недели через две к ней на дачу (под Гельсингфорсом) явился, в присутствии мужа, громадного роста черноморский матрос и вручил пакет от адмирала¹²⁰. С этого началась их переписка.

Заняв адмиральскую каюту на штабном корабле, Александр Васильевич сразу же повесил на стену портрет Анны

Васильевны. Письма к ней он чаще писал, видимо, во время выходов в море, по ночам, когда никто не мешал. С некоторых пор он довольно плохо спал. Устав от бессонницы, он иногда поднимался на палубу, смотрел на звёзды и думал о ней, не зная, что на каком-то безумно далёком светиле пересекаются их взгляды. Потому что она тоже любила писать ему по ночам, когда в доме всё успокаивалось, и тоже, задумавшись, искала глазами знакомые созвездия.

Потом они обнаружили это совпадение. *«Мы с Вами не условливались смотреть в одно и то же время на звёзды и думать друг о друге, — писала Анна Васильевна, — это выходит само собой и так ещё гораздо лучше. Вам это не кажется, Александр Васильевич?»* (выделено в оригинале)¹²¹.

В нашем распоряжении нет писем Колчака к Тимирёвой за 1916 год. Они были изъяты во время многочисленных её арестов в советское время, и судьба их неизвестна. Но их содержание, вплоть до отдельных фраз, отражается в ответных письмах Анны Васильевны. *«...Перечитывая эти дни Ваши прежние письма, — писала она однажды, — я поразила разнообразием предметов, о которых Вы пишете — от очередных операций до цветов на Вашем столе, от Савонаролы до последних событий в Добрудже и до поклонения звёздам».* Ранее она отмечала, что его письма ни на чьи не похожи *«ни по содержанию, ни по стилю»*¹²².

В своих письмах Анна Васильевна тоже писала о многих предметах — о войне, политике, о Балтийском флоте (*«...Вы точно душу Балтийского моря увезли с собой, и чувствуется громадная пустота, которую некому заполнить...»*)¹²³, об общих знакомых, о своей жизни, своих чувствах и желаниях.

Балтийская осень 1916 года выдалась тёплой и солнечной. Анна Васильевна часто гуляла с Софьей Фёдоровной, а однажды каталась со Славущкой на автомобиле. Славущка стал поразительно похож на отца, и Анна Васильевна давилась от смеха при виде такого миниатюрного Александра Васильевича¹²⁴.

2 октября она сообщала, что Софья Фёдоровна на днях выезжает с сыном в Севастополь. Сама она не раз писала о своих несбыточных мечтах очутиться вдруг *«посередине Чёрного моря на “Императрице Марии” — ненадолго, чтобы Вам не мешать, просто побыть немного с Вами».* Однажды Александр Васильевич рассказал ей, что она приснилась ему как привидение, которое стало критиковать его действия по руководству флотом, смеяться над ним и предлагать свои, явно несуразные планы. Анна Васильевна отвечала, что если бы она действительно явилась к нему привидени-

ем, то «оно просто смотрело бы на Вас, глупо смеясь от радости видеть знакомое и милое лицо химеры, слышать Ваш голос»¹²⁵.

* * *

Севастопольское утро 7 октября 1916 года было ясным и тихим. На кораблях уже сыграли побудку. Колчак ещё спал в своей каюте. В начале седьмого часа его разбудил страшный грохот. Через минуту Колчак был на палубе «Георгия Победоносца». Он увидел огромный столб желтоватого дыма над стоявшей невдалеке «Императрицей Марией». У линкора отсутствовали фок-мачта, передний мостик и одна из труб. Из палубы, рядом с носовой башней, с треском вырывались языки пламени. На броненосце суетились люди, доносились отчаянные вопли¹²⁶.

Первое распоряжение, которое отдал Колчак, — отвести подальше от «Марии» «Екатерину Великую». А через четверть часа катер с командующим подошёл к борту терпящего бедствие корабля. За это время на нём произошёл ещё ряд взрывов меньшей силы.

Взрывы продолжались и тогда, когда адмирал поднялся на борт. Словно какие-то адские силы вдруг пробудились в чреве броненосной махины и наносили изнутри удар за ударом. При каждом взрыве из провала возле первой башни взметался столб пламени, высоко в воздухе рвались снаряды, на палубу сыпались осколки и горящие ленты пороха. Горело нефтяное топливо, закачанное накануне в цистерны, и в клубах чёрного дыма порой тонуло всё вокруг. Пожар распространялся с носа на корму. Уже и на третьей башне загорелись парусиновые чехлы орудий, а на корме — тент. На палубе корчились от боли раненые матросы, которым в суматохе никто не оказывал помощь. А другие лежали неподвижно — им уже нельзя было помочь¹²⁷.

К адмиралу подбежали командир корабля, капитан 1-го ранга И. С. Кузнецов и старший офицер А. В. Городынский. Первый был не совсем одет, а второй бегал в фуражке и шинели, но босиком. Им, однако, удалось остановить начавшуюся было на корабле панику и приступить к организованной борьбе с пожаром. Хотя при первом же взрыве отключилось электричество и пожарные насосы не работали.

Кораблестроители, создававшие первые русские дредноуты, уверяли, что эти броненосцы, в отличие от старых, не будут переворачиваться. Поэтому Колчак, посоветовавшись с командиром и старшим офицером, не стал отводить «Ма-

рию» на мелкое место. Решили сосредоточить усилия на борьбе с пожаром¹²⁸.

Затопили, во избежание взрыва, пороховые погреба трёх орудийных башен. С подошедших портовых баркасов приняли шланги и направили их струи в главный очаг пожара. С помощью буксира корабль развернули так, что ветер сносил с него дым и пламя. Загоревшийся тент сбросили в море. Затушили небольшие очаги пожара в разных местах. Около 7 часов утра пожар начал вроде стихать. Но в 7 часов 1 минуту корабль потряс очередной взрыв, 23-й по счёту и почти столь же мощный, как и первый. Броненосец стал садиться носом и крениться на правый борт. Колчак велел срочно снимать с корабля команду и сошёл сам.

«Мария» тонула неспешно и величаво, как подобает императрице. В 7 часов 8 минут прогремел последний взрыв, нос «Марии» ушёл в воду. Корабль медленно наклонился на правый борт, а затем плавно перевернулся. Огромное зелёное брюхо некоторое время покачивалось на волнах, постепенно погружаясь и пуская высокие фонтаны из отверстий, а затем скрылось под водой. Корабль затонул на глубине до 18 метров. Было 7 часов 17 минут. После первого взрыва прошло чуть меньше часа.

Катера и шлюпки собирали барахтающихся в море людей. Кое-кто из матросов самостоятельно выплыл на пристань. Но многие утонули, другие умерли в госпиталях от ран и ожогов, ушли на дно вместе с броненосцем. Водолазы рассказывали, что два дня они слышали отчаянные стуки из разных мест корабля, но не было никакой возможности прийти на помощь задыхающимся людям¹²⁹.

По спискам к 1 октября 1916 года на «Императрице Марии» числилось 1223 человека. Из них нижних чинов погибло 312, офицеров — один¹³⁰. Инженер-механик мичман Г. С. Игнатьев, пытавшийся развести пары, не успел выйти из трюма. Матросы по большей части спали в жилых помещениях на носу, а офицеры — на корме. Отсюда такая большая разница в числе погибших среди тех и других.

Ещё развозили раненых по госпиталям, когда командный состав «Императрицы Марии» собрался в кают-компания «Георгия Победоносца». За столом сидели грязные, вымокшие офицеры, потрясённые случившимся. Колчак старался сохранять внешнее спокойствие. Каждый рассказывал то, чему был свидетелем. Было установлено, что всё началось с пожара в носовых кюйт-камерах (помещениях для хранения взрывчатых веществ), где находились 12-дюймовые заряды. Пожар вызвал мощный взрыв. Затем начали рваться

соседние погреба со снарядами для 130-миллиметровых орудий. Предпоследний взрыв, решивший участь «Марии», видимо, повредил наружный борт или же сорвал кингстоны¹³¹. Но что стало причиной пожара в одной из крюйт-камер, никто не знал. Высказывались только разные догадки.

Вскоре в Севастополь на несколько дней приехал морской министр И. К. Григорович. Он держался корректно, выражал сочувствие Колчаку, пытался разобраться в причинах катастрофы.

В эти дни Колчак получил много сочувственных писем и телеграмм. Первая из них пришла от Николая II: «Скорблю о тяжёлой потере, но твёрдо уверен, что Вы и доблестный Черноморский флот мужественно перенесёте это испытание»¹³².

Командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин выразился кратко: «Ничего, дружище, всё обрзуется».

Архиепископ таврический Димитрий прислал прочувствованное письмо: «Вы наш мужественный вождь, Вас полюбила Россия; Отечество стало верить в Ваши силы, в Ваше знание и возлагает на Вас все свои надежды на Чёрном море. Проявите же и ныне присущие Вам славное мужество и непоколебимую твёрдость. Посмотрите на совершившееся прямо как на гнев Божий, поражающий не Вас одного, а всех нас... и, оградив себя крестным знаменем, скажите: “Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно Имя Его во веки”»¹³³.

Тимирёва узнала о случившемся из письма самого адмирала — до этого она слышала только ходившие по Петрограду неясные слухи. Судя по ответному письму Анны Васильевны, Колчак писал, что жалеет о том, что пережил гибель «Марии». Была в письме и просьба, с которой он мог обратиться только к очень близкому человеку: «Пожалейте меня, мне очень тяжело». Тимирёва заметила, что даже почерк у Колчака в эти дни сильно изменился. «Если это что-нибудь значит для Вас, то знайте, дорогой Александр Васильевич, — писала в ответ Тимирёва, — что в эти мрачные и тяжёлые для Вас дни я неотступно думаю о Вас с глубокой нежностью и печалью, молюсь о Вас так горячо, как только могу, и всё-таки верю, что за этим испытанием Господь опять пошлёт Вам счастье, поможет и сохранит Вас для светлого будущего»¹³⁴.

Тем временем в Генмор пришла телеграмма от Непенина: «О случае на “Императрице Марии” много говорят в Ревеле и Гельсингфорсе и написано в шведских газетах, получаемых в Гельсингфорсе. Считаю необходимым объявить об этом офицерам и команде». Это мнение разделял и началь-

ник Генмора адмирал А. И. Русин. «Здесь сплетни растут», — говорилось в его телеграмме.

Колчак же, поддерживаемый Григоровичем, настаивал на том, что официальное сообщение о катастрофе пока преждевременно. Видимо, ему хотелось, чтобы противник узнал о случившемся как можно позднее или, по крайней мере, долгое время находился в состоянии напряжённого ожидания и неуверенности. В архиве имеются две телеграммы Колчака, близкие по содержанию. Во второй из них говорится: «Минмор и я продолжаем держаться мнения о недопустимости в настоящее время официально опубликовывать известный Вам случай. Непенину сообщите о желательности дать указания морским офицерам о случившемся и необходимости некоторое время не разглашать сведения. Министр обращает внимание, что англичане не опубликовывают подобных случаев».

Николай II высказал желание ознакомиться с проектом сообщения ранее его публикации. В конце концов оно было напечатано в газете «Русский инвалид» 26 октября 1916 года¹³⁵.

12 октября, по «высочайшему» повелению, была назначена комиссия по расследованию причин гибели линкора «Императрица Мария». Председателем стал адмирал Н. М. Яковлев, бывший командир «Петропавловска», чудом спасшийся после его гибели. Среди членов комиссии был и генерал-лейтенант флота А. Н. Крылов, в то время уже известный кораблестроитель. Комиссия прибыла в Севастополь и приступила к работе. 31 октября она представила заключение, проект которого был написан Крыловым (впоследствии оно печаталось в книге его воспоминаний).

Возможные причины пожара на корабле комиссия сгруппировала по трём категориям: 1) самовозгорание пороха, 2) небрежность в обращении с огнём и порохом и 3) злой умысел. Поскольку порох был свежей выделки и случаи его разложения комиссии были неизвестны, она признала первое предположение маловероятным.

Вторую группу причин комиссия сочла тоже маловероятной, но — с некоторыми оговорками. Она обратила внимание на то, что пожар возник тогда, когда в кюйт-камеру должен был идти дневальный для измерения температуры. В связи с этим была высказана мысль «о возможности возникновения пожара от небрежности или грубой неосторожности со стороны бывшего в кюйт-камере, не только без злого умысла, но, может быть, от излишнего усердия».

С особой тщательностью был рассмотрен вопрос о возможности злого умысла. Комиссия указала на то, что, во-

преки требованиям устава, крьюйт-камеры фактически не запираются, ибо в них, помимо дверей, всегда можно проникнуть через лазы, горловины и шахты, да и двери часто распахнуты. В дневное время посещение башни посторонним человеком, одетым в форменную одежду, осталось бы незамеченным.

Кроме того, указывала комиссия, на корабле работали мастеровые, в том числе с Путиловского завода, которые устраняли недоделки и производили текущий ремонт. Поимённой переключки этих рабочих не делалось, а проверялось общее число в каждой партии. Таким образом, доступ на корабль посторонним лицам был слишком свободным. Поэтому комиссия решила, что «возможность злого умысла не исключена», а порядки на корабле облегчали его исполнение. Предпочтение, таким образом, отдавалось третьей группе причин, хотя комиссия оговаривалась, что «прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным»¹³⁶.

Поскольку комиссия не указала на виновников катастрофы, то весь командный состав, причастный к ней, должен был идти под суд. Это касалось и командующего флотом. Однако Григорович получил согласие государя отложить суд до окончания войны, а пока не давать новых назначений тем офицерам, во главе с командиром корабля, которые причастны к указанной комиссией упущениям. Сам Григорович считал, что имел место «злонамеренный взрыв при помощи адской машины», который устроил «кто-нибудь из подкупленных лиц, переодетый матросом, а может быть, и в блузу рабочего»¹³⁷.

4 ноября 1916 года Колчак представил своё «Мнение» по заключению комиссии. Прежде всего он указал на то, что современный порох всё же не является совершенно безопасным в смысле механического на него воздействия. В погребе линкора «Севастополь», писал Колчак, однажды загорелся, вопреки всем теориям, именно такой полузаряд, какие хранились в крьюйт-камере на «Марии», и взрыва удалось избежать лишь чудом. В севастопольской лаборатории воспламенился подобный же полузаряд, когда его стали передвигать по столу. «В связи с этим, — писал Колчак, — возможен, хотя и маловероятен, несчастный случай, могущий произойти при какой-либо работе с полузарядами, которую мог выполнять спустившийся в погреб хозяин или дежурный командор для измерения температуры».

Что касается злого умысла, продолжал Колчак, то эта область допускает «самые широкие предположения». Но наи-

менее вероятной была бы версия насчёт того, что взрыв устроил посторонний человек. Такому человеку, не знающему расположение помещений на корабле, его ходы-выходы, крайне сложно было бы проникнуть в зарядный погреб — «даже обычный путь через шахту в подбашенное отделение для постороннего лица, не знакомого с кораблём, очень труден». И это говорилось со знанием дела, поскольку Колчак, выходя в море на «Императрице Марии», сам обошёл все её лазы, шахты и горловины.

В таком случае, продолжал Колчак, следовало бы искать злоумышленников среди рабочих или команды. В связи с этим в поле зрения комиссии попали путиловские рабочие, которые устанавливали лебёдки для подачи снарядов в бомбовом отсеке носовой башни. Этих рабочих всего пятеро, они хорошо известны, никто из них никуда не скрылся и в ночь перед взрывом они на корабле не были. Другие рабочие, бывшие накануне на корабле, тоже хорошо известны, и «нет также оснований думать о виновности кого-либо из них».

На линкоре, утверждал Колчак, была хорошая команда. Она «любила свой корабль, сознавала его силу». Что касается отмеченных в заключение нарушений устава, то они вызваны в основном расхождением между его требованиями и современной жизнью. Новый порох гораздо менее опасен, чем прежний — естественно, обращение с боеприпасами стало менее деликатным. Кроме того, в нынешней войне боевая тревога начинается сразу после выхода корабля с рейда за боны и заканчивается, когда он пересечёт их линию в обратном направлении. В течение всего похода артиллерийская прислуга не отходит от заряженных орудий, спит, положив голову на снаряды. Все помещения открыты. Команда привыкает к таким порядкам и не сразу перестраивается по возвращении на базу.

Действительной проблемой, указывал Колчак, являются отношения между офицерами и командой. Офицеров катстрофических не хватает, особенно старых и опытных. Приходящая на флот молодёжь, прошедшая ускоренный курс обучения, пока не может восполнить этот недостаток. Доходит до того, что на дредноуте вахтенным начальником назначается мичман по первому году, который мало что на корабле знает и ни за что не может отвечать. Такой же мичман становится командиром башни, а он совсем её не знает — в отличие от её «хозяина», артиллерийского унтер-офицера, изучившего свою башню до мелочей. «С этим связано, — писал Колчак, — полное отсутствие авторитета и влияния офи-

церов на команду, создающее крайне серьёзное положение на многих судах в отношении воспитания и духа команды».

Было такое и на «Марии», писал Колчак, но это вовсе не значит, что среди команды мог созреть злой умысел. Конечно, злоумышленник всегда может найтись — это напрочь отвергать нельзя. Но фактических доказательств нет. И, подводя итог, Колчак делал вывод «о полной неопределённости вопроса о причинах взрыва и гибели линейного корабля “Императрица Мария”»¹³⁸.

В 1920 году, во время иркутского допроса, Колчак высказался сходным образом: «...Я считал, что злого умысла здесь не было. ...Я приписывал это тем совершенно [не]предусмотренным процессам в массах пороха, которые заготавливались во время войны. В мирное время эти пороха изготавливались не в таких количествах, поэтому была более тщательная выделка их на заводах; во время войны, во время усиленной работы на заводах, когда вырабатывались громадные количества этих порохов, не было достаточного технического контроля, и в этих порохах являлись процессы саморазложения, которые могли вызвать взрыв. Другой причиной могла быть какая-нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае, никаких данных, что это был злой умысел, не было»¹³⁹.

Старший офицер «Марии», капитан 1-го ранга А. В. Городынский составил собственную версию случившегося, близкую к тому, что говорил Колчак. 6 октября, писал он, корабль вернулся из боевого похода. Орудия были разряжены, полузаряды отнесли в крыйт-камеру. Но из-за того, что надо было срочно грузить уголь, их вложили в герметичные металлические пеналы (кокары), но не убрали в места постоянного хранения — в соты. Полузаряды остались лежать на полу. Наутро к Городыскому прибежал кондуктор первой башни, чтобы получить ключ от шкафа с ключами. Он должен был измерить температуру в крыйт-камере. Этого кондуктора старший офицер больше не видел, так как вскоре раздался взрыв.

По предположению Городыского, кондуктор, увидев лежащие в беспорядке полузаряды, решил сам, не привлекая матросов, разложить их по сотам и... уронил один из них.

Исправный полузаряд выдержал бы такое падение. Но крыйт-камера дважды подвергалась перегреву, когда температура доходила до 60—70 градусов. Правда, после каждого такого случая производилась выборочная проверка полузарядов. Но возможно, что в проверку попадали только «здоровые» экземпляры, а не попорченные. Последние же, по «закону подлости», могли попасть в жерла пушек,

когда корабль выходил в море и орудия его под южным солнцем нагревались до такой же температуры. А потом неиспользованные полузаряды опять направлялись в скрыт-камеру. Падение такого полузаряда могло вызвать пожар, а потом и взрыв¹⁴⁰.

При всей убедительности этой версии, она нуждается в некоторых уточнениях. Каждый полузаряд в кокаре весил четыре пуда. Вряд ли кондуктор взялся бы в одиночку за такую работу. Но попытаться переместить какой-то один, особенно мешавший ему полузаряд он мог. В таком случае уменьшается вероятность того, что попал в руки и был урнен именно попорченный экземпляр.

Колчака и Городыского попытался опровергнуть современный писатель А. С. Ёлкин, автор книги «Тайна “Императрицы Марии”», написанной в жанре «поиски и находки». Он утверждает, что Колчак и Городыский были неискренни, пытаясь уйти от ответственности за то, что не обеспечили на корабле должный порядок. В неофициальных беседах Колчак якобы заявлял другое — и Ёлкин ссылается на письмо, полученное «из-за океана». «Мне, как офицеру русского флота, — говорится в письме, — довелось быть во время описываемых событий в Севастополе. Работал я в штабе Черноморского флота. Наблюдал за работой комиссии по расследованию причин гибели “Марии” и сам слышал разговор Колчака с одним из членов комиссии. Колчак тогда сказал: “Как командующему, мне выгоднее предпочесть версию о самовозгорании пороха. Как честный человек, я убеждён — здесь диверсия. Хотя мы и не располагаем пока конкретными доказательствами...”» Автор письма просил не называть его фамилию¹⁴¹.

Очень странное письмо. Вряд ли офицер флота написал бы, что он «работал» в штабе. Настоящий офицер написал бы: *служил*. И неслучайно, наверно, заокеанский корреспондент просил не называть его фамилию. Иначе можно было бы проверить, был ли такой офицер в штабе Черноморского флота.

В своих «поисках и находках» А. С. Ёлкин заходит так далеко, что называет даже имена «диверсантов». Это два инженера из Николаева, которые якобы пронесли на корабль взрывное устройство. В 30-е годы они прошли по одному из чекистских дел как немецкие шпионы с большим стажем, в чём сами и сознались¹⁴².

В 30-е годы люди в чём только не сознавались на допросах. Но чекисты, как и Григорович в своих воспоминаниях, упустили из виду, что на «Марии» именно пожар предшест-

вовал взрыву, а не наоборот. Сработала бы «адская машина» — рвануло бы сразу.

Колчак и Городыский лучше знали обстановку на кораблях, чем позднейшие чекисты, чем члены комиссии Яковлева и морской министр, наездом побывавшие в Севастополе. Но и они знали далеко не всё. Кубрик и кают-компания, как уже говорилось, жили отдельной жизнью. И вообще флот делился на два мира — офицеров и матросов. Среди нижних чинов «Императрицы Марии», между прочим, ходило мнение, что причиной пожара стало неосторожное курение, о чём они, естественно, не заявляли ни начальству, ни комиссии. Но об этом вспоминает матрос Тимофей Есютин в своей книге, вышедшей в 1931 году¹⁴³.

В орудийной башне проживало 90 матросов. Едва ли не все были курильщики. Главным местом для курения был бак — носовая часть верхней палубы. В минуты отдыха там и собирались матросы. Для курения отводились и другие места, где были установлены специальные фитили, от которых можно было прикурить. Но корабль — большой, бежать туда, где разрешалось курить, бывало далековато, а за короткий промежуток времени между подъёмом и молитвой надо одеться, умыться и убрать постель. Между тем известно, что утром, сразу после пробуждения, заядлый курильщик испытывает почти непреодолимое желание сделать одну-две затяжки. Курение в неразрешённых местах было, надо думать, обычным явлением. Но всё обходилось, пока чей-то окурочок или не загашенная спичка не были брошены как-то очень неудачно. Неслучайно ведь взрыв произошёл через 15—20 минут после пробудки. Как раз за это время окурочок и мог разгореться.

В воспоминаниях Есютина приводится и другая версия. В башне работали самодельные портные из числа матросов. Они имели привычку развешивать на рубильниках нитки. В них могла впутаться проволока. Кто-то, не посмотрев, включил ток, и случилось короткое замыкание.

Таким образом, как представляется, катастрофа произошла на бытовой почве, или, точнее, на почве постепенного, но неуклонного падения дисциплины на Императорском флоте, что проявлялось в основном пока в мелочах, хотя далеко не безобидных.

Правда, в другом издании книги Есютина, вышедшем в 1939 году, вовсе не упоминалась ни одна из этих версий. Теперь утверждалось, что взрыв был осуществлён германскими агентами из числа офицеров немецкого происхождения¹⁴⁴. Это измышление можно было бы отнести на счёт соавтора Есютина во втором издании — некоего Ш. Юфер-

са, который, видимо, пытался политически «заострить» книгу, приспособиваясь к переменчивой обстановке 1939 года. Но в воспоминаниях другого матроса, А. И. Торяника с линкора «Синоп», тоже говорится, что взрыв устроил адмирал Эбергард со своей «шпионской агентурой»¹⁴⁵. Воспоминания Торяника вышли в 1958 году. Возможно, он и не читал книги Есютина и Юферса. Так что эта версия наверняка тоже ходила среди матросов — особенно с других судов.

Шпиономания, широко распространившаяся в России в 1915—1916 годах, наложила отпечаток и на дело о гибели «Императрицы Марии». Но за этим явлением, шпиономанией, скрывались взаимная подозрительность и растущая враждебность между верхами и низами. Недаром следственная комиссия обратила особое внимание на путиловских рабочих, а матросы кивали на Эбергарда и других офицеров с немецкими фамилиями. И лишь Колчак, свободный от предвзятого отношения к верхам и низам, был свободен и от шпиономании. Мало кто, однако, тогда ожидал, что взрыв на «Императрице Марии», происшедший скорее всего по какой-то простой, бытовой причине, явится предвестником другого взрыва, социального, который через несколько месяцев встряхнул всю Россию.

После гибели «Марии» случилось ещё одно неприятное событие. «Екатерина Великая», выходя ночью в море и ориентируясь на неправильно зажженные огни, села на мель. К счастью, дредноут удалось быстро с неё стащить. Колчак, относившийся к себе хуже, чем прокурор к подсудимому, считал себя виновником обеих аварий. «Командующий за всё в ответе», — сказал он и подал прошение об отставке. Просьба была отклонена. Но свыкнуться с гибелью «Марии» он никак не мог¹⁴⁶.

Недрузи Колчака, такие, как Альтфатер, распускали слух, что адмирал не в себе и ни о чём другом, кроме как об этом злосчастном дредноуте, говорить не может¹⁴⁷. Это было не так. Колчак продолжал руководить флотом и принимать ответственные решения. В день катастрофы он без колебаний разрешил четверым офицерам пробраться на тихоходном тральщике к берегу Босфора и поставить мины. Операция прошла успешно¹⁴⁸.

И всё же с Колчаком что-то происходило. Он совсем замкнулся в себе, стал очень молчалив, почти ничего не ел. Срываясь, доходил до крайней степени гнева и злости. Анне Васильевне написал мрачное и холодное письмо, неприятно её поразившее. Заявил, что сознательно отказывается от её отношения к нему и от её писем. «В несчастье я считаю лучше остаться одним», — так объяснил он свой поступок.

В эти дни весьма некстати в Севастополь приехала семья. Встреча, надо полагать, была не очень тёплой. Семья поселилась на квартире, а её глава остался на корабле, почти не бывая дома. Софья Фёдоровна мужественно это перенесла, не стала, подобно мужу, запирается в четырёх стенах, а сразу же занялась благотворительными делами. В те времена, в отличие, к сожалению, от нынешних, это считалось святой обязанностью жён высших командиров и главных начальников.

Анна Васильевна, глубоко обиженная, всё же не приняла своей «отставки». Она написала, что прекрасно его понимает, но всех отталкивать и в себе замыкаться — «всё-таки в этой системе хорошего очень мало». В конце письма она добавила: «Желаете Вы этого или нет, моё отношение к Вам остаётся неизменным».

Колчак всё же ответил, и в следующем письме, очень пространным, Анна Васильевна, как бы между прочим, слегка упрекнула Александра Васильевича за то, что он не очень внимателен к семье: «...В таком маленьком городке, как Севастополь, то, что Вы редко бываете дома, по всей вероятности, очень отмечается и подвергается обсуждениям, для которых, в сущности, не следует давать повода».

Подавленное состояние командующего и некоторые его странности заставили начальника штаба С. С. Погуляева конфиденциально сообщить об этом в Ставку. Николай II тотчас же отправил в Севастополь Бубнова с наказом сообщить Колчаку, что он не видит никакой его вины в гибели «Императрицы Марии», относится к нему по-прежнему и повелевает спокойно продолжать командование. Бубнов вспоминал, что, несмотря на давнюю дружбу с адмиралом, он не без трепета входил в его каюту. Но слова государя возымели на Колчака благотворное впечатление. Беседа сразу приняла дружеский характер и продолжалась довольно долго¹⁴⁹.

Трудно сказать, чьи слова подействовали сильнее, Николай II или Анны Васильевны, но Колчак в скором времени пришёл в себя, стряхнул «комплекс вины», мешавший ему жить и полноценно исполнять свои обязанности. Теперь его главной целью стала Босфорская операция, а основной заботой — подготовка к ней.

* * *

Босфор и Дарданеллы — узкие ворота, открывающие вход в Чёрное море из Средиземного. По воле державы, владеющей проливами, эти ворота могут вдруг захлопнуться. И тогда экономика других черноморских стран, в том числе Рос-

сии, начинает терпеть большие убытки. В XIX — начале XX века вывоз хлеба, в то время основного русского экспортного товара, шёл в основном через черноморские порты.

Режим черноморских проливов затрагивал интересы не только России, но и многих других государств. И в XIX века он стал регулироваться международными соглашениями. Было установлено, что в мирное время торговые суда всех стран могут свободно проходить через проливы, военным же, за исключением турецких, проход был заказан. В военное время Турция могла по своему усмотрению пропускать или не пропускать через проливы любые суда.

Россию мало устраивал такой режим черноморских проливов. Во-первых, русская торговля оказывалась в слишком большой зависимости от отношений с Турцией. Во-вторых, Россия не могла соединить два своих флота, Балтийский и Черноморский, и использовать Черноморский флот в другом месте, кроме Чёрного моря. Это разъединяло морские силы России, снижало их действенность, повышало расходы на военно-морское строительство. В то же время важнейшие экономические центры на берегу Чёрного моря, как показал опыт Первой мировой войны, были недостаточно защищены от внезапного нападения.

Проблема черноморских проливов могла быть решена во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, когда русские войска вышли к предместьям Константинополя. Но в проливах появился британский флот и всё осталось по-старому.

Но вот и Британия стала нуждаться в русской помощи, когда началась Первая мировая война. Весной 1915 года состоялся обмен нотами между Англией, Францией и Россией, а позднее были заключены соглашения о передаче Константинополя под юрисдикцию России, «если война будет доведена до успешного конца»¹⁵⁰.

Несмотря на этот дипломатический успех, министр иностранных дел С. Д. Сазонов всё же считал, что пока вопрос решён только на бумаге, а «крепко приобретённым» может считаться лишь то, что находится в руках. Закончится война, отпадёт нужда в русской помощи, и союзники найдут способ перетолковать ранее подписанные соглашения.

Настораживало также то, что еще до начала переговоров с Россией о Константинополе союзники начали операцию по овладению Дарданеллами, намереваясь дойти до турецкой столицы. Однако операция была плохо подготовлена, затянулась и в начале 1916 года закончилась эвакуацией союзных войск на Салоникский фронт в Греции. Англо-французский экспедиционный корпус понёс большие поте-

ри, но ещё более значительный урон был причинён турецкой армии.

Неудача Дарданелльской операции союзников укрепила недоверчивое отношение русского сухопутного командования к планам скорейшего овладения Босфором, о чём заговорили после заключения соглашения с союзниками. Алексеев считал Босфорскую операцию «затеей моряков», которая только отвлечёт войска и ослабит фронт. «Ключи от Константинополя лежат в Берлине», — говорил он, давая понять, что успех в войне может быть достигнут только в результате операций на сухопутном фронте.

Моряки, в свою очередь, доказывали, что взятие Константинополя расщепит Турцию надвое и вызовет неминуемую капитуляцию султанского правительства. Освободятся русская Кавказская армия и Месопотамская армия англичан. Вслед за Турцией падёт Болгария, а затем очередь дойдёт и до Австро-Венгрии. Произойдёт глубокий прорыв в лагерь неприятеля в самом неожиданном для него месте¹⁵¹.

Эти доводы произвели сильное впечатление на Николая II, и он стал проявлять повышенный интерес к Босфорской операции. Алексеев же продолжал упорствовать, хотя подвергался сильному нажиму со стороны дипломатов и моряков.

В конце концов, уступив давлению, генерал распорядился составить план операции. Вскоре таковой был представлен. За образец была взята десантная операция японцев под Порт-Артуром. Разработчики исходили из того, что ближайшее к Босфору не укрепленное и не занятое противником место, удобное для высадки, — это устье реки Сакарии, приблизительно на полпути между Константинополем и Зонгулдаком. Дороги плохие, и до турецкой столицы десант доберётся за 4—5 дней. Конечно, за это время противник подтянет подкрепления. Десантная армия должна быть в состоянии взять прикрывающие Босфор укрепления, которые будут защищать силы основного гарнизона и подошедшие части. Поэтому на берег одновременно или с небольшим интервалом должно быть высажено не менее 8—9 дивизий. Алексеев поинтересовался, сколько дивизий может взять на борт транспортная флотилия Чёрного моря. Оказалось, что не более трёх (со всем снаряжением и артиллерией). После этого Алексеев посчитал, что вопрос отпал¹⁵².

Между тем Штаб Черноморского флота проводил усиленную разведку Босфора. Русские аэропланы, наряду с бомбометанием, занимались фотографированием местности. Подводные лодки подходили почти вплотную к берегу и че-

рез перископ делали фотоснимки укреплений. Миноносцы по ночам высаживали на берег разведчиков.

Было замечено, что турки редко обращали внимание на ночные визиты русских миноносцев, а укрепления, возведённые в 1914 году, во многих местах не заняты, окопы пришли в запустение. Орудия, переброшенные в своё время к Дарданеллам, всё ещё не возвращены на Босфор. Турки явно не ожидали нападения, уверовав, что навсегда отбили у кого-либо охоту соваться в проливы.

Общее состояние турецкой армии, как оно вырисовывалось по разным источникам, было крайне тяжёлым. Турция понесла значительные потери в Закавказье и Месопотамии. Часть её сил была скована в Сирии и Палестине, где высадились англичане, и на Салоникском фронте. Отражение англо-французской атаки на Дарданеллы стало, по существу, пирровой победой, обескровившей наиболее боеспособные части турецкой армии. И наконец, немецкое верховное командование, под впечатлением от Брусиловского наступления летом 1916 года, потребовало от Турции отправки в Галицию целого корпуса. В результате в Босфорском укрепленном районе к концу лета 1916 года осталось всего около двух дивизий: одна в Константинополе и на берегах Босфора, другая — на побережье и на укреплениях, охраняющих дальние подступы к Босфору. Кроме того, одна дивизия охраняла Дарданеллы, а другая, резервная, стояла в Смирне (Измире).

Исходя из этих данных, Морской отдел Ставки и Штаб Черноморского флота разработали свой план Босфорской операции, не такой тяжеловесно-академический, как алексеевский, но простой и дерзкий. Намечалось нанести внезапный и стремительный удар в самое сердце Босфорского укрепленного района — по Константинополю.

Колчак, принимавший непосредственное участие в разработке операции, мог в любой момент, закрыв глаза, воспроизвести по памяти, этап за этапом, весь её ход.

Глубокой ночью к берегам Босфора приближается отряд тральщиков и начинает прокладывать в минных полях широкие коридоры. Такая операция однажды уже проводилась у Варны и осталась незамеченной неприятелем.

Близится рассвет, и транспортная флотилия, подойдя к берегу, высаживает по обеим сторонам пролива две дивизии с артиллерией. Место высадки немедленно ограждается сетями, минными заграждениями и дозорными судами.

Встаёт солнце, освещая береговые укрепления и одновременно ослепляя турецких артиллеристов. Корабли начинают

обстрел неприятельских позиций, поддерживая движение вперёд высадившихся войск. День уходит на подавление входных батарей и на овладение ими. Тем временем высаживается третья дивизия с тяжёлой артиллерией, а к вечеру флот входит в Босфор. Ночным штурмом десант овладевает группой батарей среднего Босфора. Путь к Константинополю свободен. Транспортная флотилия отправляется за вторым эшелонем десантных войск (две дивизии). Десантный отряд из пяти дивизий овладевает Константинополем, с тылу берёт знаменитую Чаталджинскую позицию, преграждающую доступ к турецкой столице со стороны Балканского полуострова и отражает атаки двух дивизий, переброшенных из Дарданелл и Смирны. Флот выходит в Мраморное море. Десант, закрепившись на занятых позициях, может смело ожидать подхода неприятельских подкреплений с Салоникского фронта, даже если в их составе будут немецкие войска¹⁵³.

Разработчики операции были уверены в её успехе. Современный военный историк В. В. Шигин утверждает даже, что Босфорская операция была обречена на успех¹⁵⁴. Такая оценка, пожалуй, слишком оптимистична. В реальной жизни задуманное редко разыгрывается как по нотам. И нельзя сказать, что турки совсем уж не охраняли своё побережье. Достаточно указать на один печальный эпизод в начале июня 1917 года. Подводная лодка «Кашалот» после обстрела зданий на турецком берегу попыталась высадить на захваченной шлюпке небольшой десант для их подрыва. Но с берега неожиданно открыли пулемётный огонь, которым был убит один человек и трое ранены¹⁵⁵.

Нельзя, однако, не признать, что Босфорская операция, в её «морском» варианте, была ярким замыслом и имела много шансов на успех. Быстрота и натиск, положенные в её основу, были поистине суворовские. Так что, может быть, в чём-то и прав был борзописец из «Нового времени», сравнивая Колчака с Суворовым.

Операция планировалась на сентябрь 1916 года, до начала осенних штормов. Однако Алексеев отверг представленный моряками план, посчитав его слишком рискованным. Он по-прежнему отстаивал свой план, для которого необходимы были 10 дивизий. Снять с фронтов такое количество войск он не считал возможным. А транспортная флотилия не могла их перевезти. Алексеев считал вопрос закрытым.

Николай II, всецело сочувствуя морякам и их планам, всё же не счёл для себя возможным оказывать нажим на своего начальника штаба. Однако он дал согласие на формирова-

ние в Севастополе специальной дивизии морской пехоты, в которую, по его повелению, из армии и гвардии следовало направить лучших солдат, в том числе георгиевских кавалеров. Остальные четыре дивизии предполагалось взять из Кавказской армии. На формирование и обучение десантного отряда требовалось 3—4 месяца. Поэтому операцию отложили на апрель-май 1917 года. Алексеев не стал возражать против подготовки десанта, очевидно, надеясь, что ещё раньше, в ходе подготовляемого им весеннего наступления в Галиции, война закончится победой¹⁵⁶.

К осени 1916 года в Штабе флота под руководством Смирнова были разработаны все детальные планы операции и составлены инструкции для производства десанта. Флотские артиллеристы были специально обучены стрельбе для поддержки высадившихся отрядов. Осенью началось формирование Морской дивизии¹⁵⁷.

По штатам предполагалось, что полковые командиры будут отобраны исключительно из числа георгиевских кавалеров, батальонные и ротные — из числа офицеров, имеющих боевой опыт и награды, а солдаты — из гвардии и лучших, проверенных матросов.

На деле оказалось иначе. Командиры кораблей и воинских частей старались сбывать в Морскую дивизию всех, кто им не годился или доставлял беспокойство. Офицеры, начавшие прибывать в Севастополь, действительно имели награды, но, едва ли не в большинстве своём, отличались пристрастием к спиртным напиткам. Из гостиницы, куда их поселили, почти каждую ночь доносились песни, потом начиналась стрельба, сыпалось оконное стекло.

Среди рядовых первоначально преобладали ополченцы, с солдатской наукой малознакомые, и матросы-штрафники. Последние постарались укоренить в формируемой дивизии свою ненависть к офицерам.

Большие надежды возлагались на гвардейское пополнение. Оно прибыло, с первого взгляда поразив стройностью своих рядов, высоким ростом солдат и их выправкой. Но уже со второго взгляда выяснилось, что в основной своей массе оно состояло из «дедушек» 35—43 лет. Много было больных, особенно ревматизмом. Оказалось, что их обманули, уверив, что посылают в Крым охранять побережье, где много солнца и нет войны. Они пришли в ужас, узнав, что попали в ударную десантную дивизию. «Уж какие мы сражатели», — говорили они, упрасывая перевести их в ополчение. А потом обнаружилось также и то, что среди прибывших немало «политических», то есть затронутых пропагандой.

— Так что — беспокойно... — говорили старые гвардейцы-фельдфебели. Они были чуть ли не единственным элементом, стойкость которого и верность воинскому долгу не вызывали сомнений.

С разношёрстным воинством, собранным в Морскую дивизию, началась настоящая работа, когда прибыл её командир — генерал-майор А. А. Свечин. Он принял меры к пополнению дивизии более надёжным элементом, разделил её на полки, ввёл систематические занятия с нижними чинами. Бесформенная масса людей постепенно стала превращаться в боевую единицу.

Начальником штаба дивизии был назначен подполковник А. И. Верховский. Довольно молодой (всего 30 лет), худощавый, подвижный, несколько даже суетливый, в очках, он не был похож на строевого офицера и не производил делового впечатления. В дивизии он бывал редко, в основном — в Штабе командующего, в Морском собрании. Вообще, как видно, был из тех людей, которые любят бегать по начальству.

Колчак постоянно интересовался дивизией и был хорошо осведомлён обо всём, что там происходило. Н. Кришевский, один из офицеров дивизии, присутствовал однажды при его беседе с начальником Штаба флота. «Мы создадим настоящую морскую пехоту, лихую и знающую десантное дело», — уверенно говорил адмирал, по обыкновению слегка грассируя.

«Адмирал работал невероятно много, — вспоминал Кришевский, — то проводил время сутками в штабе, не выходя с “Георгия”, то садился на миноносец, подымал сигнал “Следовать за адмиралом” и вёл эскадру... то производил детальный и всегда внезапный смотр какого-нибудь из кораблей или появлялся в госпитале, на батареях, всегда неожиданно, но всегда — продуктивно»¹⁵⁸.

Работа по формированию Черноморской дивизии морской пехоты продвигалась медленно и трудно. Отягчающим обстоятельством стала общая обстановка в стране в конце 1916-го — начале 1917 года. Галопировала инфляция, исчезали продукты первой необходимости, расстраивалась работа железных дорог. В городах появились очереди за продовольствием. Расползались слухи о предполагаемом дворцовом перевороте, о «замирении», о даровой раздаче земли.

На этом фоне совсем разладились отношения между правительством и Думой. Мало того, царь и правительство потеряли прежнюю опору в дворянстве, которое тоже предъявило свои требования. Возник конфликт императорской

семьи с великими князьями. Само правительство постоянно сотрясали какие-то странные перетасовки и реорганизации. Министры, не успев сесть в своё кресло и войти в курс дела, уже должны были уходить. В конце концов стало очевидно, что от них требуют не работы, а участия в этих дрызгах, причём на «правильной» стороне. Так, с сентября 1916 года во главе МВД оказался А. Д. Протопопов, человек крайне неорганизованный, не отличавшийся большой работоспособностью и плохо знавший своё министерство. Он не находил времени выслушивать доклады директора Департамента полиции о положении в стране и, похоже, не представлял размеров надвигающейся угрозы¹⁵⁹.

В Думе лились потоком пламенные речи. Анна Васильевна с некоторых пор стала часто бывать на думских хорах, где собирались журналисты и посетители, наблюдая за прениями. Она писала Колчаку, что вся линия поведения «нашего правительства за последнее время производит впечатление в лучшем случае преступного легкомыслия, если не циничного глумления над страной»¹⁶⁰.

Смирнов, в начале 1917 года побывавший в Могилёве и Петрограде, говорил Колчаку, что он «был поражён ростом оппозиционного настроения по отношению к правительству как среди петроградского общества, так и среди гвардейских офицеров и даже в Ставке». В Черноморском флоте некоторые офицеры тоже возмущались тем, что правительство составляется из случайных людей. Другие же определённо высказывали мнение, что государь должен пойти на уступки¹⁶¹. Сам Колчак впоследствии отмечал, что «к существующей перед революцией власти» он относился отрицательно, считая, что среди министров работает один Григорович¹⁶².

В ноябре 1916 года, после отставки Б. В. Штюмерера, встал вопрос о назначении Григоровича на пост председателя Совета министров. Моряки, да и все военные, с надеждой ожидали этого назначения. Но в последний момент вопрос отпал, потому что императрица посчитала, что Григорович придерживается якобы слишком либеральных взглядов и при его популярности в Думе может быть опасен для престола¹⁶³. Правительство возглавил А. Ф. Трепов. Это был талантливый администратор, на посту министра путей сообщения сумевший на некоторое время упорядочить работу железных дорог. Но на новом посту ему, по сути дела, не дали работать, и перед Новым годом он ушёл в отставку. Вместо него назначен был князь Н. Д. Голицын, находившийся уже в почтенном возрасте и давно отошедший от активной административной работы (последнее время он числился в

Сенате). Ни во что не вмешиваясь, ни на чём особенно не настаивая, Голицын стал всего лишь формальным главой правительства, последним при старом режиме.

Было известно, что генерал Алексеев, оставаясь при ежедневных докладах с императором с глазу на глаз, несколько раз поднимал вопрос о прекращении ребяческих игр в чехарду и выработке серьёзного внутривластного курса. Говорили даже, что однажды разговор на эту тему «принял патетические формы». Но насколько покладист был Николай II перед Алексеевым в военных вопросах, настолько неуступчивым он оказался в вопросах внутривластных. Генерал же, ступив на малознакомую ему почву внутренней политики, не сумел найти достаточно веских аргументов и подать их уверенно, с внушительным видом¹⁶⁴. (Последнее, кстати говоря, имеет в споре даже большее значение, чем первое.)

В вопросах внутренней политики Николай II имел другого руководителя — не Алексеева. Этим руководителем была его жена. Александра Фёдоровна обладала страстным, повелительным, негибким характером, по преимуществу мужским. Но должна была добиваться своих целей чисто женским способом — путём полного подчинения себе своего мужа. Отдалив постепенно от него свекровь и других родственников, она, наконец, получила его в полное своё распоряжение. Таков уж был последний император, что им постоянно должен был кто-то руководить. Сначала отец, потом дяди, некоторое время — Столыпин, а потом — жена.

Она читала его дневники и делала там пометки — видимо, поэтому они так малоинформативны и в них так мало того сокровенного, чем хотел бы он поделиться с последующими поколениями. Во время великосветских приёмов и балов она не сводила с него глаз, обмениваясь многозначительными взглядами и улыбками. Находясь в нескольких шагах от него и с кем-нибудь беседуя, она ни на минуту не теряла нить того разговора, который он вёл с кем-то из приглашённых¹⁶⁵.

Плохо прижившаяся в России и, кроме мужа, никакой опоры в ней не имевшая, она, вольно или невольно, сосредоточилась на проведении в жизнь идеи «народного самодержавия», причём в крайнем её выражении. Только царь и народ, в непосредственном и тесном общении, без всяких преград, барьеров и средостений. Не надо Думы, не надо дворянства, если оно вольнодумствует и интригует, не надо бюрократии, не надо и образованного «общества». «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом, сокруши их всех...» — тиранила она мужа¹⁶⁶.

Идея «народной монархии» была не нова и по сути не менее утопична, чем большевистские мечты о мировой революции или о «построении социализма в одной отдельно взятой стране». Даже император понимал, что всё это невозможно. Но ничего поделать не мог ни с ней, ни с собой. Ему нужен был руководитель. Алексеев не смог вытеснить Александру Фёдоровну и стать таковым.

Императрица непоколебимо верила в то, что народ предан своим царям, любит их и пойдёт за ними в огонь и воду. Олицетворением народа для неё был Григорий Распутин. Поэтому она так держалась за него. Распутин же, человек хитрый, любострастный и двуличный, всегда был повёрнут к императорской семье одной своей стороной, благостной, страдающей и даже по-народному мудрой, а к публике — другой, пьяной, мерзкой и распутной. И императорская семья, и публика были убеждены, что видимая ими сторона — подлинная, а всё остальное — выдумки.

«Народ, что ячмень в поле, — стелется по ветру», — безвестный древний мудрец, изронивший эти слова, в чём-то, наверно, был прав. В начале XX века монархизм русского мужика, пожившего в городе, а иногда на заработках и за границей, был уже не тот, что прежде. А военные трудности, начавшийся развал, правительственная чехарда и слухи о царе и царице, нелепые, порой и мерзкие, ещё более пошатнули прежние представления.

Убийство Распутина в середине декабря 1916 года было воспринято в столичном обществе как смерть тирана. Все откровенно радовались, даже Анна Васильевна, все ожидали каких-то перемен¹⁶⁷. Но перемен не произошло, что явилось ещё одним доказательством того, что не в Распутине было дело, что не был он главой придворной партии, не назначал и не смещал по своему произволу министров. Ведь не императрица была при Распутине, а он при ней.

Обстановка в стране была тревожной. Но мало кто предполагал, что вот-вот произойдёт то, что в действительности вскоре произошло. Шла война, и люди волей-неволей были заняты этим основным делом. 31 декабря 1916 года, во исполнение директивы Ставки, Колчак издал приказ о формировании Черноморской воздушной дивизии. Её дивизионы, воздушные отряды, станции и посты предполагалось развёртывать по мере поступления морских самолётов и личного состава¹⁶⁸.

В тот же день отряд кораблей в составе трёх старых броненосцев и двух авиатранспортов отправился к турецким берегам. На флагманском корабле «Иоанн Златоуст» находи-

лись вице-адмирал А. В. Колчак и контр-адмирал В. К. Лукин, начальник бригады линейных кораблей.

Стемнело, настала новогодняя ночь, тихая и звёздная. Но на краю неба вдруг появилась длинная чёрная полоса. Она стремительно расширялась, приближаясь к зениту. Засвистел ветер, погасли звёзды и хлынул ливень. Корабли, шедшие без огней, растворились во мгле. Опасаясь столкновений, Колчак приказал отряду как можно точнее держаться на курсе и увеличить ход.

Беспрерывно грохотал гром, а молнии, блиставшие сразу в нескольких местах, образовали вокруг корабля мутно-лиловый световой шар, внутри которого прыгали тени, а за пределами ничего не было видно. Так продолжалось около часа, а затем гроза умчалась, на небе вновь засияли звёзды.

Наступал Новый год, и походный штаб Колчака собирался в тесной командирской столовой. Был накрыт стол, почти все уже подошли, не было только Лукина. Он почему-то вступил в длительные прения с командиром корабля. Когда до наступления Нового года оставалось 5 минут, Колчак велел пойти за адмиралом и привести его за руку.

Лукин, наконец, явился и сел на оставленное для него место. Колчак поинтересовался:

— Вы очень заняты или, быть может, не хотите с нами ужинать?

— Нет, ваше превосходительство, я свободен и хочу есть, но...

— В чём же дело?

— Дурная примета, ваше превосходительство, встречать Новый год с начальником. Говорят, после такого ужина неприятностей не оберёшься.

Все рассмеялись, зная Лукина как крайне суеверного человека. Колчак налил в его бокал красного вина. После ужина пили кофе, беседовали чуть ли не до утра, ожидая известий от ушедших вперёд авиатранспортов. Известия оказались не очень хорошими: близ берега разыгралась волна, и гидросамолёты не смогли оторваться от воды. Бомбардировку турецких берегов пришлось отложить¹⁶⁹. Так наступил 1917 год.

На посту командующего Колчак всё более убеждался в необходимости религиозного воспитания офицеров и матросов. Уходили в прошлое колебания в области религии, появившиеся у него после Порт-Артура. 5 октября 1916 года, в речи при открытии Морского корпуса в Севастополе он сказал, что «основные черты воинского созерцания находят себе полное подтверждение в основаниях христианской рели-

гии» и что «военный человек не может не быть человеком религиозным и верующим».

А 18 января 1917 года командующий собрал флагманов и духовенство Черноморского флота, чтобы обсудить вопрос о состоянии религиозности во флоте. Услышанное мало его утешило. В один голос судовые священники говорили, что уровень религиозности матросов крайне низок — много ниже, чем в армии. Это особенно бросалось в глаза тем священникам, которые перешли во флот из армейских частей. И дело было не только в том, что матросы набирались преимущественно из промышленных районов. Новобранцы теряли религиозность, а вместе с ней и многие другие положительные черты именно во флоте. Так что из их родных мест шли жалобы: «Мы посылаем во флот детей, а получаем чертей». Говорили священники и о своём приниженном положении на корабле, о том, что порой целыми днями приходится бегать, «подобно собачонке», за старшим офицером, выпрашивая разрешение на проведение богослужения.

Закрывая собрание, Колчак сказал, что необходимо усилить религиозное просвещение на кораблях и в этих целях предоставить священникам для чтения лекций не менее двух часов в неделю. Важное значение, отметил он, имеют также неформальные беседы священника с матросами. Все вопросы о богослужениях и лекциях, подчеркнул адмирал, обращаясь к флагманам, должны согласовываться священником лично с командиром корабля, ибо должности старших офицеров ныне, к сожалению, часто занимают люди молодые и неопытные. Надо помнить, сказал Колчак, что священник «является ближайшим помощником командира в деле воспитания всех чинов корабля»¹⁷⁰. Конечно, он понимал, что этих мер недостаточно. Но что он мог ещё сделать? Падение религиозности и ослабление дисциплины во флоте (да и в армии, и в обществе) замечались давно. Нельзя было в одночасье исправить то, что происходило годами и неуклонно подтачивало устои старого режима. Можно сказать — и старой России.

Когда пришла революция

В конце февраля 1917 года Колчак должен был встретиться в Батуме с великим князем Николаем Николаевичем для обсуждения вопроса о сооружении порта в Трапезунде. Заодно надо было согласовать график морских перевозок.

26 февраля Колчак вышел из Севастополя на миноносце «Пронзительный» и сразу же попал в довольно крепкий

шторм. «Ночью было крайне неудобно, — писал он Анне Васильевне, — непроглядная тьма, безобразные холмы воды со светящимися гребнями, полуподводное плавание, но к утру стихло. Мрачная серая погода, низкие облака, закрывшие вершины гор, и ровные длинные валы, оставшиеся от шторма, — вот обстановка похода к Трапезунду». На открытом рейде вставший на якорь миноносец бросало из стороны в сторону не хуже, чем в шторм. Колчак хотел было сняться и уйти, но потом всё же спустили вельбот, и командующий флотом со своими помощниками с трудом добрался до причала временного порта.

Главная база снабжения Кавказской армии производила удручающее впечатление: оборванные пленные, работающие в непролазной грязи, «сотни невероятного вида животных, называемых лошадьми», и всюду — хаос и грязь, грязь и хаос...

Командант города генерал А. В. Шварц, знакомый Колчака по Порт-Артуру, сумел выкроить время, чтобы съездить за город и показать развалины крепости и дворца Великих Комнинов, властителей Трапезундской империи, отколовшейся от Византии и павшей под напором турок через несколько лет после падения Константинополя.

Величественный вид развалин мало исправил то тревожное настроение, которое не оставляло Колчака с момента выхода из Севастополя. Скорее даже наоборот.

Дело в том, что вечером, перед отплытием, командующего угораздило заняться гаданием на картах. Занятие затянулось, потому что голос таинственных сил, управлявших разбросом карт, был невнятен и тревожен. «Дальняя дорога» Колчака никогда не пугала. «Напрасные хлопоты» — это было уже хуже. Но карты, раз за разом, показывали что-то ещё более худшее. А что — он не мог понять. Гадание пришлось прервать, когда подошло время пить утренний кофе.

Потом, уже в пути, он то и дело вспоминал эту ночь. «Напрасные хлопоты» — неужели это Босфорская операция? А что может быть хуже её неудачи? И вот теперь судьба словно бы ответила на этот вопрос, показав ему развалины древней империи. Нельзя было не содрогнуться при мысли о том, что Зимнему и Петропавловке суждено превратиться в живописные развалины, а Петрограду стать таким же грязным и вонючим городом, как нынешний Трапезунд. Колчак знал, что предсказания нельзя понимать буквально, но от острых предчувствий внутри всё холодело.

Вечером того же дня «Пронзительный» вошёл в Батумскую гавань. Было темно и пронизывающе холодно.

Холодным, дождливым утром 28 февраля Колчак отправился на станцию встречать великого князя. Затем были завтрак в поезде, совместный осмотр порта и сооружений, попутное обсуждение «тысячи и одного вопроса». Чтобы немного отдохнуть, великий князь предложил съездить за город, в имение генерала Н. Н. Баратова. «Место поразительно красивое, — писал Колчак, — роскошная, почти тропическая растительность и обстановка южной Японии, несмотря на отвратительную осеннюю погоду». Особенно понравились цветы, магнолии и камелии, «нежные, божественно прекрасные, способные поспорить с розами». «Они достойны, чтобы, смотря на них, думать о Вас», — написал он Анне Васильевне.

По возвращении, уже вечером, был обед у великого князя. Неизвестно, заметил ли он какую-то перемену в облике командующего флотом. Обычно по внешнему виду Колчака многое можно было угадать. Но Николай Николаевич говорил о взятии англичанами Багдада, об успехах экспедиционного корпуса Баратова, посланного навстречу англичанам. А в кармане у Колчака лежала только что полученная телеграмма из Генмора (она пришла в Севастополь, а оттуда её переслали в Батум). В ней сообщалось, что в Петрограде произошли крупные беспорядки, город в руках мятежников, гарнизон перешёл на их сторону¹⁷¹.

Сразу после обеда он показал телеграмму великому князю. Николай Николаевич недоумённо пожал плечами. Он не гадал на картах, не посещал накануне развалин, у него не было никаких предчувствий. Но новость была явно плохая, и он понимал, что Колчаку надо немедленно возвращаться в Севастополь, а ему ехать в свой штаб, тем более что все дела в общем-то были решены. Они попрощались. Перед отплытием Колчак отправил по телеграфу в Севастополь распоряжение прервать почтовое и телеграфное сообщение Крыма с остальной Россией, дабы не вносить панику и разброд непроверенными слухами. Разрешалось принимать телеграммы, адресованные только в Штаб флота¹⁷².

* * *

В феврале 1917 года в столице вновь подскочили цены и исчез хлеб. 21 февраля, за день до отъезда Николая II в Ставку, забастовал Путиловский завод. 23—24 февраля остановились и другие предприятия. Народ вышел на улицы. В субботу 25 февраля толпа разгромила несколько полицейских участков. Кое-где начиналась стрельба, люди шараха-

лись, прятались во дворы, но потом опять выходили на улицы. Появились красные флаги. У Казанского собора и на Знаменской площади шли непрерывные митинги. Люди кричали: «Хлеба! Хлеба!» Неизвестно откуда появившиеся народные радтели тоже кричали: «Долой войну! Долой самодержавие!» В течение нескольких дней в городе произошёл социальный взрыв, никем не планировавшийся и никем не управляемый.

Николай II, едва прибыв в Ставку, получил телеграмму от военного министра генерала М. А. Беляева и письмо от императрицы. В телеграмме говорилось, что в столице происходят беспорядки и что меры к их прекращению будут приняты¹⁷³. «Это — хулиганское движение, — писала Александра Фёдоровна, — мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам»¹⁷⁴. Ознакомившись с корреспонденцией, император повелел командующему войсками Петроградского военного округа генералу С. С. Хабалову немедленно прекратить беспорядки.

В воскресенье 26 февраля полиция и войска заняли все важнейшие пункты и перекрёстки. В ряде мест войска стреляли в народ. Улицы опустели, и порядок, казалось, был восстановлен. Но, как доносил в Ставку Хабалов, были случаи, когда некоторые из частей отказывались стрелять в толпу и переходили на её сторону¹⁷⁵.

В Петрограде квартировался 160-тысячный гарнизон. Это были запасные батальоны, в которых шло обучение новобранцев и лиц, призванных из запаса. Фронт постоянно требовал пополнений. Чтобы удовлетворить его запросы и избежать расширения штатов (офицеров не хватало), учебные роты комплектовались вне всяких пределов (до тысячи человек вместо положенных двухсот). Военные службы не справлялись с размещением, обмундированием и довольствием такой массы людей. В казармах воцарился беспорядок, офицеры и унтер-офицеры не могли за всем и всеми усмотреть, создалась обстановка, благоприятная для разных агитаторов¹⁷⁶.

Утром 27 февраля произошёл бунт в запасных батальонах гвардейских полков. Солдаты пошли в город, подожгли здание Окружного суда и выпустили из тюрьмы заключённых. С этого времени, можно считать, старая власть в Петрограде рухнула и её обрушение стало быстро распространяться по стране.

Дума и либеральная общественность первое время сторонились начавшегося движения. Но уже вечером 26 февраля

председатель Думы М. В. Родзянко в телеграмме царю, обрисовав положение, поставил вопрос о том, чтобы «поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство».

Сопоставив панические телеграммы Родзянко с успокоительными донесениями Беляева и Хабалова (первого — в особенности), Николай II решил кое-что всё-таки предпринять. Командующим Северным и Западным фронтами были даны приказания подготовить для отправки в столицу по одной бригаде пехоты с артиллерией и по одной бригаде конницы. Утром 27 февраля император вызвал к себе генерала Н. И. Иванова.

65-летний генерал был известен тем, что в 1906 году подавил восстание в Кронштадте. В начале войны его поставили во главе Юго-Западного фронта. Там он действовал не очень удачно, и его пришлось сменить. Николай пожалел старого генерала и назначил состоять при своей особе. Жил он в отдельном вагоне при Ставке, занят ничем не был, кроме присутствия при царской трапезе, во время которой обычно «многозначительно и мудро молчал»¹⁷⁷. Теперь Иванову было поручено отправиться в Царское Село, возглавить расквартированные там войска и подавить волнения в столице. Николай, видимо, надеялся, что Иванов «тряхнёт старинной». Да кроме того и не оказалось в тот момент под рукой ни одного свободного генерала помоложе. В свою очередь у Алексеева не оказалось в наличии ни одной свободной воинской части, кроме батальона георгиевских кавалеров, охранявшего Ставку. С ним и назначили ехать Иванову. Не исключено, впрочем, что сказала и свойственная начальнику Штаба скарденность.

Днём 27 февраля, когда император был на обычной прогулке, из Петрограда позвонил его брат. К аппарату подошёл Алексеев. У него в те дни была температура под сорок и он с трудом передвигался. Михаил Александрович, подтвердив, что в столице тяжёлое положение, просил доложить государю, что он не видит другого выхода, кроме отставки нынешнего правительства и создания нового кабинета во главе с председателем Союза земств и городов князем Г. Е. Львовым или председателем Думы Родзянко. Вернувшийся с прогулки Николай II сказал, что он благодарит за совет, а что надо делать — сам знает.

В этот же день пришла телеграмма от председателя Совета министров князя Н. Д. Голицына. Он умолял отправить в отставку весь его кабинет и поручить Львову или Родзянко составить новый, ответственный перед Думой. Алексеев

снова поплёлся к царю выполнять нелёгкую свою миссию. Вернувшись, он безнадёжно махнул рукой и сказал, что хочет прилечь, потому что чувствует себя совсем плохо.

Тем временем царь больше часа говорил с кем-то по особому телефону. Офицеры гадали: с Петроградом или с Царским Селом? Окончив разговор, Николай написал на листке бумаги какой-то текст и велел передать его Алексееву. Это была телеграмма Голицыну, в которой говорилось, что он не видит возможности в этих условиях производить какие-либо перемены, но требует от правительства принятия самых решительных мер для подавления бунта. Тогда сомнения рассеялись: раз к Голицыну идёт телеграмма, значит разговор был с Царским Селом — с императрицей.

Разбуженный Алексеев вновь пошёл к государю спросить, надо ли отсылать такую телеграмму. Государь сказал, что надо. В это же время командующему Северным фронтом генералу Н. В. Рузскому было отправлено приказание отправить на Петроград выделенные части, как только они будут готовы.

Часов в 9 вечера стало известно, что государь решил ехать в Царское Село. Это решение, как и все прочие, принимаемые царём в этот день, вызвало в Ставке живейшие возражения. Генерал-квартирмейстер А. С. Лукомский сказал, что ехать в Царское Село опасно — никто ведь не знает, как обстоят там дела. Раз уж государь не идёт ни на какие уступки, говорил он, то резонно было бы ехать в Особую армию, состоящую из гвардейских частей, на которые вполне можно положиться.

Алексеев, вновь разбуженный, в который раз пошёл к императору. Они долго говорили. Алексеев, наконец, вышел и сказал, что государь очень боится за семью¹⁷⁸. Видимо, он возлагал большие надежды на Иванова и хотел поближе наблюдать события. «Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия!» — записал он в дневнике¹⁷⁹.

Генерал Иванов с георгиевскими кавалерами отбыл на два часа раньше императорского поезда. Не встречая на пути препятствий, он в ночь на 1 марта прибыл в Царское Село. Там он не сразу сориентировался в обстановке и промедлил. Часть местного гарнизона в это время была ещё верна императору, а часть стала уже ненадёжна. Генерал долго ожидал к себе начальника гарнизона и коменданта города, затем выслушивал их сбивчивые доклады, а тем временем вполне обнаружилось, что он прибыл с одним батальоном и вслед за ним никакие войска не идут. Революционные час-

ти окружили прибывший эшелон, разоружили георгиевских кавалеров, а затем выводили их обратно¹⁸⁰.

Императорский поезд вышел из Могилёва в 5 часов утра 28 февраля. В Петрограде к этому моменту уже действовал Временный комитет Государственной думы. Утром, после отхода императорского поезда, в Ставке была получена телеграмма Родзянко о том, что Временный комитет, в целях пресечения хаоса и анархии в столице, принял правительственные функции на себя¹⁸¹. У всех создалось впечатление, что власть захватил думский комитет и страной отныне правит Родзянко.

Социалисты, однако, отказались «плестись в хвосте либеральной буржуазии». Группа меньшевиков, решив воссоздать Совет, разогнанный в 1905 году, стала записывать в него чуть ли не каждого из толкавшихся в Таврическом дворце рабочих и солдат¹⁸². На фабрики и заводы были разосланы приглашения выбрать депутатов. Но кто их мог избрать, когда рабочие и солдаты шатались на улицах? Тем не менее вечером 27 февраля в Таврическом дворце состоялось первое заседание Совета, составленного из довольно случайных лиц. Такое собрание могло, не задумываясь, поддержать любой радикальный лозунг и выкрикнуть свой, ещё радикальнее.

Яркое тому свидетельство — Приказ № 1, принятый 1 марта на соединённом заседании рабочей и солдатской секций и сыгравший роковую роль в развале армии и флота. Впоследствии от него открещивались едва ли не все его творцы. Н. С. Чхеидзе, председатель Исполкома Совета, говорил, что он не имел отношения к этому делу. Н. Д. Соколов, непосредственный автор текста, утверждал, что он только записывал то, что говорили окружившие его солдаты. Если это так, то странно, почему в приказе ничего не говорится о солдатском пайке, махорке и портянках и, наоборот, есть пункты, выдающие навыки абстрактного мышления. Некоторые же выражения, например, о «строжайшей дисциплине» в строю, явно не солдатского происхождения. Видимо, записывалось не всё, что диктовалось, и было много «отсебятины». А вот отмена обязательного вставания во фронт и отдания чести вне службы, а также титулования (ваше превосходительство, благородие и т. п.), запрещение грубого обращения к солдатам — это, конечно, солдатские требования. Видимо, ставилась задача оторвать солдат от офицеров (в том числе при помощи создания солдатских и флотских комитетов), преподчинить их Совету (по крайней мере в политических выступлениях) и одновременно — задобрить. Иначе кто же будет защищать революционный Петроград,

если Николай обрушит на него с фронта свой железный кулак? В результате возникла зависимость Совета от солдат гарнизона и зависимость от Совета созданного вскоре Временного правительства, своей собственной воинской силы в столице не имевшего.

Приказ тотчас же был растиражирован в тысячах экземпляров, передан по радио, попал в действующую армию и во флот. В воинских и флотских соединениях вскоре появилось такое же двоевластие, как в Петрограде, а солдаты и матросы, не вчитываясь в разные параграфы приказа, поняли только одно: «Теперь — свобода!»

Императорский поезд был остановлен в ночь на 1 марта недалеко от Петрограда, на станции Малая Вишера. Дальше железнодорожники не пустили, ссылаясь на то, что Любань и Тосно заняты восставшими. Поезд отправился обратно, дошёл до узловой станции Валдай и повернул на Псков, где находился штаб Северного фронта¹⁸³. Из Пскова, через Лугу и Гатчину, можно было проехать в Царское Село.

В 1916 году С. Н. Тимирёв по делам службы побывал в штабе Северного фронта и беседовал с его командующим, генералом Н. В. Рузским. Позднее он вспоминал о нём: «Худощавый, небольшого роста, хорошо тренированный и подтянутый, с пронизывающими холодными глазами и спокойными, уверенными манерами — он выразался ясно, определённо и безапелляционно. Чувствовалось, что спорить с ним и переубедить его трудно»¹⁸⁴.

1 марта, в восьмом часу вечера, императорский поезд подошёл к перрону станции Псков. В вагон вошли генералы Н. В. Рузский, Ю. Н. Данилов (начальник штаба) и С. С. Саввич (начальник снабжения фронта). Государь гостеприимно пригласил их отобедать. Разговор, начавшийся за обедом, сильно затянулся. Императора прежде всего интересовало, сможет ли он добраться до Царского. Увы, Луга и Гатчина тоже оказались непроходимы. В Вырице, недалеко от Гатчины, в ожидании подмоги с фронтов, обосновался генерал Иванов со своими разоружёнными георгиевскими кавалерами. А Рузский не хотел снимать со своего фронта, непосредственно противостоящего германской армии, достаточно крупные части, не выяснив обстановку в столице. Он осторожно заводил разговор о создании министерства, ответственного перед Думой. В конце концов Николай II, не чувствуя ни в ком опоры, согласился и на это, и на то, что министерство возглавит Родзянко. После этого, довольно уже поздно, гости откланялись, а государь отправился спать, повторяя про себя: «Стыд и позор!»¹⁸⁵

Русский в эту ночь, наверно, совсем не спал. После разговора с царём он соединился по прямому проводу с Родзянко. Беседа получилась тоже длинной. Генерал довёл до сведения председателя Думы, что государь уполномочил его сообщить о своём решении создать ответственное министерство и поручить Родзянко его сформировать. Родзянко отвечал, что события зашли уже слишком далеко, происходит самая страшная революция. На сцену вышли социалисты, создавшие «рабочий комитет». То, что предлагается, уже недостаточно — «династический вопрос поставлен ребром». Русский осторожно спросил, как же можно решить этот вопрос. Родзянко с неудовольствием отвечал, что генерал своими вопросами вконец истерзал ему «и так истерзанное сердце», долго жаловался, что царь не слушал его предостережений, высказал слова осуждения в адрес императрицы и, наконец, сообщил, что в стране распространяются «грозные требования отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича». Потом добавил, что ныне же ночью он вынужден будет назначить Временное правительство, а «кровапролития и ненужных жертв» он не допустит¹⁸⁶. (И того и другого к этому времени было уже немало.)

Наутро, 2 марта, Русский пришёл в вагон к Николаю II и прочитал ему запись разговора с Родзянко. Из дневника императора неясно, с его ли санкции или самолично Русский переслал её по телеграфу в Ставку¹⁸⁷.

После отъезда государя из Ставки там было получено более десятка телеграмм от разных лиц и из разных мест о революции в Петрограде и расползании хаоса по стране. Так что Ставка имела достаточно полное представление о том, что происходит. Было ясно, что вследствие успокоительных телеграмм военного министра Беляева (отчасти и Хабалова) петроградским событиям с самого начала не уделили должного внимания. В этом сыграло свою роль и болезненное состояние Алексеева в критический день 27 февраля. Он едва держался на ногах и делал всё через силу. Сознание, надо думать, было затуманено. Иначе он, наверно, не отослал бы Иванова с одним батальоном.

Теперь же, когда движение приняло такие масштабы, борьба с ним стала крайне затруднена. Немного оправившийся от болезни Алексеев это ясно понимал. Чтобы собрать ударный кулак из надёжных войск, требовалось 10—12 дней. За это время революция расползлась бы по стране ещё дальше и, возможно, захватила бы фронт. Значит вставал вопрос о сепаратном мире. А это было бы равносильно поражению, если не хуже того. Николай II, даже если бы и

удержался у власти, посадил бы на себя такое пятно, какое ввек не смог бы отмыть. Такое же пятно посадили бы на себя и поддержавшие его генералы¹⁸⁸.

Взвесив всё это, Алексеев и его ближайшие сподвижники решили, что лучше всего отправить Николая II в отставку, успокоить страну и продолжать войну, конец которой им уже виделся. О возникновении Совета (или «комитета») они слышали, но не придали этому факту большого значения, а Приказ № 1 им ещё не был известен.

Рузский, переслав свой разговор с Родзянко, запросил мнение Алексеева, а также других командующих фронтами, чтобы доложить об этом царю. Сам он высказался в пользу варианта, предложенного Родзянко.

В Ставке срочно была составлена телеграмма, отправленная командующим за подписью Алексеева. Описывая в общих чертах положение в стране и отчасти пересказывая слова Родзянко, начальник штаба Ставки настоятельно советовал дать ответ в определённом смысле: «Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы ценой дорогих уступок».

Через некоторое время в Ставку пришла телеграмма от командующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта. Он интересовался мнением Рузского и Брусилова (командующего Юго-Западным фронтом). Потом пришли телеграммы от великого князя Николая Николаевича и Брусилова. Первая из них была обращена непосредственно к Николаю II: «Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклонённо молить Ваше императорское величество спасти Россию и Вашего наследника... Осенив себя крестным знамением, передайте ему — Ваше наследие».

Брусилов в довольно кратком ответе просил доложить императору, что в нынешнем положении единственный выход — отречение от престола в пользу наследника при регентстве Михаила Александровича. Узнав мнение Брусилова и Рузского, Эверт ответил в том же смысле. Дольше всех тянул с ответом командующий Румынским фронтом генерал В. В. Сахаров, пожелавший предварительно узнать мнение всех других командующих. Его любопытство было удовлетворено, но Алексеев просил его телеграфировать уже прямо во Псков, потому что он больше ждать не может.

Телеграмма Сахарова оказалась до краёв наполненной ругательствами по адресу Родзянко и «разбойной кучки лю-

дей, именуемой Государственной думой». Однако генерал, «рыдая», всё же советовал царю «пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших, ещё гнуснейших притязаний».

Собрав телеграммы, Алексеев переслал их Николаю II с очень кратким и подчёркнуто нейтральным сопроводительным текстом: «Всепопданнейше представляю Вашему императорскому величеству полученные мною на имя Вашего императорского величества телеграммы»¹⁸⁹.

В биографической повести-хронике К. А. Богданова «Адмирал Колчак» говорится, что запрос из Ставки относительно отречения государя получил и командующий Черноморским флотом, но, поразмыслив, не стал на него отвечать¹⁹⁰. То, что такой запрос был послан, предполагают и другие исследователи и комментаторы, например А. В. Смолен. Ответная телеграмма Колчака почему-то отсутствует, пишет он¹⁹¹.

В действительности приведённое утверждение К. А. Богданова — это авторский вымысел. Ни Колчака, ни Непенина Алексеев не запрашивал. Балтийский флот находился в подчинении командования Северного фронта, и за Непенина высказался Рузский. Черноморский же флот был непосредственно подчинён Ставке, и Колчака следовало бы запросить. Но Алексеев не сделал этого. Сказалось прочно укоренившееся среди дореволюционного генералитета пренебрежительное отношение к флоту. Впоследствии Колчак рассказывал, что он «совершенно неожиданно» получил из Ставки копии упомянутых выше телеграмм командующих фронтами Николаю II¹⁹². Это Алексеев сообщил ему для сведения.

Ознакомившись с телеграммами, Николай II согласился на отречение и подписал присланный из Ставки проект манифеста. Но тут же стало известно, что во Псков едут А. И. Гучков и В. В. Шульгин, посланцы Временного комитета Государственной думы и Временного правительства, только что образовавшегося. Император попросил задержать отправку подписанного манифеста до встречи с ними.

Посланцы приехали поздно вечером. Встреча состоялась там же, в салон-вагоне. То, что рассказал Гучков, император почти всё уже знал. Знал он и то, чего от него хотели, — отречься в пользу сына. Николай II ответил, что он думал об этом весь день и понял, что расстаться с сыном не сможет. А потому отрекается в пользу своего брата. После недолгих переговоров были составлены три документа, которые царь подписал, перестав после этого быть царём. Это

были указы о назначении Николая Николаевича верховным главнокомандующим, князя Г. Е. Львова (главу Временного правительства) — председателем Совета министров и Манифест об отречении от престола в пользу Михаила Александровича.

Посланцы, довольные успехом, отправились в Петроград. Николай II поехал попрощаться со Ставкой, записав в дневнике классическую по выразительности фразу: «Кругом измена и трусость, и обман!»¹⁹³

На следующий день, 3 марта, отрёкся от престола и Михаил Александрович, заявив, что он может воспринять власть только из рук Учредительного собрания. Говорят, что из всей депутации, явившейся к нему, только П. Н. Милюков и А. И. Гучков настаивали на том, чтобы он немедленно принял корону. Но Гучков говорил как-то вяло и нерешительно. А Милюков, волнуясь и перебивая других, доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть, опирающаяся на привычные для народа символы. Без них Временное правительство не дотянет до Учредительного собрания, оно потонет в океане народных волнений.

* * *

Революционный Петроград несколько дней был охвачен радостным ликованием. По улицам шли бесконечные демонстрации с красными знамёнами. На шляпах, фуражках, в петлицах — всюду были красные банты, ленты, значки, цветы. Даже дети и собаки (разумеется, те, которые на поводке) носили подобные украшения. Монархисты куда-то разбежались или перекрасились в красный цвет. Теперь все были за революцию и свободу. «Нива», старомодный, десятилетиями не менявшийся журнал для отставных чиновников и вдов, — и та печатала восторженные стихи:

Русская революция — юношеская, целомудренная, благая —
Не повторяет, только брата видит в французе.
И проходит по тротуарам, простая,
Словно ангел в рабочей блузе¹⁹⁴.

Но не всё было так хорошо. Анна Васильевна, как-то не в унисон со всеми в эти дни сильно поправевшая, писала Колчаку: «За первым взрывом революции, который я понимаю и принимаю, поднимается такая муть, такая бездна прошлого, сведения личных счетов с гарантией безнаказанности, хулиганства, что становится гадко на душе»¹⁹⁵.

Анна Васильевна, жена морского офицера, знала многое из того, о чём не говорили политики и умалчивали газеты.

С 1 по 4 марта происходили самые страшные события в Балтийском флоте. Началось с Кронштадта. Толпа матросов окружила дом главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Р. Н. Вирена. Старый адмирал командовал: «Смирно!» В ответ раздались хохот и свист. С него сорвали погоны, потащили на Якорную площадь и там убили. Бронзовый Макаров видел всё это со своего пьедестала и не мог ничем помочь своему боевому соратнику. Истерзанное тело, в нижнем белье, бросили в овраг за памятником. Там оно лежало несколько дней, потому что революционные матросы не позволяли его убрать. Всего же в Кронштадте 1—2 марта было убито 36 офицеров¹⁹⁶.

3 марта начались убийства в Гельсингфорсе, причём, как говорили, это делала какая-то специальная команда, переходившая с корабля на корабль и убивавшая по заранее заготовленному списку. Офицеры были разоружены, и корабли находились во власти матросов.

Как обычно, нашёлся «невостребованный» честолюбец, который решил воспользоваться ситуацией. Таковым оказался вице-адмирал А. С. Максимов. Когда-то он вместе с Колчаком и Непениным защищал Порт-Артур, лихо командовал миноносцем. Но Колчак и Непенин, значительно моложе его, выросли до командующих флотами, а он всего лишь исполнял должность начальника Минной обороны Балтийского моря. Максимов неожиданно возлюбил матросов, и матросы возлюбили его. На митинге 4 марта он пообещал служить революции «верой и правдой». Его избрали командующим. Непенин категорически отверг его притязания, заявив, что сменить его может только Временное правительство. Его потребовали на митинг. По дороге туда он был убит. Перешагнув через труп боевого товарища, Максимов стал командующим Балтийским флотом¹⁹⁷.

Убийц никто не искал. Много лет спустя один из них, П. А. Грудачёв, назвал себя сам. В то время он был молодым матросом береговой минной роты, присутствовал на том митинге, слушал ораторов, ругавших Непенина. Его подозревали трое пожилых малознакомых матросов. Расспросили об отношении к революции и, услышав ожидаемый ответ, сказали, что революция даёт ему первое серьёзное задание. Адмирал Непенин приговорён к расстрелу, приговор должен быть приведён в исполнение сегодня же. Немного раздумывая, Грудачёв согласился. Подошли к причалу, где стоял штабной корабль «Кречет», подождали, когда адмирал сойдёт на

причал. «Я вглядывался в адмирала, когда он медленно спускался по трапу, — вспоминал Грудачёв. — Невысокого роста, широкий в плечах, с рыжей бородкой, вислыми усами и бровями, он был похож на моржа... Спустя несколько минут приговор революции был приведён в исполнение. Ни у кого из нас четверых не дрогнула рука, ничей револьвер не дал осечки»¹⁹⁸. Те трое, которые сагитировали Грудачёва, были, по-видимому, как раз из той расстрельной команды, которая ходила по кораблям. Всего за эти дни на Балтийском флоте было убито 80 офицеров¹⁹⁹.

* * *

В 1920 году во время допроса в Иркутске у членов комиссии возник вопрос о политических взглядах Колчака. Ответы пленного верховного правителя как-то не воспринимались, и наконец председатель спросил в довольно резкой форме: «Вы уклоняетесь от прямого ответа: были ли Вы монархистом или нет?» — «Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь», — ответил Колчак и ещё раз растолковал, что он был прежде всего военным человеком, занимался своим делом, а не политикой, монархию воспринимал как существующую данность, недостатки на флоте объяснял плохой работой самих моряков, а не сваливал на царя, считая, что состояние вооружённых сил зависит прежде всего от самих военных, а не от существующего строя²⁰⁰. Таких взглядов придерживалось большинство офицерства, морского и сухопутного. Военные не любили, когда их вмешивали во внутренние дела, тем более во время войны.

Революция для офицерства была, конечно, нежеланной гостьей, поскольку вносила осложнения в то дело, которое они делали. Но и внутренние дрязги тоже изрядно надоели. Хотелось, чтобы это поскорее кончилось и можно было бы в спокойной обстановке довершить эту тяжёлую войну. Поэтому довольно слабое отстаивание старого режима нельзя ставить офицерам в вину. В конце концов Николай был сам виноват, что настроил всех против себя. Если бы Колчак получил запрос от Алексеева, он наверняка ответил бы в том же смысле, что и другие командующие. Ибо главное — сохранить боеспособность вооружённых сил, не дать противнику воспользоваться внутренним замешательством в России. Из этого исходил Колчак в первые дни Февральской революции и далее, вплоть до вынужденной отставки.

Вернувшись из Батума в Севастополь, Колчак получил телеграмму Родзянко от 27/28 февраля, адресованную в

Ставку, а также командующим фронтами и флотами. В ней говорилось о том, что «ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров» власть перешла к Временному комитету Государственной думы, который «приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питает полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прервано или ослаблено». Пришла также телеграмма от Григоровича. Он сообщал, что Комитет Государственной думы постепенно восстанавливает порядок. «Надо думать, что принятыми мерами страна избежит сильных потрясений внутри», — писал министр накануне своей отставки²⁰¹.

Обстановка оставалась неясной. Но поскольку неприятель, используя мощную радиостанцию в Константинополе, распространял небылицы и пытался сеять панику, Колчак 2 марта издал приказ по флоту. В нём сообщалось, что в столице произошли вооружённые столкновения, которые были прекращены усилиями Временного комитета Государственной думы и петроградского гарнизона. Командующий призывал всех офицеров, матросов и солдат Черноморского флота «продолжать твёрдо и непоколебимо выполнять свой долг перед государем императором и Родиной». В тот же день Колчак отправил в море на учебные стрельбы линейные корабли «Евстафий» и «Иоанн Златоуст», считая, видимо, их не совсем надёжными. Почтовое и телеграфное сообщение с Россией было восстановлено²⁰².

В отсутствие «Евстафия» и «Златоуста» волнения произошли только на «Екатерине Великой». Отдавая дань распостранившейся в годы войны шпиономании, матросы потребовали удаления всех офицеров с немецкими фамилиями. Мичман Фок, попытавшийся вечером 3 марта за чем-то пройти в погреба под башней, был остановлен и допрошен матросами, которые заподозрили его в подготовке взрыва. Впечатлительный юноша в ту же ночь застрелился, а наутро матросы потребовали к себе на борт командующего.

Возмущённый поведением матросов, Колчак говорил с выстроившейся на палубе командой резко и нелицеприятно. Он спрашивал матросов: разве можно судить о человеке по его фамилии? В России живёт много немцев, которые верой и правдой ей служат. У адмирала Эссена тоже была немецкая фамилия. И вообще «у нас в России фамилия решительно ничего не значит». Если есть какие-то конкретные факты, о них надо докладывать командиру корабля и командующему флотом, а «выгонять людей только за то, что они носят не-

мецкую фамилию, нет решительно никаких оснований». С этими словами адмирал покинул корабль²⁰³.

4 марта пришли наконец задержавшиеся известия о событиях 2—3 марта. Были получены манифесты Николая II и великого князя Михаила Александровича. В тот же день Колчак собрал на штабном корабле «Георгий Победоносец» команды всех боевых судов, стоявших на рейде. Огласив манифесты, он сказал, что «династия, видимо, кончила своё существование и наступает новая эпоха». Каковы бы ни были наши взгляды и убеждения, продолжал адмирал, мы имеем обязательства не только перед правительством, но и перед страной, а потому обязаны продолжать войну, которую она ведёт. В ближайшие дни, сказал он в заключение, флот вместе с командующим принесёт присягу новой власти²⁰⁴.

На улицах Севастополя в этот день царило праздничное веселье — совсем как в Петрограде в первых числах марта. То там, то здесь возникали стихийные митинги. «Старая преступная власть свергнута на веки веков!.. — шумели ораторы. — Россией будет управлять сам народ!..» В числе слушателей было много матросов. Среди них распространился слух, что во дворе Черноморского флотского полуэкипажа собирается свой, матросский митинг. Туда и начали стекаться матросы с разных кораблей. Дежурный офицер не хотел было пускать чужаков, но его быстро отстранили.

Ораторы, в основном из молодых офицеров, решивших сделать карьеру на революции, выкрикивали примерно то же, что и на улицах: «Революционный народ должен создать такой политический строй, который лучше и полнее будет отвечать его интересам, его силе, его великому порыву!»

Вдруг раздался голос: «Колчака потребовать! Пусть он явится сюда и сообщит о перевороте!»

«Колчака! Колчака!» — завопила толпа в упоении от того, что может теперь по своему желанию вызвать командующего.

Через некоторое время командир полуэкипажа сообщил, что Колчак уполномочил его сообщить о текущих событиях. Но толпа не унималась: «Колчака! Лично требуем!»

Через полчаса на автомобиле подъехал Колчак. Не понимая, зачем от него требуют ещё раз сказать то же самое, что он в этот день уже говорил, он предложил было собравшимся разойтись. Но послышались голоса: «Мы не разойдёмся и вас не пустим. Товарищи, ворота на запор!»

Пришлось говорить. В передаче матроса-большевика А. П. Платонова его речь сводилась к следующему: «Война ещё не кончена, мы должны сохранить боевую способность. Матросы и солдаты, сохраняя порядок, должны будут вы-

полнять приказания офицеров. Враг ещё крепок и силён. Нам нужно довести войну до победного конца». Рассказав ещё кое-что о петроградских событиях, Колчак хотел было закончить и ехать на заседание городской думы, куда его тоже пригласили. Но от него потребовали немедленно послать приветственную телеграмму новому правительству от имени армии и флота. Колчак с готовностью обещал. После этого его наконец отпустили.

Однако митинг на этом не закончился. В Севастополе уже знали и о создании Совета в Петрограде, и о Приказе № 1. А потому из присутствовавших на митинге матросов, солдат и ополченцев был избран Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК)²⁰⁵.

Первое время Колчак не признавал этот комитет. Он говорил, что Приказ № 1 имеет силу только для Петроградского гарнизона (формально так оно и было). Но вскоре пришёл приказ военного и морского министра А. И. Гучкова, ряд пунктов которого совпадал с Приказом № 1, а другие пункты его дополняли²⁰⁶. Приходилось менять тактику.

Как-то однажды, в первых числах марта, во время обеда в адмиральской кают-компании впервые был нарушен запрет вести разговоры на политические темы. Сначала один офицер, а потом другой заговорили о том, что получаемые из столицы официальные указания неясны и противоречивы, а потому надо самим, сообщая, в согласии с мнением командующего, наметить линию своего поведения. Как вспоминал лейтенант Р. Р. Левговд, мнения разделились, офицеры заспорили, и дело едва не дошло до ссоры. Колчак немного поколебался, но потом поддержал мнение большинства присутствующих и велел пригласить вечером 7 марта в Морское собрание всех свободных от службы офицеров армии и флота «для выслушания заявления командующего флотом».

В этот день, 7 марта, по Севастополю разнеслась весть, что в город приезжают комиссары Временного правительства и члены Государственной думы. Многотысячная манифестация, в основном из матросов и солдат, с оркестром и красными флагами направилась к вокзалу.

Как раз в это время в Морском собрании перед офицерами выступал Колчак. По словам Левговда, он говорил, что Россия вступает в новый период своей истории, когда народу приходится самому думать о своём будущем. Но русский народ, воспитанный в системе строгой государственной опеки, не подготовлен к самоуправлению, а потому может впасть в крайность, что угрожает стране неисчислимыми бедствиями. В таких условиях, подчёркивал Колчак, офице-

ры должны сохранять дисциплину, беспрекословно повиноваться Временному правительству и законным властям и не допускать самочинных действий, которые могут повлечь за собой потерю боеспособности флота.

Заявление было сделано, и собравшиеся могли расходиться. Но несколько человек захотели выступить. Поднялся шум, и Колчаку пришлось взять в руки председательский колокольчик, чтобы ввести дебаты в парламентское русло.

Выступавшие говорили, что сохраняющийся в Севастополе относительный порядок держится только на личном авторитете и обаянии командующего флотом. Между тем пропасть, отделяющая рядовой состав от офицеров, становится всё шире и глубже. Это может кончиться катастрофой, если не создать какой-то выборный орган смешанного состава. В конце концов было решено избрать представителей от каждой части и корабля и послать в ЦВИК. Колчак согласился. На этом же собрании были произведены выборы. В числе избранных оказались подполковник Верховский и лейтенант Левговд, о чём последний почему-то скромно умалчивает в своих воспоминаниях.

Выборы закончились, и как раз в это время с улицы слышались шум и звуки музыки. Вышедшие на балкон офицеры увидели, что Морское собрание со всех сторон окружила многотысячная толпа. На Нахимовской площади, прилегающей к Собранию, волновалось целое море матросских бескозырок. Над головами колыхались красные флаги, а любопытные мальчишки забрались на памятник Нахимову, на деревья и заборы. Хотя толпа вела себя мирно, Левговд вспоминал, что зрелище было жутковатое.

Оказалось, что это та самая манифестация, которая ходила на вокзал встречать посланцев из столицы. Поезд сильно запаздывал, люди жаждали. Распространился слух, что офицеры о чём-то договариваются, и толпа направилась к Морскому собранию. Только что избранным делегатам в ЦВИК пришлось выйти на балкон, объяснить смысл принятых решений, говорить, что отныне офицеры и матросы — «одна семья». Слышались крики «ура», вновь заиграл оркестр, и толпа, влекомая не то какими-то своими инстинктами, не то невидимыми руководителями, сняла осаду и направилась дальше по улице.

В конце концов все пришли опять на вокзал. В его здании, в ожидании столичного поезда, состоялось первое заседание объединённого ЦВИК.

Поезд прибыл в 2 часа ночи. Правительственная делегация, как оказалось, состояла из одного человека, коим яв-

лялся член Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета, меньшевик И. Н. Туляков, в прошлом — токарь из Ростова-на-Дону.

Наутро в гостиницу, где он остановился, явились делегации от рабочих, матросов и солдат, от городской думы, а также командующий флотом. Снова вышли на балкон, снова были речи перед собравшимся народом. Произнесение пустопорожних речей с перемалыванием одних и тех же слов и оборотов было для Колчака делом новым и непривычным, не очень ему нравилось, но делать было нечего — такие настали времена.

Столичный гость в сопровождении штабных офицеров побывал на кораблях. Там он тоже произносил речи, которые, надо сказать, шли в общем-то на пользу, поскольку посланец Временного правительства и Совета призывал к спокойствию и дисциплине, к противодействию внешнему врагу, чтобы он не погубил в России дело свободы²⁰⁷.

10 марта, желая покончить с непрерывной чередой митингов и демонстраций, Колчак вывел флот в море. Он считал, что боевая деятельность — лучшее средство против всяких поползновений к «углублению революции». Это признавал и большевик А. П. Платонов, служивший тогда на «Екатерине Великой». «Частые походы, — писал он, — отрывали массы от политики... служили препятствием развитию революции»²⁰⁸.

Выход в море позволил Колчаку перевести дух. «При возникновении событий, известных Вам в деталях, несомненно, лучше, чем мне, — писал он Анне Васильевне, — я поставил первой задачей сохранить в целостности вооружённую силу, крепость и порт... Для этого надо было прежде всего удержать командование, возможность управлять людьми и дисциплину. Как хорошо я это выполнил — судить не мне, но до сего дня Черноморский флот был управляем мною решительно, как всегда; занятия, подготовка и оперативные работы ничем не были нарушены... Мне говорили, что офицеры, команды, рабочие и население города доверяют мне безусловно, и это доверие определило полное сохранение власти моей, как командующего, спокойствие и отсутствие каких-либо эксцессов. Не берусь судить, насколько это справедливо, хотя отдельные факты говорят, что флот и рабочие мне верят... Мне удалось прежде всего объединить около себя всех сильных и решительных людей, а дальше уже было легче. Правда, были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву пороховом погребе, и я не поручусь, что таковые положения не возникнут в будущем, но самые опасные мо-

менты, по-видимому, прошли... 10 дней я почти не спал, и теперь, в открытом море в тёмную мгlistую ночь я чувствую себя смертельно уставшим...» Далее он добавлял: «За эти 10 дней я много передумал и перестрадал, и никогда я не чувствовал себя таким одиноким, предоставленным самому себе, как в те часы, когда я сознавал, что за мной нет нужной реальной силы, кроме совершенно условного личного влияния на отдельных людей и массы; а последние, охваченные революционным экстазом, находились в состоянии какой-то истерии с инстинктивным стремлением к разрушению, заложенным в основание духовной сущности каждого человека»²⁰⁹.

Эскадра подошла к Босфору и блокировала его, показав противнику, что противостоящий ему флот находится, как и прежде, в боевом состоянии. Правда, мгlistая погода не благоприятствовала действиям воздушной разведки. Колчак очень сожалел о гибели одного самолёта с двумя лётчиками. В свою очередь, эскадра была атакована неприятельскими подлодками и самолётами. Приходилось маневрировать и отстреливаться. «Подлодки и аэропланы портят всю поэзию войны, — шутиливо жаловался он в том же письме, — я читал сегодня историю англо-голландских войн — какое очарование была тогда война на море. Неприятельские флоты держались сутками в виду один другого, прежде чем вступали в бой, продолжавшиеся 2—3 суток с перерывами для отдыха и исправления повреждений. Хорошо было тогда. А теперь: стрелять приходится во что-то невидимое, такая же невидимая подлодка при первой оплошности взорвёт корабль, сама зачастую не видя и не зная результатов, летает какая-то гадость, в которую почти невозможно попасть. Ничего для души нет... ..Современная морская война сводится к какому-то сплошному беспокойству и безымянной предусмотрительности, так как противники ловят друг друга на внезапности, неожиданности и т. п.»²¹⁰.

Вскоре, 22—23 марта, Черноморский флот повторил поход к Босфору. Отряд гидрокрейсеров прикрывался броненосцами «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Три Святителя». Было сделано много снимков Верхнего Босфора, оказавшихся удачными. Кроме того, самолёты сбросили на турецкие батареи 7 пудов бомб²¹¹.

Колчак не участвовал в этом походе. По-видимому, он не смог вырваться из того «политического сумбура и бедлама», который продолжался на берегу. В марте-апреле Колчаку пришлось расстаться с ближайшим своим сотрудником, товарищем по выпуску из Морского корпуса, начальником

Штаба флота контр-адмиралом С. С. Погуляевым. В своё время он был зачислен в императорскую Свиту. 14 марта Временное правительство отменило все придворные и свитские звания²¹². Но Погуляев продолжал носить на погонах императорские вензеля. Каким-то образом это стало известно Гучкову, и он потребовал, чтобы Погуляев оставил свой пост. «Оставление на ответственных должностях офицеров Свиты невозможно и может иметь нежелательные последствия», — телеграфировал он Колчаку. Адмирал попытался возражать, но Гучков настаивал, и Погуляеву пришлось уйти в отставку. Начальником Штаба флота стал капитан 1-го ранга М. И. Смирнов²¹³.

Много времени у командующего отнимала работа с новыми флотскими организациями. Первым председателем Севастопольского ЦВИК был Р. Р. Левговд, колчаковский флаг-офицер. В это время ЦВИК находился в фактическом подчинении у командующего. Он утверждал все постановления ЦВИК, а если у него были возражения, то вносились исправления. Колчак и сам иногда приходил на заседания ЦВИК.

Однако встал вопрос о судовых комитетах, первый из коих самочинно возник на крейсере «Память Меркурия». А. И. Верховский, начальник штаба Морской дивизии, по совместительству ставший членом ЦВИК, предложил ввести это дело в законное русло, точно определить права и обязанности комитетов и направить их деятельность к общенациональной цели — достижению победы. С согласия Колчака он составил «Положение об организации чинов флота, Севастопольского гарнизона и работающих на государственную оборону рабочих». Основные цели комитетов были определены в трёх пунктах: 1) усиление боевой мощи армии и флота, «дабы довести войну до победного конца», 2) поддержка Временного правительства и 3) просветительная деятельность среди матросов, солдат и рабочих. Постановления комитетов подлежали утверждению командирами частей.

19 марта Колчак утвердил этот проект. Верховский срочно выехал в Петроград, чтобы ознакомить с ним военного министра, членов Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета. Из Петрограда его направили в Ставку, где 28—29 марта он докладывал свой проект. Несмотря на возражения начальника Штаба Ставки генерала А. И. Деникина, главнокомандующий М. В. Алексеев в основном одобрил проект, и он был введён повсеместно. Возвращение автора проекта в Севастополь было кратковременным — вскоре его произвели в полковники и назначили на должность ко-

манующего Московским военным округом. Верховский спешил делать карьеру на волне революционных событий²¹⁴.

С большим сомнением воспринимал Колчак все эти новшества, нигде в мире не виданные и не слыханные, ни в прошлом, ни в настоящем, разве что в глубокой древности, в условиях военной демократии, в полчищах какого-нибудь Аттилы. На деле судовые комитеты оказались не столь покладисты, как ЦВИК. Вскоре после повсеместного их создания команда миноносца «Гневный» потребовала сместить своего командира. На миноносец прибыла делегация Севастопольского совета, долго разбиралась, и в конце концов судовой комитет согласился принять прежнего командира. В течение марта на боевых кораблях произошло до 20 подобных конфликтов. ЦВИК попробовал разработать систему дисциплинарных взысканий, самая строгая из коих предполагала арест на 7 суток. Однако судовые комитеты никогда этого не делали²¹⁵. Офицеры же фактически были лишены такой возможности.

Тем не менее и Колчак, и ближайший его сподвижник Смирнов утверждали, что учреждение судовых комитетов, равно как и ЦВИК, в тех условиях было делом полезным. «Первое время отношения были самые нормальные, — рассказывал Колчак. — Я считал, что в переживаемый момент необходимы такие учреждения, через которые я мог бы сноситься с командами. Больше того, я скажу даже, что вначале эти учреждения вносили известное спокойствие и порядок»²¹⁶.

В беседе с корреспондентом московской газеты «Русские ведомости» Колчак отметил «чрезвычайно удачный состав» ЦВИК, назвав по именам некоторых его деятелей. На вопрос о роли военных организаций в настоящем и будущем адмирал ответил: «Созданные революцией, возникшие в период крушения старых форм жизни, эти организации теперь имеют громадное значение. Они устанавливают новую форму дисциплины, внедряя в массы сознание долга и порядка. Они имеют своё дело. Что будет потом, когда установится нормальный порядок военной жизни, заранее предугадать нельзя. Сама жизнь в творящем своём развитии определит, что в этих переходных организациях жизнеспособно и что — нет. Однако же и теперь можно сказать, что некоторые формы этих организаций безусловно останутся и впоследствии. Таково, например, заведование самой командой, продовольствием, обмундированием матросов, что давно принято в английском и американском флотах»²¹⁷.

Из этого и некоторых других высказываний видно, что

Колчак принял революцию и не собирался враждовать ни с вновь возникшими организациями, ни с Временным правительством. И если в дальнейшем их отношения испортились, то, как увидим, виноват в этом был не только и не столько командующий Черноморским флотом.

Главной дезорганизующей силой во флоте были не судовые комитеты, не ЦВИК и не какая-нибудь «злокозненная» партия. Таковой силой стали митинги, громадные общефлотские митинги, происходившие сначала во дворе полуживотного экипажа, а затем чаще за городом, в Ушаковой балке. По-видимому, образовалось ядро митингующих, старавшихся не пропустить ни одно из этих сборищ, начавших активно на них выступать, быстро овладевших приемами примитивной демагогии, познавших вкус власти над разгоряченной толпой. Так зарождалась атаманщина, которая впоследствии захлестнула флот.

Это означало, что в условиях охватившего страну небывалого кризиса общество начинало скатываться к первичным, догосударственным формам своей организации. Это было страшнее всего, в том числе и установившейся позднее власти большевиков.

Анна Васильевна, уже к середине марта на многое насмотревшаяся, писала в одном из писем: «Что бы ни говорили, диктатура черни — глубоко отвратительное явление. Толпа, очень добродушная в первые дни переворота, с каждым днём приобретает всё более зверский вид — тяжело смотреть на эти лица»²¹⁸.

На севастопольских митингах начались ожесточённые нападки на офицеров. Под одобрительный рёв толпы ораторы кричали, что надо отобрать у них кают-компании, заставить драить палубу, отбывать вахты в кочегарке²¹⁹.

Колчака пока не трогали. Авторитет командующего флотом среди матросов был очень высок. «Наш Колчак», — говорили они. «Его уважали, ему верили и на него надеялись», — вспоминал очевидец. Командующий по-прежнему всюду ходил без охраны, сопровождаемый начальником штаба или флаг-офицером.

Тем не менее дисциплина заметно упала. На улицах солдаты и матросы давно уже не отдавали честь офицерам и не боялись предстать перед ними распоясанными и нетрезвыми. На кораблях матросы стали собираться не на баке, как прежде, а на шканцах — месте для торжественных построений и молебнов. Теперь здесь валялись окурки и шелуха от семечек, появились уличные торговки со своим товаром. Здесь же собирались митинги, на которые приходили матро-

сы с других кораблей, а иногда и неведомо откуда взявшиеся агитаторы²²⁰.

Предметом особой ненависти «сознательных» матросов и солдат почему-то стали офицерские погоны. Пытаясь унять страсти, Гучков распорядился о снятии погон. Услышав об этом, матросы стали останавливать на улицах офицеров и срывать с них погоны. ЦВИК поспешил издать приказ, продублировав в нём распоряжение Гучкова. Однако офицеры Авиационной школы направили министру протест. От него пришло разъяснение, что он отменил погоны только у офицеров флота; что же касается армейских офицеров, то у них погоны служат, кроме прочего, признаками отдельных войсковых частей, а потому необходимы. Лиц, насильственно срывающих погоны, Гучков обещал отдавать под суд. После этого группы матросов и солдат останавливали на улицах армейских офицеров, а иногда по ошибке и флотских, и грозно спрашивали, почему они позволяют себе ходить без погон. Не встречая настоящего противодействия, преследования офицеров продолжали разрастаться²²¹.

В конце апреля была введена новая форма офицеров флота, без погон, со знаками отличия на рукавах и звездой на кокарде²²². Сохранилась фотография Колчака в этой форме (в характерной позе с правой рукой, засунутой между пуговицами на кителе). Гучковская форма, надо сказать, выглядит мешковато и нелепо.

С началом весны для командующего флотом началась новая головная боль — «осеменители». Так называли солдат и матросов, просившихся в отпуск на «обсеменение полей». Обычно уже в возрасте, они толпами ходили от Штаба до Исполкома и обратно, с котомками, мешками, унылые, печальные, но настойчивые, добиваясь, чтобы начальство «явило Божескую милость». Постановление Временного правительства от 10 апреля 1917 года об освобождении от воинской службы лиц, достигших 43-летнего возраста, несколько разрядило обстановку. Но зато на многих судах возник некомплект команды, особенно пострадала дивизия морской пехоты²²³.

«В половине апреля, — вспоминал Колчак, — мне стало ясно, что если дело пойдёт таким образом, то, несомненно, дело кончится тем же, как и на Балтийском флоте, т. е. полным развалом и невозможностью дальше продолжать войну»²²⁴.

В первых числах апреля в Одессу прибыл Гучков, среди прочих дел пожелавший встретиться с командующим Черноморским флотом. Колчак прибыл в Одессу 10 апреля на миноносце «Пронзительный». Гучков был очень занят, плохо себя чувствовал, и беседа была довольно краткой. Ми-

нистр спросил, как обстоят дела на флоте. Колчак, ничего не утаивая, сказал, что его сильно беспокоит «тот путь, по которому пошёл Черноморский флот под влиянием измен, под влиянием пропаганды и появления неизвестных лиц», бороться с которыми нет возможности, «так как теперь, под видом свободы, может говорить кто угодно и что угодно». — «Я надеюсь, что вам удастся с этим справиться, у вас до сих пор всё шло настолько хорошо...» — сказал министр. Колчак возразил, что до сих пор всё держалось на его личном авторитете, но это такое средство, которое «сегодня есть, а завтра рухнет». Правительство же не предоставило ему других средств для поддержания порядка и дисциплины. Гучков не стал продолжать этот разговор, но сказал, что в ближайшее время вызовет его в Петроград.

11 апреля Колчак вернулся в Севастополь, и в тот же день Анна Васильевна сообщила ему в письме, что уже несколько дней ходят упорные слухи о назначении его командующим Балтийским флотом²²⁵.

* * *

Колчак выехал в Петроград около 15 апреля, и эта поездка в бывшую императорскую столицу навсегда врезалась в его память.

Свергнутый император вместе с семьёй находился под арестом в Царском Селе. Нет худа без добра: теперь не надо было принимать министров и читать их длинные доклады. Вместо этого Николай II читал «Историю Византийской империи», «Графа Монте-Кристо», «Шерлока Холмса», возился на огороде или, вооружившись пилой и топором, валил вместе с садовниками сухие деревья в парке. Оказалось, что за долгие годы его царствования накопилось много сухостоя.

Между тем на улицах Петрограда на все лады трепалось его имя, имя императрицы и Распутина. На Невском красовались огромные афиши с изображением «старца», а публика ломилась в кинематографы на только что отснятые фильмы «Убийство Гришки Распутина», «Распутин в аду», «Тёмные силы — Григорий Распутин».

Даже на Невском почти не стало видно «чистой публики». Она затерялась в толпах матросов, солдат столичного гарнизона и дезертиров. Именно тогда повально распространилась скверная мода лузгать семечки. Их шелуха застилала тротуары, скверы, бульвары, подъезды. Под этой серой пеленой как-то терялись все другие разновидности грязи и мусора. Столичные интеллигенты, воспитанные на античных

образах, сравнивали её с пеплом, который обрушил на древние Помпеи проснувшийся вулкан²²⁶.

На перекрёстках улиц, изображая стражей порядка, стояли штатские люди в повязках. А в глубине кварталов, да и на тех же улицах, выпущенные из тюрем уголовники делали своё дело. К ним присоединялись солдаты революционного гарнизона. Раздражённое население устраивало самосуды. Впрочем, эта кара касалась только мелких воришек — вооружённые бандиты никого не боялись и никому не оставляли шансов.

Колчак остановился в «Астории», большой гостинице, построенной незадолго до войны, а с началом её реквизируемой военным ведомством. В вестибюле дежурил наряд матросов из Гвардейского экипажа, грубых и распущенных. Пол был усыпан всё той же шелухой...

Гучков совсем разболелся, не выходил из дома. В первое своё посещение Колчак застал его в постели. Вместе с Колчаком присутствовал его старый знакомый, начальник Штаба Балтийского флота капитан 1-го ранга М. Б. Черкасский, бывший сослуживец по Штабу Эссена. Вице-адмирала Максимова, совсем развалившего флот, Гучков не пожелал видеть.

Министр заслушал доклад о положении дел на Чёрном море и Балтике. Черкасский, в частности, сказал, что матросы настаивают на введении выборного начала на флоте снизу доверху. Гучков вздохнул и обратился к Колчаку: «Я не вижу другого выхода, как назначить вас командующим Балтийским флотом».

Колчак, видимо, был готов к такому предложению «Если прикажете, — ответил он, — я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг». Но, добавил он, вряд ли это исправит положение. На Черноморском флоте дела обстоят лучше в основном лишь в силу его удалённости от центра и некоторой изолированности. Но если всё останется по-прежнему, если будут продолжаться реформы, в корне подрывающие устой воинской дисциплины, там повторится всё то же, что имеет место на Балтике.

Гучков сказал, что он подумает, и спросил ещё раз: «Вы ведь не откажетесь принять это назначение?» Колчак ответил, что привык исполнять приказания²²⁷.

В эти же дни председатель Государственной думы М. В. Родзянко пригласил Колчака на завтрак. Оттеснённый с авансцены политики, он пытался установить контакты с армейскими и флотскими офицерами, но это плохо у него получалось. Офицеры, по которым прежде всего и ударила революция, видели в нём её зачинщика.

В беседе с Колчаком Родзянко похвалил состояние дел в Черноморском флоте. Колчак сказал ему то же, что и Гучкову: «...У меня идёт такой же внутренний развал, как и везде; пока мне удаётся сдерживать это движение, действуя на остатки благоразумия, но... в настоящее время уже есть признаки, что это благоразумие исчезает...» — «Что же делать, по вашему мнению?» — задал вопрос Родзянко. Колчак ответил, что флот разлагается в результате антиправительственной и антивоенной пропаганды «совершенно неизвестных и безответственных типов». Пресечь их деятельность административным путём у командующего нет возможности. Нельзя ли, спросил Колчак, что-то противопоставить им и кто бы мог помочь в этом деле? Родзянко посоветовал поговорить с Плехановым²²⁸.

Основоположник русского марксизма Г. В. Плеханов, недавно вернувшийся в Петроград после многолетней эмиграции, сразу же заболел. Это не помешало ему вступить в горячую перепалку с В. И. Лениным по поводу его «Апрельских тезисов». Ленинский призыв к продолжению и углублению революции Плеханов назвал «безумной и крайне вредной попыткой посеять анархическую смуту на русской земле»²²⁹.

И Плеханов, и Колчак о своей встрече рассказали. Правда, рассказ Плеханова мы знаем со слов Н. И. Иорданского, близкого его сподвижника, редактора журнала «Современный мир», а в 1923—1924 годах — полпреда СССР в Италии.

«Сегодня, — говорил Плеханов, — был у меня Колчак. Он мне понравился. Видно, что в своей области молодец. Храбр, энергичен, не глуп. В первые же дни революции стал на её сторону и сумел сохранить порядок в Черноморском флоте и поладить с матросами. Но в политике — он, видимо, совсем не повинен. Прямо в смущение привёл меня свою развязной беззаботностью. Вошёл бодро, по-военному и вдруг говорит: “Счёл своим долгом представиться вам, как старейшему представителю партии социалистов-революционеров...”»

Плеханов попробовал внести ясность: «Благодарю, очень рад. Но позвольте вам заметить...» Но перебить Колчака не удалось. «Я моряк, — продолжал он, — партийными программами не интересуюсь. Знаю, что у нас во флоте, среди матросов есть две партии: социалистов-революционеров и социал-демократов. Видел их прокламации. В чём разница — не разбираюсь, но предпочитаю социалистов-революционеров, так как они патриоты. Социал-демократы же не любят отечества...»

Плеханову, наконец, удалось приостановить собеседника и довести до его сведения, что он не эсер, а социал-демократ и, вопреки его мнению, очень любит своё отечество. Теперь пришла очередь смущаться Колчаку, но, по словам Плеханова, он нисколько не смутился: «Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде “ну, не важно” и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте, о его состоянии и боевых задачах. Очень хорошо рассказывал. Наверно, дельный адмирал. Только очень уж слаб в политике...»²³⁰

Рассказ Плеханова, надо полагать, передан Иорданским в несколько утрированной форме. Но Колчак, видимо, в то время и в самом деле слабо разбирался в партийных группировках и, конечно, не знал такой «тонкости», что социал-демократы разделяются на меньшевиков и большевиков.

«Я поехал к Плеханову, — рассказывал Колчак, — изложил ему создавшееся положение и сказал, что надо бороться с совершенно открытой и явной работой разложения, которая ведётся, и что поэтому я обращаюсь к нему как главе или лицу, известному социал-демократической партии, с просьбой помочь мне, приславши своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу... Плеханов сказал мне: “Конечно, в вашем положении я считаю этот способ единственным, но этот метод является в данном случае ненадёжным”. Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, причём указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его». Когда речь зашла о проблеме черноморских проливов, Плеханов обронил такую фразу: «Отказаться от Дарданелл и Босфора — всё равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками»²³¹.

Встреча с Плехановым была для Колчака очень памятной, но он понял, что практического значения она иметь не будет. И действительно, Плеханов, возглавлявший тогда маленькую социал-демократическую группу «Единство», вряд ли мог чем-нибудь помочь командующему Черноморским флотом.

Анна Васильевна, жившая с некоторых пор в Ревеле, приехала в Петроград для встречи с Александром Васильевичем. Остановилась у родственников. 20 апреля состоялась встреча — после 10-месячной разлуки. И на этой встрече случилась какая-то размолвка. В чём было дело — по источникам понять невозможно. Если судить по её письмам — почти ничего и не случилось. А в его письмах — целая драма.

После этой неудачной встречи Колчак сидел с В. В. Романовым, офицером из Генмора, знавшим об их отношениях и часто помогавшим в пересылке писем. Друзья, видимо, выпивали. Но то ли выпили немного, то ли хмель на Колчака не подействовал. Вернувшись в «Асторию», он просидел до утра, ещё раз просматривая документы для утреннего заседания Совета министров.

Из окна открывался вид на Исаакиевскую площадь, памятник Николаю I и Мариинский дворец, где прежде заседал Государственный совет, а теперь — Временное правительство. В этот вечер до поздней ночи перед дворцом гудела толпа с плакатами: «Доверие Милюкову!», «Да здравствует Временное правительство!». С балкона кто-то выступал, и слышались, по словам Колчака, «бессмысленные “ура”».

А днём здесь была другая демонстрация, с другими лозунгами — «Долой Милюкова! Долой Временное правительство!». Поводом для волнений послужила составленная министром иностранных дел П. Н. Милюковым и одобренная правительством нота союзным державам о готовности России выполнять союзнические обязательства. Левацкие элементы, будоражившие толпу, усмотрели в ней отступление от «международных демократических интересов», а солдаты, видимо, испугались, что их погонят на фронт. Колчак считал глупейшим и нелепым занятием обсуждать на митингах дипломатические ноты.

Утром, перед началом заседания, Колчак решил ещё раз повидать Анну Васильевну, объясниться с ней или просто попрощаться, ибо он «понял или вообразил», что она окончательно отвернулась от него и ушла из его жизни. Но произошло какое-то новое недоразумение. «Я уехал от Вас, у меня не было слов сказать Вам что-либо», — писал он впоследствии²³².

Заседание Совета министров было назначено на квартире Гучкова, который всё ещё болел. Направляясь туда, на Мойку, Колчак встретил несколько воинских частей, при оружии, которые шли к Мариинскому дворцу, не зная, что правительство соберётся в другом месте. Туда же, к дворцу, стекались колонны рабочих. В этот день в разных частях города произошли столкновения между сторонниками и противниками правительства. Была стрельба, были жертвы. А грабёж магазинов, по словам очевидцев, «принял всеобщие масштабы»²³³.

В заседании правительства принимал участие главнокомандующий генерал М. В. Алексеев. Председательствовал князь Г. Е. Львов²³⁴. Колчак сделал доклад о стратегичес-

ком положении на Чёрном море, о состоянии Черноморского флота и ближайших перспективах. Поставлен был вопрос и о Босфорской операции, для которой Ставка всё ещё не выделила требуемых пяти дивизий. Все взоры обратились на Алексеева. Генерал повернулся к Колчаку, пронзил его своим стальным взглядом и отчеканил, что у него нет пяти дивизий: «Во всей армии нет полка, в котором я мог бы быть уверен, и вы сами не можете быть уверены в своём флоте, что он при настоящих условиях выполнит ваши приказания»²³⁵.

Адмирал выстоял, не шелохнувшись, хотя удар был чуть ли не в сердце. Рухнуло то, что должно было стать венцом всей его военно-морской службы. Позднее он писал, что в один момент потерял всё, что для него «являлось целью большой работы и... даже большей частью содержания и смысла жизни». Он добавлял: «Это хуже, чем проигранное сражение, это хуже даже проигранной кампании, ибо там всё-таки остаётся радость сопротивления и борьбы...»²³⁶

Верный воинской дисциплине, он не стал на заседании правительства вступать в спор с главнокомандующим, спрашивать его, как же он, не имея, по его словам, ни одного надёжного полка, готовит летнее наступление по всему фронту. Было ясно, что Алексейев просто воспользовался обстановкой, чтобы поставить крест на операции, которой не сочувствовал.

Из всех членов правительства только Милюков был сторонником Босфорской операции. А потому тут же решили в очередной раз её отложить. Все понимали, что на этот раз — навсегда. А между тем эта операция, не требовавшая больших сил (пять надёжных дивизий в то время подыскать, наверно, было ещё можно), могла, в случае успеха, укрепить престиж власти и, возможно, даже переломить настроение. А в случае неудачи — это же частная операция, не наступление по всему фронту.

Заседание близилось к концу, когда в комнату влетел маленького роста генерал с монгольскими чертами лица. Это был командующий войсками Петроградского военного округа Л. Г. Корнилов. Он сообщил, что в городе происходит вооружённая антиправительственная демонстрация, но у командования достаточно сил, чтобы её рассеять, — нужна санкция правительства. Князь Львов замахал руками: «Что вы, Лавр Георгиевич! Разве можно прибегать к насилию? Наша сила — в моральном воздействии». «Насилие недопустимо!» — взвился министр юстиции А. Ф. Керенский. Зашевелились М. И. Терещенко (министр финансов) и А. И. Ко-

новалов (торговли и промышленности). Львов поспешил закрыть заседание.

Керенский и Корнилов сцепились спорить. Другие пошли к выходу. Колчак же стоял, всё ещё переживая чувство внутренней катастрофы. К нему подошёл Милюков, страшно усталый, с красными от нескольких бессонных ночей глазами, и молча пожал руку. В эти дни они были товарищи по несчастью²³⁷.

Вечером Колчак должен был отъехать в Псков на совещание командующих фронтами и армиями. Он ожидал, что Анна Васильевна всё же подойдёт к поезду, но она не пришла и позднее писала, что «с большим трудом удержалась от искушения» увидеть его на вокзале. Вместо этого она, находясь в «убийственном настроении», ввязалась в какой-то уличный митинг и даже выступала там²³⁸.

На совещании во Пскове, проходившем под председательством Алексеева, Колчак узнал много для себя нового и неприятного. Выяснилось, что на фронте, особенно Северном, ближайшем к столице, тоже начался развал. Солдаты митинговали, не слушались приказов, продавали оружие желающим приобрести, «братались» с немцами у себя на позициях. Как с этим бороться в создавшихся условиях, никто не знал. Когда пришла революция, все надеялись, что она вызовет энтузиазм и повысит боевой дух, а оказалось — наоборот.

После совещания во Пскове пришлось вновь возвращаться в Петроград. Гучков собрал командующих у себя в квартире и устроил чтение проекта «Декларации прав солдата». Проведения её в жизнь добивался Совет, а Гучков у себя в министерстве устраивал «похоронные комиссии», но проект каким-то образом проскакивал через них и опять возвращался к нему на подпись. Теперь Гучков, видимо, надеялся получить от командующих какие-то замечания и опять направить злополучный проект на доработку.

Однако план не удался. Командующие во главе с Алексеевым, не дослушав проекта, встали и пошли. Если министерство, сказали они, решит ввести этот проект, который окончательно развалит армию, пусть вводит — но без нашего участия. Гучков опять остался с этой декларацией, от которой никак не мог отделаться.

Колчак, несколько задержавшись, спросил, должен ли он перейти на Балтику или возвращаться в Севастополь. Министр подумал и махнул рукой: «В сущности, это всё равно, возвращайтесь в Чёрное море».

Это было сказано с такой безнадёжностью, что стало понятно: Гучков собирается в отставку. Ясно обозначался и

близкий конец Временного правительства, которое в условиях небывалого кризиса принципиально не желало применять силу, а надеялось на средства морального воздействия. «Гучков, может быть, и понимал положение, — говорил впоследствии Колчак, — но на меня он производил впечатление человека, так далеко зашедшего по пути компромиссов, что для него не оставалось другого пути»²³⁹.

Вскоре Гучков и Милуков действительно ушли в отставку.

После разговора с Гучковым, в тот же день, Колчак выехал в Севастополь. «Из Петрограда я вывез две сомнительные ценности, — писал он, — твёрдое убеждение в неизбежности государственной катастрофы со слабой верой в какое-то чудо, которое могло бы её предотвратить, и нравственную пустоту. Я, кажется, никогда так не уставал, как за своё пребывание в Петрограде. Так как я имел в распоряжении 2 суток почти обязательного безделья в вагоне, то использовал это время наиболее целесообразно: придя в состояние, близкое к отчаянию (эту роскошь командующий не часто сам себе позволит), я просидел безвыходно в своём салоне положенное время, сделав слабую попытку в чтении Еллинека пополнить пробел в своих знаниях по части некоторых государственных вопросов»²⁴⁰.

Приведённый отрывок из письма к Тимирёвой нуждается в некоторых пояснениях.

Во-первых, «чувство, близкое к отчаянию», и «нравственная пустота» возникли не только вследствие того, что увидел и услышал Колчак в Петрограде и Пскове, и не только вследствие крушения планов Босфорской операции. На всё это наложились размолвка с Анной Васильевной, очень похожая на разрыв.

Во-вторых, из письма явствует, что Колчак в это время попытался расширить свои познания в области государства и права. Кто-то посоветовал ему прочесть книгу немецкого профессора Г. Еллинека «Общее учение о государстве». Совет был явно неудачен, потому что книга носит сугубо теоретический характер. Последующие попытки, уже по возвращении в Севастополь, разобраться в книге и что-то почерпнуть из неё были, как видно, тоже малоуспешны, и Колчак с раздражением отмечал, что вопрос о том, чем различаются «доминиум» и «империум» для него столь же интересен, как и то, назвать ли происходящее в Севастополе «глубостью или идиотством»²⁴¹.

В-третьих, слова насчёт «почти обязательного безделья» нельзя понимать буквально. Сразу же по возвращении адмирал сделал доклад о положении в стране на Собрании деле-

готов армии, флота и рабочих Севастополя, причём не экспромтом, а по заранее составленному тексту. И у Колчака не было другого времени для работы над ним, кроме как по дороге из Петрограда в Севастополь.

И, наконец, в-четвёртых, приведённый фрагмент в черновике зачёркнут. Отдельные фразы из него впоследствии были использованы в других черновиках. Но именно этот зачёркнутый отрывок, как кажется, наиболее полно передаёт то настроение и те чувства, с которыми Колчак покидал Петроград в апреле 1917 года.

* * *

Вернувшись в свою каюту на штабном корабле, Колчак первым делом собрал все фотографии и письма Анны Васильевны, запрятал их в стальной ящик с хитрым запором, открыть который не всегда удавалось, велел убрать его подальше, а себе приказал не думать о своей любимой. Похоже, однако, что в то время его флот всё же гораздо лучше исполнял его приказания, чем он сам.

В начале мая пришло письмо от Анны Васильевны. Она писала, что на столе у неё стоят розы, которые он ей подарил (осыпаются, но ещё очень хороши), рядом с ними — целая галерея его портретов. А камень, тоже его подарок, она положила в медальон и любит рассматривать его, когда ей тоскливо. А это, добавляла она, сейчас у неё преобладающее настроение²⁴².

Что-то в этом письме, однако, отсутствовало, и на Колчака это подействовало так, как будто в костёр плеснули горячего. Он писал ей чуть ли не каждый день. Сохранилось восемь черновиков ответов на это письмо и следующее. Некоторые черновики, видимо, были уничтожены. Писались они чаще во время выходов в море, по ночам, когда командующий имел возможность уединиться. Иногда он выводил на листе: «Глубокоуважаемая Анна Васильевна» — и далее не мог написать ни слова. Тогда он бросал это занятие, выходил на палубу, бродил по ней, как призрак, поднимался на мостик, разглядывал звёзды.

Черновики очень разнятся по стилю и содержанию. Некоторые отличаются нарочитой сухостью и напыщенным тоном: «События, имевшие место при свидании нашем в Петрограде, с точки зрения, Вами высказываемой на наши взаимоотношения, имеют чисто эвентуальный характер».

Иногда же перед нами пронзительно искренняя исповедь страдающего человека:

«В минуту усталости или слабости моральной, когда со-

мнение переходит в безнадежность, когда решимость сменяется колебанием, когда уверенность в себе теряется и создается тревожное ощущение несостоятельности, когда всё прошлое кажется не имеющим никакого значения, а будущее представляется совершенно бессмысленным и бесцельным, в такие минуты я прежде всегда обращался к мыслям о Вас, находя в них и во всём, что связывалось с Вами, с воспоминаниями о Вас, средство преодолеть это состояние».

Забыть всё это, прекратить переписку, признавался он в другом черновике, — «для меня огромное несчастье и горе». А в третьем чеканил: «Всё то, что было связано с Вами, для меня исчезло...»²⁴³

Какие-то из этих черновиков переписывались набело, приобретали законченный вид и отсылались по адресу. Какие — неизвестно. На восемь черновиков приходится одно или два письма. Получив одно из них, Анна Васильевна очень обиделась и написала резкий ответ, но потом забрала его и отослала другой вариант, более примирительный²⁴⁴.

Выяснение отношений продолжалось более месяца. Кризис разрешился, когда Анна Васильевна узнала из газет, что Александр Васильевич, не поладив с Исполкомом, подал в отставку. Всё недавнее сразу было забыто, и Анна Васильевна написала прочувствованное письмо: «...Вы сами знаете, как бесконечно дороги Вы мне, как важно для меня всё, что касается и происходит с Вами, как я жду, чем всё разрешится. ...Какие бы перемены ни происходили в Вашей жизни, что бы ни случилось с Вами, — для меня Вы всё тот же, что всегда, лучший, единственный и любимый друг»²⁴⁵.

Отставка не состоялась, но для Колчака это письмо стало настоящим спасением. «И вот сегодня, — писал он, — после Вашего последнего письма я чувствую себя точно после тяжёлой болезни — она ещё не прошла, мгновенно такие вещи не проходят, но мне не так больно, и ощущение страшной усталости сменяет теперь всё то, что я пережил за последние пять недель». Другое письмо, написанное спустя неделю, когда обстановка в Черноморском флоте вновь обострилась, он закончил провидческой фразой: «Я не знаю, что будет через час, но я буду, пока существую, думать о моей звезде, о луче света и тепла — о Вас, Анна Васильевна»²⁴⁶.

* * *

В месяц, когда Колчак сгорал на этом невидимом костре, в Севастополе происходили важные события, в которых командующему приходилось участвовать. Конечно, он ста-

рался держать себя в руках, и чаще всего это ему удавалось. И всё же некоторые его поступки и решения, возможно, были бы иными, не находясь он постоянно во взвинченном состоянии.

Упомянутый выше доклад на делегатском собрании «Положение нашей вооружённой силы и взаимоотношения с союзниками» Колчак сделал формально по просьбе эсеровской организации, на самом же деле — по собственной инициативе.

25 апреля на трибунах огромного цирка в Севастополе собралось несколько тысяч человек. На площадке, где обычно располагался оркестр, поставили накрытый кумачом стол, за которым расположился президиум Севастопольского совета. Его председатель, меньшевик Н. Л. Конторович, старый революционер, недавно вернувшийся из ссылки, позвонил колокольчиком и громко произнёс:

— Слово предоставляется нашему товарищу, адмиралу революционного флота Колчаку.

Загремели аплодисменты, и адмирал вышел к барьеру²⁴⁷.

«Великий государственный переворот, совершившийся во время войны — говорил Колчак, — не мог пройти, не оказав влияния на вооружённую силу. Конечно, нельзя не видеть, не признать положительных сторон многих явлений, возникших под влиянием революции в наших вооружённых силах, но вызывает самые серьёзные опасения переход естественного и временного беспорядка в прогрессирующий развал и дезорганизацию». Старые формы дисциплины рухнули, а новые создать не удалось, да в этом отношении ничего, кроме воззваний, по сути, и не делалось. Например, Балтийский флот, предоставленный самому себе, не занятый боевой работой, пошёл по пути ломки всех установившихся порядков. Это удалось, а изобрести какие-то новые формы организации и дисциплины не получилось. В результате Балтийский флот полностью дезорганизован, и только отдельные его части и суда сохранили боеспособность.

К сожалению, продолжал Колчак, дезорганизация и падение дисциплины распространились и на другие войсковые соединения, в том числе и на фронтовые. В этой связи он обратил внимание на такие явления, как «братание» и дезертирство. «Братающиеся» немцы и австрийцы, сказал он, в некоторых частях были арестованы, и выяснилось, что они занимались разведкой и изучением наших позиций.

В одном ряду с этими явлениями, заявил адмирал, стоят и события 20—21 апреля в Петрограде. Такие события, подчеркнул он, грозят уже «внутренним пожаром, который называется гражданской войной».

Едва ли кто-либо из демонстрантов, выступавших под лозунгами «Долой Временное правительство», «Долой войну», понимал истинный их смысл и значение. И, не ведая, что творят, они прокладывали дорогу тем силам, которые «ведут антигосударственную работу с явной тенденцией к уничтожению всякой организации и порядка», «к поражению и гражданской войне, к государственному разложению и гибели».

В связи с этим Колчак коснулся и вопроса о сепаратном мире. «Вступив в войну и заключив известные обязательства с союзниками, — разъясняя он, — мы получили от них огромную помощь, финансовую и материальную, в виде военного снаряжения и снабжения... Но есть нечто ещё большее — это жизнь, кровь тех, кто пал за общее для всех союзников дело, те десятки миллиардов ценностей, которые сообщи вложены в экономику войны и которые так или иначе должны быть компенсированы. Вот внутреннее содержание наших договоров и обязательств с союзниками. И если мы эти обязательства выполнить не сможем или не захотим, то неизбежной логикой событий мы должны будем за них расплачиваться... В решении подобных вопросов нет ни сентиментальностей, ни отвлечённых рассуждений, а есть суровый закон необходимости, по которому нам придётся платить за битые горшки... Как и чем, ответ на это имеется в соответствующих исторических событиях — территорией и теми реальными ценностями, которые к этому времени у нас будут. Мы будем расплачиваться за свою слабость и своей свободой — при известных условиях мы можем получить образ правления не тот, который мы хотим, а который нам укажут, наиболее обеспечивающий реализацию наших обязательств... Нарушение нами обязательств по отношению к союзникам должно привести нас к войне с ними, со всеми проистекающими из такого состояния последствиями». Так что сепаратный выход из войны, указывал Колчак, не принесёт ни мира, ни благоденствия.

«Мы живём в эпоху величайшей войны, в эпоху решения международных и национальных вопросов вооружённой силой, — говорил Колчак. — Можно сочувствовать или нет такому положению вещей — никакого значения для существующей войны эти рассуждения не имеют». В некоторых общественных кругах, продолжал он, создалось представление об «универсальном или мировом» значении нашей революции и немедленном её влиянии «на внутреннюю жизнь и даже политический строй иностранных государств». «Никто, конечно, не станет отрицать значения нашей револю-

ции на жизнь наших союзников и соседей, но, — подчеркнул командующий, — это влияние ослабляется теперь мировой войной, в которой лежит центр тяжести всей жизни воюющих государств... Текущая война есть в настоящее время для всего мира дело гораздо большей важности, чем наша великая революция. Обидно это или нет для нашего самолюбия, но это так, и, совершив государственный переворот, нам надо прежде всего подумать и заняться войной, отложив обсуждение не только мировых вопросов, но и большинство внутренних реформ до её окончания».

Первая забота, сказал в заключение командующий, — это восстановление воинского духа и боевой мощи армии и флота, «а для этого надо прекратить доморощенные реформы, основанные на самомнении и невежестве. Надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у союзников». Кроме того, надо «сократить самомнение незнания и признать, что правительство гораздо лучше нас понимает многие вопросы государственной жизни и в вопросах международной политики МИД гораздо осведомлённее митинговых ораторов... Надо приложить силы к одной цели — спасения Родины»²⁴⁸.

Доклад Колчака, хорошо подготовленный и произнесённый с большим чувством, произвёл на слушателей громадное впечатление. Командующего поддержали другие ораторы — председатель Совета Конторович, лидер местных эсеров Пампулов, некоторые матросы. Успех Колчака отметил даже большевистский автор Платонов. Под впечатлением от собрания ЦВИК принял решение о посылке делегации от Севастополя в Петроград и на фронт, чтобы поднять боевой дух солдат и матросов. В состав делегации было избрано 190 человек.

Делегация побывала в Москве, Петрограде, объехала фронт. Её члены участвовали в сражениях, некоторые пали смертью храбрых. Однако она мало кого убедила. Не в её силах было остановить тот развал, который энергично подталкивали большевики и которому Временное правительство фактически попустительствовало, а отчасти и содействовало. Керенский, например, оказавшись в кресле военного и морского министра, сразу же подписал «Декларацию прав солдата», которую Гучков тщетно пытался похоронить. Колчак же, отправив делегацию, лишился самых преданных и активных своих сторонников из числа матросов и солдат. «Собралась и уехала делегация, — вспоминал очевидец, — а с нею ушла и душа флота. Настроение понизилось, и какая-то невидимая рука упорно работала, разжигая понемногу

страсти»²⁴⁹. Так что вся эта затея с делегацией скорее всего была ошибкой.

В начале мая в газетах промелькнуло сообщение о том, что ЦК большевиков решил расширить разъяснительную работу в Черноморском флоте и, в частности, направить в Севастополь В. И. Ленина. Это сообщение обеспокоило эсеров, считавших Черноморский флот своей вотчиной. 4 мая было созвано делегатское собрание, которое большинством в 340 голосов (49 воздержалось и 20 было против) высказалось за то, чтобы «всеми имеющимися средствами ни в коем случае не допустить приезда Ленина в Севастополь». Информация о таком решении была послана в ряд ближайших городов. В эти же дни судовой комитет «Георгия Победоносца» постановил отправить телеграмму Временному правительству и Петросовету с просьбой принять меры «для организации порядка, дисциплины и обуздания лиц, подобных Ленину, агитирующих против Временного правительства и требующих сепаратного мира». К выступлению «Георгия Победоносца» присоединились команды «Иоанна Златоуста» и «Очакова»²⁵⁰.

Сотрудничество, установившееся между командованием и революционными организациями Черноморского флота, было нарушено в середине мая. Конфликт разгорелся из-за того, что ЦВИК заподозрил Севастопольское интендантство во главе с генерал-майором Н. П. Петровым в сговоре с поставщиками кожи, из-за чего матросы получали сапоги худшего качества и в меньшем количестве. В книге А. П. Платонова суть дела изложена неясно, но вполне возможно, что дело действительно было нечисто. Но с другой стороны, может быть, и ЦВИК не вполне учитывал быстрый рост цен на сырьё в условиях инфляции.

Следственная комиссия, созданная ЦВИК, явно вышла за пределы своей компетенции, потребовав дать ей возможность самой заняться операциями с кожей. Петров ответил отказом. Тогда ЦВИК постановил арестовать генерала «за пособничество и соучастие в спекуляции».

Для утверждения этого постановления к командующему была направлена представительная делегация в составе матроса, солдата и рабочего. Но, видимо, эти представители ничего толком объяснить не могли. Колчак выпроводил их, сказав, что арест — дело военной прокуратуры, которая должна иметь веские на то основания.

Дальнейшие переговоры с ЦВИК, видимо, шли не столько по существу дела, сколько об аресте генерала. Исполком считал, что командующий стал на формальную точку зре-

ния, а Колчак не желал, чтобы ЦВИК занимался арестами командного состава — с санкции ли Штаба или без санкции. В конце концов ЦВИК созвал «совет старейшин». Платонов не объясняет в своей книге, что за «старейшины» это были, но из его же изложения следует, что во флоте молодые матросы были настроены более примирительно, а старослужащие — более агрессивно.

«Совет старейшин», собравшийся ночью, вызвал из флотского экипажа патруль и послал его арестовать Петрова, уведомив об этом Штаб флота. Генерал был доставлен на гауптвахту, а из Штаба сообщили, что командующий отправил телеграммы Львову, Керенскому и в Ставку о том, что он не желает более сотрудничать с ЦВИК, который вышел из рамок законности. ЦВИК тоже разослал телеграммы по указанным адресам, заявив, что «не может допустить подрыва своего авторитета кем бы то ни было». Наутро, 13 мая, делегатское собрание утвердило постановление «Совета старейшин». Колчак в данном случае находился в невыгодном положении, потому что интендантство имело плохую репутацию.

Как раз в это время Керенский приехал в Одессу, и 15 мая Колчак выехал на встречу с ним с прошением об отставке. ЦВИК тоже снарядил делегацию к министру, включая в её состав лейтенанта Левговда. Так что против Колчака должен был докладывать его собственный флаг-офицер²⁵¹.

Керенский в ту пору переживал миг своего взлёта и купался в лучах славы. Добраться до него с неотложным и неприятным вопросом было нелегко. В полувоенном френче и фуражке английского образца (которая, как говорили, ему не шла), с красной лентой через плечо, он ездил с митинга на митинг, произносил речи и уезжал под гром аплодисментов.

Колчаку, однако, быстро удалось добраться до министра, и 15 мая в Севастополе была получена телеграмма с требованием освободить генерала, по делу которого будет назначена следственная комиссия. Генерал был выпущен с гауптвахты, но к исполнению обязанностей его не допустили²⁵².

Тем временем Одессу облетел слух, что Керенский будет говорить «в самом большом доме» (очевидно, в городской думе). На митинг, как говорили, пришла «вся Одесса». Но Керенский, по словам очевидца, на этот раз был не в ударе. Да и выбранная им тема — «О русском солдате» — не воодушевила публику. За два с половиной месяца революции шатающиеся по городу беспорядочные солдаты порядком всем надоели. Аплодисменты получились холодноватыми. И тут за кафедрой неожиданно оказался Колчак, который произнёс горячую речь о забытом и совершенно забытом русском

офицере. Он говорил недолго, но по окончании на него буквально рухнул гром аплодисментов. Все бросились к кафедре, ему пришлось пожимать десятки рук, и в окружении восторженной толпы он прошёл на своё место мимо смущённого министра²⁵³.

В конце митинга был пущен слух, что Керенский отправится на вокзал. Многочисленные почитатели, осаждавшие городскую думу, хлынули туда. Керенский же с Колчаком вышли через служебную дверь и уехали в порт, где их поджидал миноносец²⁵⁴.

Оказавшись наедине с Керенским, Колчак увидел обыкновенного человека с обывательской внешностью, вертевшего в руках смешную свою фуражку, очень бледного, измотанного и усталого. Они проговорили почти всю ночь, с 16 на 17 мая, пока миноносец шёл из Одессы в Севастополь.

Колчак настаивал на том, что дисциплина — это то, на чём держится армия. Без дисциплины армия превращается в вооружённый сброд, опасный не для противника, а для собственных граждан. Поэтому дисциплинарные уставы примерно одинаковы во всех армиях и флотах мира.

Керенский же утверждал, что, помимо дисциплины принуждения, существуют «революционная дисциплина», «партийная дисциплина», основанные на сознательности. Революционеров никто не принуждает, а они идут на смерть, на эшафот и на каторгу.

Колчак возражал, что такая дисциплина «создаётся воспитанием и развитием в себе чувства долга, чувства обязательств по отношению к родине», она, эта дисциплина, «может быть у отдельных лиц, но в массе такой дисциплины не существует, и опираться на такую дисциплину для управления массами нельзя». Каждый остался при своём мнении. Колчак с сожалением отмечал, что Керенский «как-то необыкновенно верил во всемогущество слова»²⁵⁵.

На палубе «Георгия Победоносца» состоялась торжественная встреча министра. Керенский обошёл строй, подавая руку многим матросам, взобрался на люк (он не мог выступать иначе, как с какого-то возвышения) и произнёс речь: «Позвольте мне в вашем присутствии приветствовать командующего флотом, который, будучи в Петрограде, говорил об организации Черноморского флота, указывая на то единение, которое существует здесь, и на то значение, какое он придаёт организации. Да здравствует ваш командующий флотом, лучший представитель офицерского корпуса! Ура!»

Явившись на заседание ЦВИК, Керенский первым делом произвёл в прапорщики его председателя, вольноопределяю-

шегося Софронова. «Наше отношение к Советам рабочих и солдатских депутатов такое, — сказал он, — что без таких Советов правительство работать не может, но такие организации должны работать в полном контакте с правительством».

Когда же начался разбор спорного дела, Керенский сказал, что Севастопольский ЦВИК — организация государственная, что это лучшая организация фронта и что в этом деле ЦВИК «поднял свой престиж на новую, ещё небывалую высоту». Но существуют пределы, за которые лучше не переходить — лишение свободы может быть произведено только компетентной властью.

Колчак, говоривший после министра, повторил его слова о том, что арест можно производить только с санкции юридической власти. Со свойственной ему откровенностью он сказал, что о деле поставщиков он только что узнал. Левговд, выступивший третьим, настаивал на том, что арест был произведён лишь после того, как ЦВИК убедился «в неприемлемости и непримиримости позиции командующего». Снова взял слово Керенский, заявивший, что деятельность Петрова будет расследована, что ЦВИК по существу был прав, но нарушил порядок, что весь инцидент надо считать мелким недоразумением и по старому русскому обычаю его «забыть».

«Вот видите, адмирал, — сказал после заседания Керенский, — всё улажено, мало ли на что теперь приходится смотреть сквозь пальцы...» Скрепя сердце, понимая, что фактически Керенский ничего не уладил, Колчак согласился остаться на посту командующего²⁵⁶. Во всей этой истории Керенский проявил максимум дипломатичности, не очень, очевидно, понимая, что кроме неё нужна ещё воля, нужен характер.

Дело Петрова не принесло выигрыша ни Колчаку, ни Исполкому. Выпустив на волю генерала, ЦВИК создал повод для поношений в свой адрес со стороны митинговых ораторов. Колчак же, недоглядевший за интендантами, а потом вынужденный их защищать, пошатнул свой престиж.

18 мая Колчак отвёз Керенского на миноносце в Одессу, а сам проехал в Николаев, где всё ещё достраивались два дредноута. Рабочие не столько работали, сколько митинговали, и надежд на окончание работ было мало. Хотя один из дредноутов, «Александр III», переименованный в «Волю», был очень близок к достройке и даже укомплектован командой. Колчак лично занимался этим вопросом, стараясь собрать на броненосце наиболее надёжных матросов и в дальнейшем противопоставить его всё более распускавшейся команде «Свободной России» (бывшей «Екатерине Вели-

кой»). Но когда чудом достроенный дредноут 15 июня (уже после отставки Колчака) вышел в море, на нём развевалась целая вереница флагов — кроме Андреевского, ещё и красные, чёрные (анархистов) и «жовтно-блакитные» самостийной Украины²⁵⁷.

После отмены Босфорской операции военные действия на Чёрном море в значительной мере потеряли свою перспективу. Тем не менее Колчак продолжал выводить флот в море, ибо замечал, что это подтягивает его. «Люди распускаются в спокойной и безопасной обстановке, — писал он Анне Васильевне, — но в серьёзных делах они делаются очень дисциплинированными и послушными»²⁵⁸.

В апреле-мае флагман Черноморского флота линкор «Свободная Россия» только однажды выходил в море (4—6 мая). Под прикрытием дредноута была произведена воздушная разведка Констанцы. Неожиданно нависший густой и мокрый туман сильно мешал проведению операции. Два самолёта были сбиты, а лётчики, как потом выяснилось, попали в плен²⁵⁹. Это была последняя морская операция, которой руководил сам Колчак.

Крейсерская операция у Босфора 11—13 мая, очень смелая по замыслу, закончилась неудачно по воле слепого случая. В ночь с 11 на 12 мая крейсер «Память Меркурия» спустил на воду моторные баркасы, а миноносец «Пронзительный» подвёл их к границе минного поля. Отсюда они собственным ходом, в строе кильватера, вошли в пролив, скрытно поставили мины и вернулись на крейсер. На следующую ночь операция была повторена, но во время постановки мин под одним из баркасов раздался взрыв с пламенем. Потоплен был не только этот баркас, но и находившийся рядом. Погибло 17 человек²⁶⁰. Так и не узнали, взорвалась ли свежая мина или ранее поставленная, по какой-то причине всплывшая.

Более успешны были обходы крейсеров и миноносцев вдоль Анатолийского побережья, проведённые 7—11 апреля и 16—17 мая. Отдельные набеги на побережье делали миноносцы. При этом топились все попадавшие по пути пароходы, шхуны и фелюги, командам которых не мешали спасаться на шлюпках. Артиллерийским огнём уничтожались расположенные на берегу военные склады, казармы, хранилища с горючим. Иногда завязывалась дуэль с береговыми батареями, которые быстро замолкали²⁶¹.

Подводные лодки, регулярно сменяясь, несли дежурство у Босфора. В поле их зрения неоднократно попадали коммерческие корабли, которые они топили. Иногда приходилось вступать в перестрелку с береговыми батареями. Под-

лодка «Морж» не вернулась с дежурства. Последний раз она упоминалась в оперативной сводке за 11 мая²⁶². Судьба её неизвестна. В письме к Тимирёвой Колчак с огорчением писал о гибели отважных моряков при выполнении задания в Босфоре и на подлодке «Морж»²⁶³.

И всё же военные действия на Чёрном море с мая начали затухать. Всё реже выходили в море линкоры, а также и крейсера. Причин было три: отмена Босфорской операции, убыль людей в отпусках (судовые комитеты стали отпускать матросов, совсем не считаясь с начальством) и общее падение дисциплины. В мае и начале июня в море выходили почти исключительно миноносцы и подлодки. Команды других кораблей целыми днями пропадали на митингах.

Начались недоразумения и на миноносцах. Команда «Жаркого» отказалась выходить в море со своим командиром старшим лейтенантом Г. М. Веселаго. В книге А. П. Платонова присутствует такой пассаж: «Веселаго был умный офицер, но вёл себя по-барски и смотрел на команду свысока, хотя относился к ней снисходительно. Команда, чувствуя его презрительно-снисходительное отношение к ней, незлюбила его и не могла простить ему того, что после революции он, сохраняя кают-компанию для офицеров, не уступил её команде под читальню»²⁶⁴.

В действительности это был незаурядно храбрый и предприимчивый офицер, неоднократно по ночам ставивший мины в самом устье Босфора, а днём совершенно сбивавший с толку ловким своим маневрированием неприятельских лётчиков, так что они никак не могли сбросить на него бомбу, а он продолжал выполнять задание по фотографированию берега. Матросские заводилы, натерпевшись страху, захотели установить зенитное орудие. Но это можно было сделать только за счёт одного из минных аппаратов, чему командир решительно воспротивился. Судовой комитет потребовал удалить Веселаго за «излишнюю храбрость». Дело рассматривалось на делегатском собрании, которое постановило просить командующего списать с корабля командира и членов комитета, а команду считать невиновной. Колчак с этим не согласился, приказал поставить «Жаркий» в резерв, спустить на нём флаг, а Веселаго перевёл на другую должность²⁶⁵.

Посылка делегации не осталась без последствий для Черноморского флота. Правда, Ленин не приехал, но Балтийский флот отправил в Севастополь ответную делегацию, состоявшую в основном из большевиков и снабжённую солидным грузом большевистской литературы.

23 мая была получена телеграмма об аресте балтийской делегации в Симферополе по распоряжению правительственного комиссара. На митингах ораторы совсем разбушевались, толпа взвинтилась, и власти сочли за лучшее выпустить балтийцев и вернуть им багаж. После этого по требованию матросов был снят контроль в Синельникове и Джанкое, и в Севастополь беспрепятственно хлынули большевистские газеты, анархистская и большевистская литература²⁶⁶.

Приезд балтийцев совпал с переВыборами судовых комитетов. Гости разъяснили, что вовсе не обязательно, следуя устаревшим правилам, избирать в них до четверти офицеров — у себя на Балтике они избирают, сколько захотят. В результате резко уменьшилось представительство офицеров. У них отняли руководство культурно-просветительной работой, на кораблях стала свободно ходить большевистская и анархистская литература, приглашались большевистские ораторы и лекторы²⁶⁷. После переВыборов судовых комитетов сильно изменился и состав ЦВИК.

Большинство мемуаристов, в том числе и Колчак, объясняют развал Черноморского флота деятельностью заезжих агитаторов. В частности, быстрое ухудшение обстановки в конце мая — начале июня связывается с приездом балтийской делегации и сопровождавших её большевистских пропагандистов. Но делегация состояла всего из пяти человек. Не столь уж много, думается, было приехавших вместе с ней ораторов. Собственные большевистские организации на Черноморском флоте были невелики и по числу членов далеко уступали эсеровским. Развалить такую махину, как Черноморский флот, такому малому числу людей было бы явно не под силу. Видимо, дело было в общей обстановке в стране. В другое время агитатор, едва раскрыв рот, сразу же был бы выдан властям самими матросами.

Происходивший в стране колоссальный развал тоже не был всецело связан с деятельностью большевиков. Не они создали тот острый социально-экономический и политический кризис, который был главной причиной этого развала. Но они, конечно, всячески его подталкивали, стараясь на гребне народных волнений выскочить к власти. В то время в своей тактике, всегда очень переменчивой, они чуть ли не открыто смыкались с анархистами. В своей работе «Государство и революция» Ленин писал, что «все прежние революции усвершенствовали государственную машину, а её надо разбить, сломать»²⁶⁸. Слом начинался, естественно, с полиции и вооружённых сил.

У большевиков конечно же не хватило бы собственных сил, чтобы раскатать громадную машину государственной власти. Её стали раскачивать те самые люди, на плечах и спинах которых она покоилась. У всех вышли на первый план собственные интересы, подавлявшиеся прежде могучей волей государства, стали вырываться наружу разного рода межклассовые, межсословные и межнациональные противоречия, которых было предостаточно в старой России и которые раньше государством как-то примирялись, а отчасти загонялись вглубь. Началось, как уже говорилось, соскальзывание к догосударственным отношениям — знаменитая русская «атаманщина» времён смут, так буйно разросшаяся в 1917—1920 годах.

Россия была не самой отсталой и слабой страной, участвовавшей в Первой мировой войне. Но только её поразила эта странная болезнь. В чём же дело? Наверно, в том, что к началу войны не были завершены реформы, которые во время первой революции пошли быстро, а потом замедлились и застряли. Другие причины состояли в крайне неудачной внутренней политике в годы войны и в несвоевременной революции. Наконец, ещё одной причиной стала неопытность людей, вставших у руля государственной власти. Мечтательное толстовство князя Львова, наивная вера Керенского в силу своего ораторского искусства, демократический догматизм меньшевиков и эсеров — отсюда происходило то опенение власти, которое напоминало первые времена после принятия христианства князем Владимиром, когда всюду бесчинствовали разбойники, а он боялся нарушить заповеди новой религии, применив силу.

Существует мнение, что Россия в то время уже не могла воевать. Тоже странно: государства куда более экономически слабые всё же довели войну до конца — выиграли или проиграли. К тому же и Россия, заключив сепаратный мир, тут же начала новую войну — внутреннюю, гражданскую, и продолжала её, когда мировая война уже закончилась. С внешним противником воевать сил не было, а на внутреннюю брань хватало? Трудно ответить на этот вопрос, и ответы могут быть разные. Колчак, например, пришёл к выводу, что причина охватившего фронт и тыл развала — бездействие власти. И, как кажется, такая точка зрения имеет под собой основания.

В последние недели своего пребывания на посту командующего Колчак уже не ждал и не получал от правительства никакой помощи. Все проблемы приходилось решать, исходя из собственных возможностей. Так, например, расту-

ший некомплект команд можно было восполнить только за счёт больших кораблей, неделями и месяцами стоявших на якорях. Первым был отведён в резерв старый броненосец «Три Святителя», команда которого к тому же отличалась большой распущенностью. Она стала рассылаться по мелким судам, проводившим большую работу и базировавшимся не только в Севастополе, но и в Одессе, Батуме и других гаванях.

Эта мера вызвала недовольство подлежащей расформированию команды. ЦВИК стал за неё заступаться. Начались нападки на начальника Штаба Смирнова и на самого Колчака. Ораторы на митингах кричали, что он крупный помещик, наживающийся на поставках для армии, а потому хочет продолжать войну без конца. Колчак, присутствовавший на одном таком митинге, потребовал слова и объяснил, что всё его имущество состоит из тех чемоданов с бельём, которые его жена успела захватить с собой, когда оставлялась Либава²⁶⁹. Это произвело впечатление, но не мог же он присутствовать на всех митингах.

Затем пронёсся слух, что офицеры тайно собираются и что-то затевают. На митинге, состоявшемся 3 июня во дворе полуэкипажа, эта тема обсуждалась с 3 часов дня до 11 часов вечера. (В действительности Союз офицеров и врачей Черноморского флота высказывался за демократическую республику и выражал поддержку Временному правительству, но требовал приостановить реформы, принимаемые под давлением «малосознательной массы матросов», и восстановить единоначалие во флоте.)²⁷⁰

5 июня был новый митинг, на котором горячо обсуждался вопрос об одном офицере, который выругался, когда при смене караула ему не отдали честь. Постановили арестовать этого офицера, а заодно и ещё троих. А кроме того, решили отнять оружие у всех офицеров, огнестрельное и холодное. Митинг закончился в 12 часов ночи.

Экстренное делегатское собрание на следующий день приняло постановление о сдаче оружия офицерами. В судовые и полковые комитеты сразу же была послана соответствующая телефонограмма. Затем встал вопрос о Колчаке и Смирнове. Большинство ораторов настаивало на их аресте. Этого же требовали на митинге, который с утра шумел в полуэкипаже. Делегатское собрание после долгих словопрений постановило отстранить обоих от должности. «Мы признаём мировую известность и колоссальные военные заслуги нашего адмирала, — говорил один из делегатов, — но он всё-таки не нужен. Нам нужен прапорщик, который командовал

бы флотом и исполнял все наши требования». Вопрос же об аресте решили передать на рассмотрение судовых комитетов. Командующим избрали адмирала Лукина и для работы с ним назначили комиссию из 10 человек²⁷¹.

Во избежание кровопролития Колчак призвал офицеров без сопротивления сдать оружие. Разоружение прошло более или менее спокойно, хотя один офицер в знак протеста застрелился.

Должен был сдать личное оружие и Колчак. Когда пришло это время, он собрал на палубе команду «Георгия Победоносца» и произнёс речь. Он сказал, что офицеры всегда хранили верность правительству, выполняли его приказания, а потому разоружение является тяжким и незаслуженным для них оскорблением, которое он не может не принять и на свой счёт. «С этого момента я командовать вами не желаю и сейчас же об этом телеграфирую правительству», — с этими словами он спустился в свою каюту.

Это было критический момент. Из речи Колчака судовой комитет понял, что командующий сдавать оружие не собирается. Смирнов, обеспокоенный за его жизнь, связался со Ставкой и попросил Бубнова устроить срочный вызов для Колчака в Могилёв или Петроград. Бубнов тотчас же позвонил в Петроград, но Керенского на месте не оказалось.

Между тем Колчак, в состоянии крайнего возбуждения, ходил из угла в угол своей каюты, обдумывая решение. Наконец, он взял свою золотую саблю, пожалованную за Порт-Артур, выбежал вверх и крикнул слонявшимся по палубе матросам: «Японцы, наши враги — и те оставили мне оружие. Не достанется оно и вам!» С этими словами он швырнул саблю в море и вернулся в каюту.

Получилось так, что Колчак оказался единственным из офицеров (кроме застрелившегося), кто не сдал оружие, да ещё в такой демонстративной, запоминающейся форме. От имени всех офицеров он ответил на оскорбление достойным жестом и вызвал огонь на себя. Это было в его духе. Но Смирнов опять побежал связываться со Ставкой. Он сообщил Бубнову, что настроение матросов стало угрожающим и в любой момент может произойти непоправимое. Керенского всё ещё не было на месте, и Бубнов взял на себя смелость послать вызов от его имени.

Тем временем Колчак послал Керенскому телеграмму о том, что на флоте произошёл бунт и в создавшейся обстановке он не находит возможным оставаться на посту командующего и сдаёт свой пост старшему после себя адмиралу. Он вызвал командующего бригадой броненосцев контр-ад-

мирала В. К. Лукина и предложил ему вступить в командование флотом.

Явилась делегация от Исполкома, которая сообщила, что он отстраняется от должности — так же, как и начальник Штаба Смирнов. Колчак, уже вышедший из возбуждённого состояния, ответил, что он уже сдал командование. Делегация потребовала передать ей «секретные документы». Колчак сказал, что передача документов — дело не одного дня, а сейчас он едет к себе домой.

На городской квартире, в кругу семьи, его тоже не оставили в покое: делегаты от Исполкома опять спрашивали «секретные документы», сделали обыск в кабинете, ничего не нашли и ушли. Вскоре пришёл Смирнов. По-видимому, он принёс известие о получении вызова. А потом прибежал флаг-офицер, доложивший, что будто бы состоялось постановление Исполкома об аресте бывшего командующего. Тогда Колчак поехал ночевать на корабль. Он не хотел, чтобы его арестовали на глазах жены и сына.

В своей каюте на штабном корабле Колчак, как ни странно, быстро заснул. Однако в третьем часу ночи его разбудил флаг-офицер. Пришла телеграмма от Временного правительства — длинная, многословная, составленная либо Керенским, либо кем-то из его штата:

«Временное правительство требует: первое, немедленно подчинения Черноморского флота законной власти; второе, приказывает адмиралу Колчаку и капитану Смирнову, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада; третье, временное командование Черноморским флотом принять адмиралу Лукину с возложением обязанности начальника Штаба временно на лицо по его усмотрению; четвёртое, адмиралу Лукину немедленно выполнить непреклонную волю Временного правительства: всеми мерами водворить в Чёрном море порядок, подчинение закону и воинскому долгу, возвратить оружие офицерам в день получения сего повеления, восстановить деятельность должностных лиц и комитетов в законных формах, чинов, которые осмелятся не подчиниться сему повелению, немедленно арестовать как изменников отечеству и революции и предать суду; об исполнении сего телеграфно донести в 24 часа, напомнить командам, что до сих пор Черноморский флот почитался всей страной оплотом свободы и революции.

Министр-председатель *князь Львов*,
Минмор *Керенский*».

Документ был датирован уже новым днём — 7 июня.

Колчак, как вспоминал Смирнов, был глубоко оскорблён этой телеграммой: командующего флотом обвинили в допущении бунта, тогда как само правительство всё время попустительствовало своеволию матросов.

Днём 7 июня обстановка разрядилась. Исполком, видимо, понял, что несколько зарвался. Председатель Исполкома отбил в адрес правительства бодрую телеграмму: в Севастополе не было никакого бунта, а вышло лишь «недоразумение». Постановлением о сдаче оружия офицерами, говорилось в телеграмме, Исполком предотвратил массовые обыски. Резолюция об аресте Колчака была принята на митинге, но Исполком её не поддержал.

Офицерам в тот же день возвратили оружие. Кстати, выяснилось, что из всех судовых и полковых комитетов за арест Колчака высказалось только четыре, а против — 68. За арест Смирнова — соответственно 7 и 50. Колчак, следовательно, продолжал пользоваться доверием флота и гарнизона, и покинуть Черноморский флот его вынудила только растущая «атаманщина», бороться против которой он, по существу, был лишён возможности.

В этот день в Севастополь приехала миссия американского контр-адмирала Дж. Гленнона, предполагавшая позаимствовать опыт борьбы с подводными лодками. Колчак не принял миссию, заявив, что он уже не командующий. Американцы посетили несколько кораблей, поняли, что в Севастополе им делать нечего, и собрались обратно²⁷².

Вечером 7 июня Колчак и Смирнов выехали в Петроград. Провожать их на вокзал пришла группа флотских офицеров, по-видимому, не очень большая. Многие, как видно, просто побоялись проводить адмирала, в критический момент заслонившего их своей грудью.

Колчак, конечно, знал, что покидает Чёрное море надолго, если не навсегда. Почему он оставил в Севастополе жену и сына? Потому, что считал революционный Петроград самым опасным местом в России и, видимо, надеялся впоследствии переправить их в какой-нибудь тихий город. И в самом деле, неизвестно, что приключилось бы с ними, если бы они остались в Петрограде, а он уехал.

Поезд отошёл от перрона и вскоре нырнул в тоннель. Прощай, Севастополь! Если бы Колчак знал своё будущее, он бы добавил: «Прощай, семья!»

А в поезде, немного остыв от борьбы и слегка отстранившись от недавних событий, он понял истинное их значение.

Флот рухнул. Прахом пошла многолетняя работа по его воссозданию и усилению. Это было всё равно, что вновь пе-

режить падение Порт-Артура. Проиграна ещё одна битва с Судьбой.

Вскоре после отъезда Колчака, 12 июня, в море вновь появился «Бреслау», разгромивший маяк и радиостанцию на острове Фидониси и взявший в плен его небольшой гарнизон²⁷³.

Время скитаний

6 апреля (по-старому — 24 марта) 1917 года США вступили в войну на стороне Антанты. Вскоре после этого (в мае) американское правительство направило в Петроград специальную миссию во главе с сенатором И. Руттом, которая должна была провести переговоры с Временным правительством о координации действий, а заодно — выяснить обстановку в России после падения самодержавия. В состав делегации входил контр-адмирал Джеймс Гленнон с группой своих советников. В июне, как уже говорилось, американские морские офицеры побывали в Севастополе. В Петроград они возвращались в одном поезде с Колчаком и Смирновым. Теперь нашлось время познакомиться и побеседовать²⁷⁴.

По прибытии в Петроград, 10 июня, Колчак на какое-то время забыл об американцах. Доклад Временному правительству о севастопольских событиях был назначен на 13 июня. Однако ранее адмирал в беседе с журналистами рассказал о причинах, заставивших его покинуть Черноморский флот. Всех последствий этой беседы он, как видно, не ожидал. 13 июня петроградская «Маленькая газета», называвшая себя «газетой внепартийных социалистов» и издававшаяся А. А. Сувориным, поместила на первой странице воззвание, напечатанное крупным шрифтом:

«Россия, у тебя украли армию. Её знамёнами хлещут по щекам, а Временное правительство воображает, что его от мух обмахивают!.. Князь Львов превосходный председатель Совета министров для мирного времени, но бедственно слаб для времени нынешнего...

Пусть все, сердце которых жжёт боль об армии, будут с красной лентой завтра на улицах!! Собирайтесь в демонстрациях, боритесь за вашу армию!

Мы не хотим диктатора, но для победы нужна железная рука, которая держала бы оружие государства, как грозный меч, а не как кухонную швабру... Пусть князь Львов уступит место председателю в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство Победы. Колчак сумеет грозно поднять рус-

ское оружие над головой немца, и кончится война! Настанет долгожданный мир!»

На второй странице было помещено интервью Колчака о севастопольских событиях.

Конечно, Колчак не имел отношения к призывам выйти на улицы с «красными ленточками». Но понятно, с каким недоверием встретили его министры, собравшиеся на заседание в тот же день поздно вечером. Прежде чем предоставить слово Колчаку, князь Львов предложил рассмотреть вопрос о помещённом в «Маленькой газете» воззвании «неизвестной организации» с призывом к демонстрации и с требованием свержения правительства. Было решено опубликовать в газетах обращение к населению. «Правительство, — говорилось в нём, — твёрдо решило оказать отпор всеми силами государственной власти попыткам подобного рода, ведущим к гражданской войне, каковы бы ни были внешние предлоги и мотивы, выставляемые при этом». Против «Маленькой газеты» было начато судебное преследование.

Колчак выступал в самом конце затянувшегося за полночь заседания. Подробно рассказав об обстоятельствах дела, он нелюбезно заявил, что виной всему этому — политика правительства, которое поставило командование «в совершенно бесправное и беспомощное положение». Вслед за Колчаком в этом же духе выступил и Смирнов. Правительство выслушало доклады в глубоком молчании и постановило отложить их обсуждение «впредь до получения подробных и всесторонних данных от комиссии, посланной на место для расследования означенных событий»²⁷⁵. В Севастополь была направлена комиссия во главе с известным адвокатом, ближайшим сподвижником Керенского А. С. Зарудным.

Колчак, поселившийся на частной квартире, стал ожидать возвращения этой комиссии, мало обращая внимания на поднятый вокруг его имени шум. (14 июня, в связи с выступлением «Маленькой газеты», его имя склонялось на заседании Петроградского совета²⁷⁶.)

Дня через два или три после заседания правительства Колчака разыскал лейтенант Д. Н. Фёдоров, прикомандированный к американской миссии. Адмирал Гленнон, как оказалось, просил о встрече. Она состоялась 17 июня в бывших императорских покоях Зимнего дворца, где гостеприимное Временное правительство разместило американскую миссию. Её глава, сенатор Рут, в прошлом — военный министр и государственный секретарь, тоже участвовал в разговоре.

Американское правительство, сказал Гленнон, интересу-

ется накопленным русским флотом опытом по минному делу, а также способами борьбы с подводными лодками. К сожалению, изучить на месте все эти вопросы не удалось, и миссия на днях уезжает. А кроме того, продолжал Гленнон, понизив голос, в американском флоте вынашиваются планы пробить морское сообщение с Россией через Босфор и Дарданеллы. Не мог ли бы русский адмирал, недавно вернувшийся с Чёрного моря, помочь в этих делах? По существу, речь зашла о прямом участии в боевых действиях американского флота в Дарданеллах. Колчак это понял и дал согласие. Прощаясь, Гленнон просил никому не сообщать о планируемой операции, даже своему правительству — официальной целью ходатайства американской миссии о командировании в США Колчака с группой офицеров-специалистов будет передача опыта минной войны и борьбы с подводными лодками. «Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае надобности, голову и жизнь в придачу... Мне нет места здесь — во время великой войны, и я хочу служить родине своей так, как я могу, т. е. принимая участие в войне, а не в пошлой болтовне, которой все заняты», — писал Колчак Анне Васильевне. К горькому чувству, высказанному в письме, примешивалось и удивление: «Я не ожидал, что за границей я имею ценность, большую, чем мог предполагать»²⁷⁷.

Запрос от американской миссии был послан. Ответ же пришлось ждать около полумесяца. Колчак находился в положении своего рода подследственного по делу о черноморских событиях. Наконец, в конце июня вернулась комиссия Зарудного. Встретившись с Колчаком, он философски заметил, что вся эта история, на фоне разворачивающихся великих событий, ничего не стоит. Гораздо важнее сам факт ухода Колчака с поста командующего. Между тем матросы против него ничего не имеют. И возможно, — тут Зарудный совсем увлёкся, — от него потребуются «героическое самопожертвование», чтобы вернуться к командованию флотом. Выслушав эту риторику, Колчак ответил, что не видит никакого героизма в том, чтобы идти на поводу у матросов. Неизвестно, говорил ли он с Зарудным о единственном условии, при котором он мог бы вернуться к командованию. В письме к Тимирёвой он не раскрывает его суть, но ясно, что имелось в виду решительное подтягивание дисциплины²⁷⁸.

Вскоре после этой беседы, 28 июня, состоялось заседание правительства, на котором в качестве товарища министра юстиции присутствовал и Зарудный. На повестке дня стоял один вопрос — о командировании в Америку специальной

морской миссии во главе с Колчаком. Заседание почему-то затянулось — с 21 часа 30 минут до половины первого. Возможно, Зарудный докладывал о работе своей комиссии и о разговоре с Колчаком. Однако вопрос был решён положительно: «Командировать в Америку, во исполнение просьбы правительства Северо-Американских Соединённых Штатов, для сообщения флоту республики данных опыта по ведению морской войны, специальную морскую миссию в составе вице-адмирала Колчака и трёх офицеров, по выбору Морского министерства»²⁷⁹. Теперь предстояла нелёгкая задача согласовать с Керенским состав делегации, который Колчак уже давно наметил.

Керенский вёл неупорядоченный образ жизни, мотался с фронта на фронт, с митинга на митинг, с заседания на заседание, а в двух министерствах, которые он возглавлял, накапливались нерешённые дела, часами и днями сидели просители. Иногда министра вдруг осеняла мысль перевалить дело одних просителей, например, делегации пожилых солдат, на другого просителя, например, на Колчака. Не имея никаких полномочий, адмирал разбирался в солдатском деле, потом ловил министра, чтобы доложить, а тот решал всё по-своему. Ближе приглядевшись к Керенскому, Колчак подметил в нём склонность к формализму и равнодушие к людям. Заметно было и то, что отношение Керенского к Колчаку заметно изменилось после того, как он перестал быть командующим флотом. Лишь в начале июля, поймав Керенского в поезде и проехав с ним несколько остановок, Колчак смог доложить о русской военно-морской миссии в Америку и получить необходимые подписи²⁸⁰. После этого оставалось только одно — согласовать с англичанами маршрут русской миссии. Но теперь Колчак, возможно, уже сам начал несколько задерживать это дело.

В Петрограде Колчак встречался с многими бывшими своими сослуживцами. Некоторые из них, как и он сам, были не у дел. Другие кое-как держались во флоте, пока ещё не изгнанные и не убитые. Среди офицерства зрел протест — против униженного своего положения, против правительства, не способного установить элементарный порядок в армии, во флоте, в стране, против антивоенной пропаганды во время войны, «братаний» на фронте и вольных или невольных попыток левых партий толкнуть Россию в объятия кайзеровской Германии. В Петрограде возник ряд офицерских организаций: «Военная лига», «Союз георгиевских кавалеров», «Союз воинского долга», «Союз чести Родины», «Союз спасения Родины», «Общество 1914 года» и др.²⁸¹.

Правда, все эти общества и союзы были довольно немногочисленны.

От Временного правительства отшатнулись почти все либеральные партии, в том числе главная из них — кадетская. Они требовали, чтобы правительство решительно порвало со своей зависимостью от Советов и разного рода революционных комитетов. Но это можно было сделать, только опираясь на какую-то другую силу. И взоры либеральных деятелей обращались в сторону армии, прежде всего — в сторону офицерского корпуса.

Растущий в стране хаос беспокоил и предпринимательские круги.

Вскоре после приезда Колчака в Петроград к нему обратился инженер К. В. Николаевский, директор Бессарабской железной дороги. Акционерное общество, владевшее дорогой, имело штаб-квартиру на Невском, 106 (большое пятиэтажное здание в стиле «смелой эклектики», недалеко от Московского вокзала). С мая 1917 года там разместился и созданный при его содействии «Республиканский центр», финансируемый правлением дороги, а также некоторыми столичными банками. Официальной целью его было обеспечение общественной поддержки Временному правительству. Постепенно, однако, «Центр» начинал от него отходить²⁸². «Республиканский центр» требовал установления в стране сильной власти и водворения порядка, восстановления дисциплины в армии, запрещения деятельности большевиков и анархистов, подобно тому, как была прекращена деятельность монархистов, а также, ввиду «большого общественного значения» Совета и его Исполкома, проверить правильность их избрания — «русскому обществу необходимо быть уверенным, что... случайности избрания, бывшие в дни революции, уже отпали»²⁸³.

В рамках «Республиканского центра» возник военный отдел. Николаевский, явившийся к Колчаку, предложил ему возглавить этот отдел.

Колчак, призывавший когда-то к поддержке Временного правительства, теперь окончательно в нём разочаровался. Он был убеждён, что оно имело достаточно сил, чтобы остановить сползание к хаосу, но не хотело этого делать, надеясь со всеми договориться и запутавшись в уступках и компромиссах. Особое раздражение теперь вызывал у него Керенский.

Колчак согласился стать во главе военного отдела. Он несколько раз бывал на заседаниях «Центра»²⁸⁴. Как и другие члены этой организации, он не задавался реставраторскими

целями. Главное, чего он хотел, — это остановить развитие революции и расползание хаоса. Именно в этом смысле можно сказать, что он стоял на контрреволюционных позициях.

Ближайшую свою задачу Колчак видел в том, чтобы по возможности стянуть воедино разрозненные офицерские кружки и наладить их взаимодействие. Он встречался с многими офицерами и, наверно, именно тогда познакомился с полковником А. И. Дутовым, который был на пять лет его моложе и возглавлял в то время «Совет Всероссийского союза казачьих войск». Дутов не раз бывал на Невском, 106²⁸⁵.

В это же время в Ставке возник «Союз офицеров армии и флота». Члены его Главного комитета побывали в Петрограде, встретились с Колчаком, поднесли ему саблю, взамен выброшенной в море, с надписью: «Рыцарю чести от Союза офицеров армии и флота».

Председатель Главного комитета подполковник Л. Н. Новосильцев, член Государственной думы, побывал у Колчака с частным визитом. Адмирал сказал, что скоро ему придётся уезжать в Америку, но поинтересовался, «что, собственно, сделано — какие планы». Гостю пришлось признать, «что серьёзного пока ничего не готово, что скоро ничего ожидать нельзя». Колчак с сожалением вздохнул, заметив между прочим, что, если было бы «что-нибудь серьёзное, а не легкомысленная авантюра», он бы и не поехал, а мог бы, в случае надобности, перейти и на нелегальное положение²⁸⁶.

В своих знаменитых «Очерках русской смуты» генерал А. И. Деникин впоследствии писал: «Страна искала *имя*». Сначала надежды офицерства и либеральной интеллигенции связывались с именем М. В. Алексева. Были уверены, что этот мудрый человек «не наломает дров». Хотя знали и другое: расчётливый и трудолюбивый стратег, он не рождён с сердцем льва и никогда не бросится на добычу крупнее себя. Он всё же более годился для вторых ролей — при Николае II или Керенском, хотя часто с ними бранился. Когда же в мае Алексева был смещён с поста верховного главнокомандующего, связанные с ним надежды совсем погасли.

После севастопольских событий, как мы знаем, заговорили о Колчаке. Но у него был один крупный недостаток — он оказался не у дел. В его непосредственном подчинении теперь не было вооружённой силы.

В противовес Петрограду Москва начала «раскручивать» генерала Корнилова. Он был не так интеллигентен, как Колчак, немного даже диковат, но в его руках была реальная сила. 7 июля, когда окончательно выявился провал летнего наступления, он был назначен командующим Юго-За-

падным фронтом, а через 12 дней занял пост Верховного главнокомандующего, заявив, что отныне он отвечает лишь «перед собственной совестью и всем народом». Теперь, писал Деникин, «искания прекратились», и взоры всех, кто желал твёрдой власти, обратились в сторону Корнилова²⁸⁷.

Колчак не рвался к власти и не соперничал с Корниловым. Наоборот, он высоко ценил талантливого и смелого генерала. «В эти несчастные дни гибели русской государственности, — писал он позднее, — на политической арене появились две крупные фигуры — своего рода символы: один государственной гибели, а другой — попытки спасти государство: я говорю о Керенском и генерале Корнилове»²⁸⁸. В свою очередь и Корнилов считал Колчака своим сторонником и собирався включить его в состав своего правительства²⁸⁹.

В конце июня из Ревеля на несколько дней приехала Анна Васильевна. 26 июня они побывали в известном литературно-артистическом кабаре «Привал комедиантов» (в архиве сохранилась программа концерта, который давался в этот день)²⁹⁰.

«Привал комедиантов» размещался в подвале одного из домов на Марсовом поле. Постоянный посетитель этого заведения, поэт Георгий Иванов вспоминал, что видел там за одним столиком Колчака, Савинкова и Троцкого²⁹¹. «Петербургские зимы» Г. В. Иванова — не самый надёжный мемуарный источник. Сам поэт говорил, что там 75 процентов выдумки и лишь 25 процентов правды. Иванов, наверно, видел там всех троих и мысленно усадил их за один стол. Впрочем, с Б. В. Савиновым, в прошлом — известным эсеровским террористом, Колчак где-то всё же познакомился. Савинов в то время придерживался разумных, патриотических взглядов, а в дальнейшем стал одним из немногих эсеров, признавших правительство Колчака. В свою очередь Колчак, к удивлению многих, включил его в русскую делегацию, сформированную для участия в мирных переговорах в Париже²⁹². С Троцким Колчак скорее всего не был знаком.

Этим же летом, как писал Деникин, Колчак вёл «доверительные разговоры» с лидером кадетов П. Н. Милюковым²⁹³. Но это происходило, конечно, не в «Привале комедиантов». Милюков был слишком положительным человеком, чтобы ходить в кабаре. Колчак искал место в политике — своё и своих сторонников.

И всё же не эти переговоры были для Колчака главным содержанием тех дней конца июня. Главное — это были встречи, беседы, прогулки с Анной Васильевной. Кто бы мог подумать: в 1917 году... тоже были белые ночи! И про-

гулки затягивались едва ли не до утра. Чёрная кошка, пробежавшая между ними в апреле, теперь бегала где-то в другом месте. Они гуляли, словно молодые. Словно не был он адмиралом, а она — женой адмирала (другого). В романтической дымке белых ночей запомнилось Колчаку его последнее петербургское лето²⁹⁴.

Вскоре после отъезда Анны Васильевны произошли известные июльские события в Петрограде.

3 июля солдаты 1-го пулемётного полка потребовали «убрать» Временное правительство и передать власть Советам. На следующий день к ним присоединились ещё несколько полков, а также рабочие некоторых заводов. Из Кронштадта высадился морской десант. Говорили, что была неудачная попытка арестовать Временное правительство. Львов с несколькими министрами перешёл в штаб округа (на Дворцовой площади). Вооружённые демонстранты ворвались в Таврический дворец, где заседал ЦИК Советов, образованный после I Всероссийского съезда Советов, потребовали прекратить «делки с буржуазией», схватили за грудки лидера эсеров В. М. Чернова. «Мужицкого министра» спасло только вмешательство Троцкого, который призвал матросов не отвлекаться от главного дела «насилиями над отдельными случайными людьми».

Многие считали, что мятеж был подготовлен большевиками. Скорее всего это было стихийное выступление, являвшееся показателем очередной стадии разложения петроградского гарнизона. Правда, большевистское руководство с трудом устояло перед соблазном: «А не попробовать ли сейчас?» Но возникли серьёзные сомнения: провинция вряд ли поддержит, фронт — тоже, да и в столичном гарнизоне не было единства и кое-где уже начинались столкновения между различными частями. Решили возглавить движение, придав ему характер мирной демонстрации. Но как можно было этого добиться, имея дело с толпами вооружённых людей, отвыкших от подчинения? Большевики затягивались в это движение, волей-неволей становились его участниками и ставили под удар свою партию.

Поскольку ЦИК и Петросовет не поддержали выступление, у Временного правительства были развязаны руки. С фронта были вызваны надёжные части, в том числе казахи. Колчак, находившийся в это время в Петрограде, обратил внимание на то, что вошедшие в город войска, особенно кавалерия, имели вполне боевой вид. Нескольких столкновений было достаточно, чтобы рассеять мятежников. Матросы перепились, произвели разгром и отбыли в Кронштадт.

Июльские события укрепили Колчака в мысли, что правительство давно могло бы навести порядок в столице, если бы захотело. Да и на сей раз плоды победы были плохо использованы. Ленин успел сбежать. Троцкого арестовали, но выпустили, как и других лиц, причастных к мятежу²⁹⁵.

7 июля министр-председатель князь Львов ушёл в отставку. Его место занял Керенский, сохранив за собой должности военного и морского министра. Всеми силами он старался показать, что он и есть та самая «сильная личность», о которой многие мечтают. Мятежный Кронштадт на некоторое время был приведён в подчинение. На фронте была восстановлена смертная казнь и созданы военно-революционные суды.

Решительную борьбу повёл новый премьер со своими противниками справа. Колчак был у него на плохом счету. Штаб-ротмистр князь П. М. Авалов, встречавшийся с адмиралом, вспоминал, что у подъезда его квартиры крутились какие-то подозрительные типы. В конце концов Колчаку пришлось оставить эту квартиру и переехать за город, на дачу сестры²⁹⁶.

М. И. Смирнов писал, что Керенскому удалось раскрыть «нашу организацию»²⁹⁷, то есть военный отдел «Республиканского центра». Но, как всё же кажется, последней каплей, переполнившей чашу терпения присяжного поверенного, была встреча Колчака с генералом В. И. Гурко. Сын прославленного военачальника, героя Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, он некоторое время исполнял обязанности начальника Штаба Ставки, когда Алексеев лечился в Крыму, командовал Западным фронтом (после Эверта) и, не поладив с Керенским, ушёл в отставку. Приехав на несколько дней в Петроград, разыскал Колчака и встретился с ним. Они говорили о положении в армии. Гость высказал надежду, что Корнилову удастся восстановить её боеспособность. На другой день Колчак хотел отдать визит, приехал к Гурко на квартиру и узнал, что он арестован по обвинению в недозволенной переписке с низложенным императором²⁹⁸.

21 июля Колчак получил срочную телеграмму от Керенского: «Предлагаю Вам, с чинами вверенной Вам миссии, в кратчайший срок отбыть к месту назначения — САСШ [Северо-Американские Соединённые Штаты — так в те времена в России именовали США. — П.З.], донеся предварительно о причинах столь долгой задержки отъезда»²⁹⁹.

Если бы Колчак чистосердечно сообщил Керенскому о причинах задержки, он, не исключено, оказался бы в Петропавловской крепости по соседству с Гурко. Позднее, бу-

дучи уже за океаном, он писал Анне Васильевне: «...Моё пребывание в Америке есть форма политической ссылки, и вряд ли моё появление в России будет приятно некоторым лицам из состава настоящего правительства»³⁰⁰. А спутникам своим он говорил, что уезжать ему вовсе не хотелось и что Керенский, воспользовавшись приглашением американцев, по сути дела, заставил его покинуть Россию³⁰¹.

* * *

Русская военно-морская миссия выехала из Петрограда 27 июля 1917 года. Кроме Колчака, в её состав входили: капитан 1-го ранга М. И. Смирнов, капитан 2-го ранга Д. Б. Колечицкий (артиллерист), старший лейтенант В. В. Безуар (минёр), лейтенант И. Э. Вуич (специалист по торпедам) и лейтенант А. М. Мезенцев (связист)³⁰².

Выезжали с Финляндского вокзала, ехали по железной дороге вокруг Ботнического залива, по территории Финляндии и Швеции и наконец добрались до норвежского Бергена. Это путешествие Колчак проделал под чужой фамилией, чтобы не навести на себя немецкую разведку, которая могла им заинтересоваться. В Бергене около суток ожидали парохода, который забрал русскую миссию и под конвоем миноносцев доставил в шотландский порт Абердин. 4 августа Колчак писал Анне Васильевне: «Третий день, как я в Лондоне».

В английской столице русская миссия была встречена тепло и радушно. Колчака представили первому лорду Адмиралтейства адмиралу Джону Желлико. Это был боевой адмирал, командовавший английским Большим флотом в Ютландском бою 31 мая — 1 июня 1916 года (н. ст.), самом значительном морском сражении Первой мировой войны. Многие люди, видевшие двух адмиралов, отмечали их удивительную схожесть: не только во внешнем облике «химеры», но и в манере держаться и говорить. Хотя Желлико был старше Колчака на 15 лет.

Беседа с Желлико продолжалась более часа. Лорд достал самые секретные карты минных полей Северного моря и Ла-Манша, и они обсуждали проблемы их эффективности. Под конец разговор зашёл о морской авиации, и Колчак выразил желание принять участие в одной из воздушных операций. Желлико вызвал начальника морской авиации адмирала Пенна и изложил ему просьбу русского гостя. «Да, сэр», — коротко ответил Пенн, а у Колчака спросил, какого рода операции его более интересуют — против подводных лодок или цеппелинов. Колчак выбрал первое³⁰³.

Наутро Колчак был на авиационной базе Феликстоу недалеко от Лондона. Он испытал некоторое разочарование, узнав, что незадолго до его приезда уже отправились на задание три летательных аппарата, однотипных тому, на котором ему предстояло лететь. Это была мера предосторожности, принятая англичанами, о чём они не предупредили Колчака. И это означало, что встречи с противником не будет. Ибо, завидев эти новейшие английские бипланы, немецкие цеппелины круто сворачивали в сторону, а подводные лодки прятались на глубину.

Самолёт, на котором Колчаку предложено было сделать полёт в качестве одного из членов экипажа, имел два мотора и был вооружён пятью 8-пудовыми бомбами и четырьмя пулемётами. Судя по всему, это была «летающая лодка» «Феликстоу F-2», выпуска 1917 года, с экипажем из четырёх человек и максимальной скоростью 150 км/ч. По тем временам это была грозная боевая машина. Из письма Колчака остаётся неясно, какой вариант машины был ему предложен — с открытой или закрытой кабиной.

После того как русскому адмиралу показали, как обращаться с аппаратом для прицельного бомбометания и пулемётом Льюис, две «летающие лодки» поднялись в воздух. Быстро скрылся из виду английский берег. Внизу расстилалось пустынное сине-голубоватое Северное море с мглистым, в любую погоду, горизонтом. На отмелях, близ голландского берега, Колчак заметил всплывшую мину. В письме к Анне Васильевне он отметил, что с высоты 500 метров такая мина «производит другое впечатление, чем когда проходит по борту миноносца».

Как и ожидалось, поиски противника были тщетны. Только в одном месте Колчак заметил на светлом неглубоком дне какой-то тёмный силуэт. Снизились, осмотрели и не стали бомбить это пятно, по форме напоминавшее затонувший корабль, но никак не подводную лодку.

И всё же полёт произвёл на Колчака огромное впечатление. «Англичане действительно владеют морем не только на поверхности, но и в воздушном районе над этим морем, — писал он, — и немцы только неожиданно могут совершить воздушные рейды... Надо видеть средства, которыми они располагают, чтобы понять, что такое господство над морем или воздухом, и почувствовать, как далеки мы от этого. Надо испытать то чувство уверенности в силе, желание встречи с противником, которое является, когда имеешь действительно совершенное оружие, качественно и количественно превосходящее таковое же у противника. Первый раз на воз-

духе я испытал это чувство и вспомнил свой флот, свою авиацию, и невесело сделалось на душе... А ведь всё это могло бы быть и у нас, но... лучше не говорить на эту тему»³⁰⁴.

В те дни, когда Колчак находился в Англии, на рейде главной базы британского флота Скапа-Флоу взорвался линейный корабль «Вангард». Происшествие было тем более ужасным, что, в отличие от взрыва на «Императрице Марии», произошла общая детонация всех боеприпасов, и из экипажа, насчитывавшего 1100 человек, спаслось только двое матросов. Колчак высказывал предположение, что, как и на «Марии», «дело лежит в каких-то внутренних изменениях пороха»³⁰⁵. Как бы то ни было, этот случай ещё раз показал, насколько уязвимы эти морские гиганты, несмотря на свой грозный вид.

Несколько раз Колчак встречался с генералом Холлом, начальником английского Морского генерального штаба. С ним решался вопрос о переезде в Америку. Все пароходы были страшно забиты, и ждать пришлось две недели. Однажды речь зашла об обстановке в России. «Что же делать, — сказал генерал, — революция и война вещи несовместимые, но я верю, что Россия переживёт этот кризис, но вас спасти может только военная диктатура, так как, если дело будет и впредь так продолжаться, то вы вынуждены будете примириться с немцами и попасть в их лапы»³⁰⁶.

В одном из писем к Тимирёвой Колчак сообщал, что он побывал «в обществе весьма серьёзных людей», где говорил «о великой военной идее, о её вечном значении, о бессилии идеологии социализма в сравнении с этой вечной истиной, истиной борьбы... о вытекающих из неё самопожертвовании, презрении к жизни во имя великого дела, о конечной цели жизни — славе военной, ореоле выполненного обязательства и долга перед своей Родиной». Эти свои взгляды он открыто называл «апологией войны», не скрывая и того, что война «суть область страданий и лишений физических и моральных». Кто-то из собеседников спросил: «Находите ли Вы компенсацию за всё это или Вы чувствуете горечь разочарования в Вашем служении военной идее и войне?» Колчак отвечал, что «служение идее никогда не даёт конечного удовлетворения». Анне Васильевне же он писал, что встреча с ней — это та награда, которую дала ему война «за всю тяжесть, за все страдания, за все горести, с ней связанные»³⁰⁷.

Сопоставляя этот фрагмент с другими, ему подобными (их много), с упоминавшимся приказом по флоту, можно было бы подумать, что у адмирала появилось нечто вроде «пунктика», навязчивой идеи в этом воспевании войны.

Колчак как бы поддался царившей в России горячке — только наоборот. Когда все твердили: «Мир, мир!» — он с не меньшим жаром упорствовал: «Нет, война, война!»

Но это, похоже, лишь внешнее выражение тех идей, которые окончательно сложились у него в годы войны. Он видел, что окружающий мир — не аркадская идиллия. Он наполнен борьбой — и не столько, как считал Колчак, между классами и сословиями внутри одного народа, сколько между народами, цивилизациями, культурами. Колчак всегда проявлял живой интерес к другим народам и культурам, указывая на всё то, что, по его мнению, можно было бы у них позаимствовать. Он не делил народы на «высшие» и «низшие», не выдвигал завоевательных планов в отношении соседних стран. Даже в вопросе о Босфоре и Дарданеллах для него главное было не завоевать, а лишь «пробить» их для России, хотя бы с помощью союзников. Но он никогда не заблуждался насчёт подлинной подоплёки международных отношений. Потеряв обороноспособность, считал он, Россия станет добычей других государств, больших и малых.

Своим взглядам Колчак подчинял и свою жизнь. В дальнейшем, как увидим, «военная идея» подтолкнула его на то, чтобы взвалить на свои плечи непосильную ношу, а затем, в последние свои дни и часы, помогла подавить в себе то «постыдное жизнелюбие», которое сурово осуждали античные авторы.

Адмиралтейство, наконец, изыскало возможность разместить русскую миссию на вспомогательном крейсере «Глонсестер», входившем в конвой, сопровождавший лайнер «Кармония» с больными и ранеными канадскими солдатами. 16 августа 1917 года русские моряки вышли в плавание из шотландского города Глазго. Перед отъездом, как писал Колчак, у него возникли «мрачные мысли» насчёт того, как бы американцы не отменили операцию в Дарданеллах: ведь не Рут и не Гленнон принимают в той стране окончательные решения³⁰⁸.

Караван спустился вниз по реке Клайд и вышел в пролив между Великобританией и Ирландией. Адмиралтейство запретило выходить в океан с северной стороны Ирландии: там дежурили немецкие подводные лодки, потопившие недавно пять пароходов. Повернули на юг. Ирландское море, когда-то очень оживлённое, теперь было пустынно — война свела к минимуму морскую торговлю и перевозки пассажиров.

Зашли в Ливерпуль и здесь переночевали. Южный выход из Ирландского моря тоже был небезопасен. В дальнейший путь двинулись в сопровождении отряда миноносцев. Вече-

ром Колчак по своему обыкновению долго гулял по палубе. Было холодно и дождливо. В разрывы туч иногда выплывала полная луна, и тогда становились видны очертания ирландского берега. Слышались команды на английском языке. По палубе пробегали матросы. Экипаж был в боевой готовности: приближались к самому опасному району. Глядя со стороны на слаженную морскую работу, Колчак испытывал неловкость: «Странно быть в море, не принимая участия в походе, в сигналах и маневрировании, но что поделывать». Подошёл командир корабля и сообщил, что получена радиограмма: в проливе погибает пароход, не то торпедированный подлодкой, не то наскочивший на мину.

Ночью, когда прошли самые опасные места, миноносцы повернули назад. Караван спускался к югу — в сторону от обычных океанских путей, так что скоро повернули назад и два крейсера. Дальше «Кармонию» сопровождал только один крейсер — тот, на котором ехал Колчак. В океане стало тепло и тихо, и только шла бесконечная череда отлогих голубых валов. Колчак вспомнил, что когда-то он интересовался теорией образования волн и даже вёл наблюдения.

Теперь его интересовали другие вопросы. Он начал составлять записку о реорганизации флота. Но кому её подавать? Неужели «присяжному поверенному»? Записка, видимо, не была окончена. Но зато было закончено письмо к Анне Васильевне, писавшееся несколько дней и каким-то чудом до неё дошедшее³⁰⁹.

В конце августа (числа 26-го по ст. ст.) лайнер «Кармония» и крейсер сопровождения отдали якоря на рейде канадского города Галифакса (полуостров Новая Шотландия). Путь от одной Шотландии до другой занял около 11 дней.

Здесь почти не чувствовалась война. Галифакс был весел и оживлён. По улицам ходили люди, многим из которых жить оставалось менее трёх месяцев. 6 декабря 1917 года (по новому стилю) в результате взрыва французского транспорта «Монблан», перевозившего пикриновую кислоту и тротил, половина этого города была сметена и превращена в пепел.

В Галифаксе русских моряков встретил американский морской офицер, сообщивший, что представители Военно-морских сил США ожидают их в Монреале и будут оказывать всяческое содействие.

В Монреале, канадском городе с величественными католическими соборами и более скромными, но уютными англиканскими церквями, Колчака и его спутников ожидали два американских офицера, знакомых уже по миссии Рута³¹⁰. Согласно американским источникам, русская миссия прибыла

в США 28 августа 1917 года (в переводе на старый стиль)³¹¹. В Вашингтоне её состав увеличился на одного человека.

Вадим Степанович Макаров, сын прославленного адмирала и старший лейтенант Русского флота, в то время состоял при российском посольстве в США в должности помощника морского агента. До этого он служил на Балтике и был изгнан судовыми комитетами с двух кораблей, почему и оказался за океаном.

С Колчаком он был знаком с начала войны, когда явился на штабной корабль с проектом «массового уничтожения неприятельских подводных лодок». Вахтенный начальник сказал, что все такие изобретатели направляются к Колчаку, но он человек очень занятый и вспыльчивый, а сегодня у него уже было два изобретателя. Так что, весело посоветовал офицер, если Колчак схватится за револьвер, убежать от него надо зигзагами.

Колчак выслушал мичмана спокойно и внимательно, быстро всё понял и доходчиво растолковал несостоятельность проекта, а потом, как вспоминал Макаров, «в столь повышенном тоне стал объяснять мне, что он вообще думает об изобретателях, что я поспешно ретировался».

В другой раз Макаров встретил Колчака уже адмиралом, командиром Минной дивизии. Колчак узнал его, они разговорились, и адмирал пригласил молодого Макарова пообедать к себе на «Сибирский стрелок». «За этим обедом, — рассказывал Макаров, — я ясно увидел, какой адмирал обаятельный человек и очаровательный собеседник». В Вашингтоне Колчак, по просьбе Макарова, взял его с собой на должность флаг-офицера. В дальнейшем он всегда был верен адмиралу и сражался в его войсках³¹².

В Вашингтоне выяснилось, что Дарданелльская операция американского флота не состоится. Колчаку объяснили это нехваткой транспортного тоннажа. К тому же англичане, в частности Джеллико, сказали ему, решительно против такой операции, опасаясь, что она отразится на снабжении Великобритании из-за океана³¹³. Однако, как пишут американские историки, в архивах США не удалось обнаружить каких-то упоминаний об этой операции, так что, очевидно, она и не намечалась, а «Гленнон ходатайствовал о миссии Колчака в Америку ради его спасения»³¹⁴.

Предположение довольно странное, так как получается, что Гленнон просто обманул Колчака. Вряд ли такое могло быть, тем более что в Петрограде Колчак никакой опасности тогда не подвергался и о спасении не просил. Возможно, поиски в архивах были не очень тщательными и их следова-

ло бы продолжить. Но скорее всего детальной разработки операции в проливах не производилось и дело ограничилось общими разговорами.

Когда отпала главная причина, почему Колчак согласился ехать в Америку, его миссия приобрела по преимуществу военно-дипломатический характер.

В Вашингтоне Колчак прежде всего сделал визит русскому послу Б. А. Бахметеву. (Позднее в фондах российского МИДа обнаружилось выписки из письма Колчака к Тимирёвой³¹⁵; посол, как видно, почитывал его письма, посылавшиеся дипломатической почтой, и отправлял в Россию выписки — то ли по собственному почину, то ли по приказанию Терещенко или Керенского.) Затем были нанесены визиты военному и морскому министрам и государственному секретарю. Русские офицеры посетили главную морскую верфь и провели две недели в Военно-морском колледже в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Они основательно изучили уставы ВМС США, особенно в том, что касается дисциплины. Колчак и его спутники знакомили американцев со своим опытом ведения войны на море. Смирнов сделал доклад о методике штабных учений в Русском флоте и об организации его управления. Затем русские офицеры были приглашены на маневры Атлантического флота США. В течение недели они находились на борту флагманского корабля «Пенсильвания». «Американцы были чрезвычайно любезны не только в смысле внешней стороны, но и в смысле ознакомления меня с организацией маневрирования флота, управления им и т. д.», — вспоминал Колчак.

В свою очередь и русский адмирал оставил у американских военных моряков приятные воспоминания. Контр-адмирал Ньютон Маккалли писал позднее: «Среднего роста, очень тёмный, с узким разрезом глаз и непреклонным выражением лица... Он был простым, тактичным, с широким кругозором и полным сильнейшего чувства патриотизма к России. Проявлял заботу к офицерам своего штаба, а также к моряку-ординарцу...»

Колчак выразил желание посетить могилу адмирала Д. Фаррагута. Он совершил специальную поездку, чтобы возложить на неё венок. Американские офицеры, сопровождавшие Колчака, посчитали, что это было знаком уважения к заслугам американцев в полярных исследованиях. Но, возможно, Колчак тем самым хотел также отдать долг памяти «Маленькому Фаррагуту», своему другу Г. Дукельскому, у которого не было своей могилы.

16 октября (н. ст.) русская военно-морская миссия была представлена президенту США Вудро Вильсону.

Трудно сказать, что подтолкнуло президента к тому, чтобы принять русских моряков. Он вёл довольно уединённый образ жизни, редко принимал даже своих министров, а зарубежных гостей — и того реже. Россией прежде никогда не интересовался и мало о ней знал.

Всех, кто шёл на приём в Белый дом, особо предупреждали, что опаздывать нельзя: президент точен, «как астрономические часы». Делегацию провели в зал, где обычно дежурил офицер. Затем надо было пройти через несколько салонов и коридоров. Гостей президента Вильсона обычно поражало отсутствие здесь каких-либо истинно художественных произведений — картин или скульптур. Это говорило о том, насколько мало интересовался искусством 28-й президент США, встретивший русскую делегацию в Овальном кабинете.

Вильсону в ту пору было 60 лет. Он был, как всегда, тщательно одет и застёгнут на все пуговицы — в прямом и переносном смысле. И только очки как-то неуклюже, как плохой всадник, сидели на его крючковатом носу.

Не только разница в возрасте давала о себе знать во время этой короткой беседы. Они расходились едва ли не во всём — президент Вудро Вильсон и его гость адмирал Александр Колчак.

Вильсон — размеренный, холодный, с манерой говорить медленно и степенно. На лице — бесстрастная, непроницаемая маска. У Колчака на лице всегда всё было написано.

Вильсон никогда не курил, а алкоголь принимал только в аптечных дозах — для лечения. Колчак курил и спиртного не чуждался, хотя пьяницей не был. Посещение таких заведений, как «Привал комедиантов», Вильсон счёл бы неприличным.

Вильсон имел плохое здоровье и никогда не занимался спортом. Колчак в Морском корпусе был неплохим спортсменом, имел хороший запас здоровья, но растратил его в арктических экспедициях и двух войнах.

И, наконец, главное — интересы. У Колчака — это сложный и запутанный архипелаг, в центре которого Военное Дело. У Вильсона — широкая и прямая дорога под названием Внутренняя Политика США. Он досконально изучил эту трассу, которая привела его к власти, и сумел поставить на ней свои памятные вехи. А то, что находилось по сторонам, он знал мало и смутно и никогда этим по-настоящему не интересовался.

Аудиенция длилась несколько минут. Президент спросил насчёт военных действий на Балтике. К этому времени за-

вершились сражения за Моонзундские острова и Русский флот потерял Рижский залив. Почему это произошло? Колчак отвечал, что защитники Моонзунда имели хорошо укрепленные позиции, но состояние боевого духа во флоте сейчас таково, что другого исхода ждать было трудно. Ответ был достаточно откровенным, хотя и кратким, но американцам показалось, что русские офицеры не очень разговорчивы в этом вопросе.

Разговора не получилось, приём был окончен. И Колчак не увидел того момента, весьма редкого, когда Вильсон на мгновение вдруг сбрасывал маску и смотрел в глаза собеседника с выражением понимания и тёплого, дружеского участия. А Вильсон не узнал, каким интересным и обаятельным собеседником может быть русский адмирал.

Вообще же Колчак считал, что миссия в Америку не удалась. Надо возвращаться в Россию «и там уже разобраться в том, что делать дальше». В военных условиях ехать домой легче всего было через Тихий океан.

По пути к западному побережью США русские офицеры посетили Большой Каньон в штате Колорадо и Йосемитский национальный парк. В Сан-Франциско Колчак получил телеграмму из России с предложением выставить свою кандидатуру в Учредительное Собрание от кадетской партии по Черноморскому флотскому округу. Колчак ответил согласием, но его телеграмма запоздала. 12 (25) октября Колчак и его офицеры отправились из Сан-Франциско во Владивосток на японском пароходе «Карио-Мару». В Америке задержался только Смирнов³¹⁶.

* * *

Переход через Тихий океан занял две недели. В конце октября (ст. ст.) пароход прибыл в японский порт Йокогама, и здесь Колчак узнал, что в Петрограде произошёл переворот, к власти пришли большевики, которые собираются заключить сепаратный мир. За свою богатую событиями и в общем-то несчастливую жизнь Колчак привык, что обычно сбываются именно худшие опасения. Но происшедшее не укладывалось в рамки его личной жизни. Это уже не только личная катастрофа, считал он, а государственная. Это крушение России.

Из двух известий — большевистский переворот и сепаратный мир — для него самым худшим было второе. Большевиков он называл «хулиганствующими политиками», создавшими правительство «чисто захватного порядка». Но он

с ними, возможно, в конце концов даже примирился бы, если бы не сепаратный мир. Ибо по существу это был не мир, а капитуляция, позорное поражение, нанесённое врагом не силой оружия, а рассчитанной политикой внутреннего разложения. «Для меня было ясно, — вспоминал он, — что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от неё и окончательное уничтожение нашей политической независимости»³¹⁷.

Спасительный для другого человека аргумент «а что я могу сделать?» на Колчака не действовал. «...На меня же ложится всё то, что происходит сейчас в России, — говорил он самому себе, — хотя бы даже одно то, что делается в нашем флоте, — ведь я адмирал этого флота, я русский...» Выходило так, что он, Колчак, вольный или невольный участник всех этих событий, в том числе и сепаратного мира. Это создавало для него психологически невыносимую ситуацию. Сохранить душевное равновесие, не сорваться в бездну отчасти помогало другое жизненное правило, на котором он утвердился: «...*Виноват* тот, с кем случается несчастье, если даже он юридически и морально ни в чём не виноват. Война не присяжный поверенный, война не руководствуется уложением о наказаниях, она выше человеческой справедливости, её правосудие не всегда понятно, она признаёт только победу, счастье, успех, удачу — она презирает и издевается над несчастьем, страданием, горем — “горе побеждённым” — вот её первый символ веры»³¹⁸. Побеждённым он себя не считал. Значит — надо что-то делать.

Колчак сказал своим офицерам, что предоставляет им полную свободу — ехать в Россию или оставаться за её рубежами. Своё же возвращение на родину в создавшейся обстановке он считает невозможным. Он сообщил им о своём решении обратиться к английскому правительству с просьбой принять его на свою службу, чтобы он мог продолжать войну с Германией. К нему присоединились Вуич и Безуар. Кое-кто из других офицеров, постарше, всё же посчитал нужным вернуться домой, к семье.

Колчак явился на приём к английскому послу в Токио К. Грину и заявил, что он, русский адмирал, и двое его спутников, не признают сепаратного мира, заключаемого большевиками, и просят принять их на английскую службу для активного участия в войне, «как угодно и где угодно», хотя бы в качестве солдат. Английский дипломат с пониманием отнёсся к просьбе и обещал довести её до сведения своего правительства³¹⁹.

Все трое поселились в одной гостинице в Йокогаме. Недели через две Колчака вызвали в английское посольство и сообщили, что правительство Великобритании охотно принимает его предложение. К Колчаку был обращён вопрос: где бы он предпочёл служить? Адмирал отвечал, что у него «нет никаких претензий или желаний относительно положения и места, кроме одного — сражаться». Далее он сказал, что в английском флоте достаточно хороших адмиралов и что он не претендует на место в его рядах: пусть королевское правительство смотрит на него не как на флотоводца, а как на солдата, и «пошлёт туда, куда сочтёт наиболее полезным». Посол попросил Колчака и его спутников не уезжать из Японии до окончательного решения вопроса³²⁰. Англичане явно не знали, куда пристроить русского адмирала. Ожидание затянулось.

В Йокогаме обосновалась довольно большая русская колония, в основном из военных и гражданских чиновников. Колчак познакомился кое с кем, сделал два-три визита, принял ответных визитёров — и постарался быть от них подалее³²¹. Эти люди явно переживали события, ничего не делая. Они напоминали ему тех аристократов из императорского «Яхт-клуба», которые давали иронические советы и не собирались помочь, когда «Заря» становилась на бочки.

С Уичем и Безуаром он виделся каждый день, иногда, в качестве гида, показывал им достопримечательности, но предпочитал быть один. В Японии он полюбил одиночество. Приходили письма от Анны Васильевны. Запоздалые, отправленные ещё летом или в начале осени, они были словно голоса из прошлого. Он и сам теперь думал о ней только в прошлом (ревельский сад, белые ночи в Петрограде). Будущее ему представлялось в виде чёрной бездны. Оно не связывалось с Анной Васильевной.

На досуге он стал переводить с английского книгу китайского полководца VI—V веков до н. э. Сунь-цзы. В России в то время она была почти неизвестна. Китайский военный мыслитель писал, что военачальник должен быть прозорлив, обладать беспристрастностью, гуманностью, мужеством и строгостью. Подчёркивалось значение морального состояния войск. С большим знанием дела Сунь писал и о возможности достижения победы без боя — путём натравливания на противника его соседей, разжигания недовольства в его стране, провоцирования вмешательства в военные дела правителей и гражданских властей, доведения неприятельской армии до такого состояния, когда она становится опасной для своего государства. Читая это, Колчак понимал, что

развёртывающаяся в России драма — одна из повторяющихся мировых драм. И многое, оказывается, уже описано. Он должен был признать, что книга Суны производит «глубочайшее впечатление»: «В коротких императивных формах заключается такая глубина мысли, такое знание и понимание сущности и природы войны, что... перед Сунем бледнеет Клаузевиц»³²².

Устав от работы над переводом или придя в состояние, когда в голову начинали приходиться мысли о том, что японцы иносказательно называют «благополучным выходом», Колчак отправлялся в Камакуру, маленький и древний городок близ Токио. Там, у подножия Большого Будды, он приходил в себя, наполняясь его «экспрессией созерцания и отрешения», размышляя о «счастье покоя небытия» — высшей мечте всех, кто не знал в жизни покоя.

Камакура — это комплекс монастырей и храмов, буддийских и шинтоистских, на берегу Великого океана. По японскому обычаю каждый храм окружает обширный сад. Переходя от храма к храму, Колчак встречал на своём пути многочисленные чайные домики, лёгкие мостики, переброшенные через водоёмы, в которых плескались белые, красные и золотые карпы — и всё это тонуло в зелёных, жёлтых, багряных и фиолетовых красках японской осени.

Русским людям свойственно влюбляться в чужие края, далёкие страны. Колчак полюбил Японию. Ему нравились дисциплинированность и выдержка японского народа, романтическая рыцарственность самурайского духа (хотя он знал и оборотную его сторону). Во время этой почти трёхмесячной эмиграции он вновь заинтересовался философией буддизма. Настоятель одного из монастырей в Камакуре, образованный человек, говоривший по-английски и по-французски, дал некоторые советы относительно литературы. И Колчак погрузился в чтение, которое захватывало его всё более и более. Особенно увлекло его изучение одного из направлений буддизма — дзен-буддизма. Это «странное учение», писал он, представляет собой сочетание «чистого буддийского атеизма с глубочайшей мистикой, суровой морали стоической школы с гуманитарной философией Конфуция». «Свободное добровольное самоотречение чистого буддизма, — продолжал Колчак, — секта Зен заменяет особой дисциплиной в форме, распространяющейся даже на сознание и мышление. Секта Зен смотрит на дисциплину как на известную способность или искусство, которое можно развить определёнными приёмами, и развитие этой способности составляет одну из задач секты».

В том же письме к Анне Васильевне он коротко обмолвился о том, что изучение буддизма «совершенно поколебало» его представление о душе³²³. Колебания в вопросе о бессмертии души, как мы помним, были у Колчака после Порт-Артура. Теперь, видимо, произошло движение в обратную сторону. Неизвестно только, на каком понимании этого вопроса он остановился. По христианскому учению душа имеет начало и не имеет конца. По буддийскому — она не имеет ни начала, ни конца. Она вечна и бесконечна.

С дзен-буддизмом были связаны японские самурайские традиции. Интерес к ним привёл Колчака к новому увлечению — старинным японским оружием. В старых районах Токио он заходил в антикварные лавки, рассматривал в них образцы холодного оружия. «Перед моими глазами, — писал он, — прошли десятки великолепных старых клинков, и надо было сделать большое усилие, чтобы удержаться от покупки...» И он всякий раз удерживался, потому что хотел только одного — купить клинок, изготовленный оружейниками Миочин. Знаменитая династия мастеров, известная в двадцати двух поколениях (1200—1750), снабжала оружием сёгунов (военных правителей Японии) и владетельных князей. В критический свой час японский самурай прибегал именно к такому клинку, чтобы сделать себе харакири. Использовать другое оружие для этой цели он считал ниже своего достоинства. Эти клинки, писал Колчак, «действительно — сама поэзия, они изумительно уравновешены и как-то подходят к руке ...с железным мягким основанием, великолепно полирующимся, с наварным стальным лезвием, принимающим остроту бритвы, с особым тусклым матовым оттенком и характерной зигзагообразной линией сварки железа и стали».

Однажды, где-то в предместье Токио, он зашёл в довольно убогую лавку. Хозяин по его просьбе принёс несколько старинных сабель и кинжалов в великолепных ножнах, покрытых лаком с бронзовыми украшениями. Колчак, однако, знал, что ножны — всегда позднейшего происхождения. Он в очередной раз отверг всё предложенное: Тогда старый японец, вновь сходя в кладовую, показал ещё один клинок — и посетитель сдался.

Нет, это не было произведение династии Миочин. Это был клинок Го-но-Иосихиро, одного из первоклассных мастеров своего времени — первой половины XIV века³²⁴. Это оружие предназначалось не для торжественных церемоний и не для самоубийств. Это было оружие для боя, и кто знает, сколько войн оно повидало, сколько воинов сжимало его рукоять.

С тех пор Колчак, когда ему становилось особенно трудно, обычно по вечерам, садился к камину, выключал электричество, брал в руки клинок и начинал его рассматривать. При свете пляшущих языков пламени клинок как бы оживал, по его поверхности скользили тени, появлялись и исчезали какие-то едва различимые образы, потом всё тонуло в тумане и вновь всплывало. Словно и впрямь, как гласило японское предание, в оружии оставалась «часть живой души воина»³²⁵. Это успокаивало. Он ведь тоже воин, и, быть может, когда-нибудь и его тень будет скользить по матовой поверхности этого клинка, скрывающего в себе часть его вечно живой души.

30 декабря 1917 года (ст. ст.) Колчаку сообщили, что он и его спутники направляются на Месопотамский фронт (территория нынешнего Ирака). Решение английского руководства, видимо, было вызвано тем, что Колчак хорошо знал прилегающий к Месопотамии Кавказский военный театр. После взятия Багдада английские войска вели наступление на Мосул, и в дальнейшем предполагалось соединение с русским Кавказским фронтом. Теперь, правда, это отпало в связи с развалом русской армии.

Хотя решение было неожиданным, но Колчак приободрился, ибо эмиграция его всё же сильно тяготила. «Вопрос решён — Месопотамский фронт, — писал он Анне Васильевне. — Я не жду найти там рай, который когда-то был там расположен, я знаю, что это очень нездоровое место с тропическим климатом, большую часть года с холерой, малярией и, кажется, чумой, которые существуют там, как принято медициной выражаться, эндемически, т. е. никогда не прекращаются. Мне известно, что предшественник командующего Месопотамским фронтом умер от холеры. Неважная смерть, но много лучше, чем от рук сознательного пролетариата или красы и гордости революции»³²⁶. (Последнее выражение относилось к взбунтовавшимся матросам.)

Это писалось, видимо, уже тогда, когда в газетах появились известия о массовых убийствах офицеров в Черноморском флоте. «Наконец-то Черноморскому флоту не стыдно перед Балтийским», — со злой иронией сказал Колчак.

Первая волна убийств произошла в середине декабря 1917 года. Тех, кто сидел в тюрьме, расстреливали на Малаховом кургане. Попавшихся на улицах города и на вокзале убивали чем попало. За два дня погибло 128 человек. Вторая волна, в феврале 1918 года, была ещё более кровавой. Тогда, по одним данным, было убито около 250 человек, по другим — 800³²⁷. Истина, наверно, где-то посередине. Лейте-

нант Левговд, очевидец этих событий, писал, что «50-тысячная матросская масса в слепом оцепенении и смертельном страхе не смела помешать нескольким тысячам преступников в течение многих месяцев наполнять все уголки Черноморского побережья стонами умирающих и слёзами осиротевших»³²⁸.

Колчака постоянно занимали мысли о его семье. Последнее известие о ней относилось к началу осени. После этого никаких ответов на свои письма и телеграммы он не получал. Отправлявшихся в Россию офицеров он просил навести справки, передавал с ними письма — и вновь оставался без ответов³²⁹.

В это время Софья Фёдоровна и Славушка скрывались у разных знакомых и в матросских семьях, которые помнили своего бывшего командующего. Потом Софья Фёдоровна отправила Славушку к своим знакомым в Каменец-Подольский³³⁰.

Колчак выехал из Японии в первой половине января 1918 года (ст. ст.). Это путешествие от Йогогамы через Шанхай (с длительной задержкой) до Сингапура, где оно прервалось, заняло около двух месяцев.

* * *

29 марта 1918 года (окончательно переходим, дорогой читатель, на новый стиль), душной тропической ночью, Колчак сидел на веранде сингапурского отеля «Европа». Перед ним на столе стоял портрет Анны Васильевны, и он писал ей очередное письмо.

Он сообщал, что здесь, в Сингапуре, получил настоятельную рекомендацию немедленно возвращаться в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири. Новое поручение являлось секретным. Подробно о нём Колчак должен был узнать от русского посланника в Пекине князя Н. А. Кудашева, а пока мог строить только догадки.

«Милая моя Анна Васильевна, — писал Колчак. — ...Я сам удивляюсь своему спокойствию, с каким встречаю сюрпризы судьбы, меняющие внезапно все намерения, решения и цели... Я почти успокоился, отправляясь на Месопотамский фронт, на который смотрел почти как на место отдыха... кажется, странное представление об отдыхе, но и этого мне не суждено, но только бы кончилось это ужасное скитание, ожидание, ожидание...»

Отсюда, из Сингапура, Россия казалась страшно далёкой. А здесь всё было чужим. «Даже звёзды, на которые я всегда

смотрел, думая о Вас, здесь чужие, — писал он, — Южный Крест, нелепый Скорпион, Центавр, Арго с Канопусом — всё это чужое, невидимое для Вас, и только низко стоящая на севере Большая Медведица и Орион напоминают мне о Вас...»³³¹ По-видимому, Колчак был далёк от астрологии и не знал, что рождён под созвездием Скорпиона, что в его изгибах, казавшихся ему нелепыми, таится новый поворот его судьбы. Впрочем, и собственная судьба ему начинала казаться нелепой, хотя он не страшился её поворотов...

С первым же пароходом Колчак вернулся в Шанхай. На этом закончилась, не успев начаться, его служба английской короне.

В Шанхае Колчак повидался с А. И. Путиловым, председателем Правления Русско-Азиатского банка, в ведении которого находилась КВЖД, построенная в основном на государственные деньги. Путилов отчасти «просветил» его относительно миссии, которую предполагалось на него возложить³³².

Из Шанхая по железной дороге Колчак отправился в Пекин и там явился к Кудашеву. Возможно, они были знакомы и ранее. Колчак бывал в Ставке, а Кудашев возглавлял там дипломатическую канцелярию. Сослуживцы отзывались о нём с большой похвалой: держит себя просто, перед начальством не заискивает, своим княжеским происхождением не кичится. Алексееву нравилось, что сложные дипломатические вопросы он умел доложить коротко и ясно³³³.

Кудашев сообщил Колчаку, что именно он настоял на его командировке в Китай, надеясь с его помощью решить некоторые задачи. Ближайшая из них заключается в спасении КВЖД как русской собственности. Русско-Азиатский банк национализировали большевики. Правда, Парижское его отделение перехватило власть над зарубежными филиалами, и банк можно считать восстановленным. Но Правление КВЖД, находящееся в Петрограде, арестовано, и китайские власти могут забрать в свои руки дорогу как «бесхозное» предприятие. Во избежание этого надо восстановить Правление здесь, в Китае. В штатном расписании дороги, продолжал Кудашев, числится охранная стража. Наблюдение за ней и предполагается поручить Колчаку.

Далее дипломат перешёл к главной сути возлагаемой на адмирала задачи. Прогерманское правительство большевиков вызывает противодействие во всех концах страны. На Юге генералами М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым создана Добровольческая армия. Противобольшевистские силы организируются и на Дальнем Востоке, в частности, в полосе от-

чуждения КВЖД — отчасти на её средства, а также на деньги, получаемые от союзников по борьбе с Германией. Но всё это делается хаотично, отдельные отряды соперничают друг с другом, и генералу М. М. Плешкову не удаётся объединить их и подчинить дисциплине. Главный способ объединить отряды, говорил Кудашев, — добиться того, чтобы все средства шли через одни руки, то есть через правление КВЖД. Когда эти части сформируются в солидную вооружённую силу, их можно будет двинуть против большевиков.

Отдельный вопрос — Особый маньчжурский отряд атамана Семёнова, который с прошлого года с переменным успехом ведёт борьбу с большевиками. В настоящее время положение его трудное. Он базируется на станции Маньчжурия, начальном пункте КВЖД. Атаман поддерживается и финансируется японцами. Колчак спросил, каковы будут его взаимоотношения с Семёновым, кто будет иметь приоритет. Кудашев ответил: «Конечно, вам придётся войти с Семёновым в компромисс».

В Пекине состоялась встреча Колчака с Д. Л. Хорватом. Патриархального вида генерал с длинной бородой занимал должность управляющего КВЖД со времени её пуска. Он же был и главноначальствующим в полосе отчуждения. Хорват обладал давними связями в дипломатическом мире Дальнего Востока и пользовался авторитетом в Китае и Японии. А кроме того, в его руках были немалые средства, которыми располагала дорога. В Пекин он приехал в связи с намечавшейся реорганизацией Правления. Хорват сказал Колчаку, что прежде всего надо оформить его положение в штатах КВЖД. В Правление всегда входил военный человек, который ведал охраной дороги и вообще военно-стратегической стороной дела. Это место и должен теперь занять адмирал Колчак³³⁴.

10 мая 1918 года состоялось заседание акционеров КВЖД, избравшее новое Правление. Его председателем стал генерал Янь Шицин, губернатор провинции Гири. Так был достигнут компромисс с китайскими властями. На должность директора-распорядителя был переизбран Хорват. В Правление вошли также А. В. Колчак, А. И. Путилов, Л. А. Устругов (инженер путей сообщения, комиссар Сибирской железной дороги при Временном правительстве) и другие лица. Колчак был назначен главным инспектором охранной стражи КВЖД. Ему было поручено заведование всеми русскими вооружёнными силами в подконтрольной ей полосе³³⁵.

Административным центром КВЖД был Харбин. После падения Порт-Артура он стал основным местом, где Россия и Китай обменивались товарами, знаниями, опытом, где

встречались и учились друг у друга две великие культуры. Город быстро строился. Рядом со Старым Харбином вырос Новый, с каменными домами, мощёными улицами, большими магазинами. Накануне мировой войны в нём проживало 72 тысячи человек. Свыше половины составляли русские — чиновники, военные, предприниматели, приказчики, интеллигенция, рабочие. В городе было несколько больниц, открылась гимназия, в школах и коммерческих училищах (мужском и женском) вместе с русскими обучались и китайские дети³³⁶.

В годы войны продолжался экономический рост Харбина, а потом наступили беспокойные времена. На некоторое время здесь установилась Советская власть, но китайские генералы прогнали «совдепов». Однако прежняя благополучная и спокойная жизнь уже не вернулась. Раньше Харбин был дешёвым городом, а теперь всё вздорожало — из Сибири, спасаясь от большевиков, понаехало много состоятельных людей, которые не стеснялись в расходах. В шантанах и кабаках рекой лилось вино. Молодые офицеры и кадеты, избежав злой участи многих своих товарищей, веселились «на всю катушку», допуская далеко не безобидные выходки³³⁷.

Колчак приехал в Харбин 11 или 12 мая. Правда, в «Дневнике» генерала А. П. Будберга его имя впервые упоминается 10 мая: «Совершенно неожиданно главнокомандующим назначен появившийся откуда-то и, как говорят, специально привезённый сюда адмирал Колчак; сделано это ввиду выявившейся неспособности Плешкова заставить себя слушать. Надеются на имя и решительность адмирала, гремевшего во флоте»³³⁸. Но, очевидно, адмирал в этот день, когда его избрали в Правление, был ещё в Пекине, и Будберг записал поступившие оттуда сведения.

Первые дни по приезде Колчак знакомился с городом и людьми. Многие харбинские названия заставляли вспомнить его родной город: Садовая улица, Первая, Вторая и Третья линии, Большой проспект, Крестовский остров... Но название главной улицы — Китайская напоминало о том, что здесь не Россия, а Сунгари, с её жёлтыми водами, мало походила на Неву.

В полосе отчуждения, включая Харбин, действовало несколько вооружённых формирований. Самый большой из них, Особый маньчжурский отряд атамана Семёнова, фактически Хорвату не подчинялся. Попытки закрепиться на русской территории не удались, и теперь отряд отходил к границе. В семёновском отряде насчитывалось до 5 тысяч

человек³³⁹. В отряде полковника Н. В. Орлова, располагавшемся в Харбине, состояло около 2 тысяч человек — пехоты, кавалерии и артиллерии³⁴⁰. Этот отряд формировался примерно так же, как Добровольческая армия на Юге России, — из офицеров, спасавшихся от большевиков и разгулявшихся солдат и матросов. Однако сюда, на Дальний Восток, приток беженцев был слабее.

На восточном конце КВЖД, на станции Пограничная, обосновался отряд атамана И. М. Калмыкова. Маленький и тщедушный атаман, живший, как монах, в тесной камерке с железной кроватью и Библией, был одним из тех колоритных самодуров, коих выплеснули революция и гражданская война. В свой отряд он принимал решительно всех желающих, вплоть до беглых красноармейцев. Но расстреливал своих столь же беспощадно, как и чужих. Все члены отряда совершали примерно одни и те же безобразия, но почему одних он карал, а других нет — никто не мог понять³⁴¹. Семёновский и калмыковский отряды получали деньги и оружие от японцев, грабили население, русское и китайское, а также скопившиеся на станциях составы. Калмыковский отряд был меньше семёновского. Другие отряды, сформировавшиеся в Харбине и на КВЖД, были совсем малочисленны.

11 мая в харбинских газетах было напечатано интервью с Колчаком, который обещал восстановить законность и порядок. Прежде всего адмирал решил прибрать к рукам орловцев, которые, как отмечал Будберг, по своему составу были «много лучше семёновских... меньше распущены и менее развращены»³⁴².

Колчак приехал в казармы орловского отряда, познакомился с командованием, побеседовал с рядовыми членами, принял приглашение на вечеринку, которая устраивалась в одной из рот по случаю её праздника. За праздничным столом поднимались тосты «за Родину», «за Белую мечту», «за главного вождя и героя адмирала Колчака». Адмирал говорил ответные тосты и, наверно, впервые за последнее время оттаял душой, оказавшись среди своих по духу людей и загоревшись их воодушевлением³⁴³.

Известие, полученное на следующий день, было как ушат холодной воды. На окраине Харбина, в огородах, нашли изрубленный труп некоего Уманского, бывшего преподавателя Хабаровского кадетского корпуса. Говорили, что он выдавал большевикам прятавшихся кадет, а потом зачем-то и сам перебрался на КВЖД. Никто не знал, чьих рук это дело. Одни кивали на орловцев, другие на калмыковцев. В обоих отрядах были хабаровские кадеты. Среди рабочих и простых

обывателей поднялся ропот. И те и другие были недовольны растущей дороговизной, волной преступности и скучали по большевикам, которые задаром вселяли их в буржуйские квартиры. Рабочие железнодорожных мастерских грозили забастовкой.

Вопрос разбирался в вагоне у Колчака в присутствии начальника его штаба генерал Б. Р. Хрещатицкого, полковника Орлова и местного прокурора. Выслушав собравшихся, Колчак попросил прокурора постараться найти виновных³⁴⁴.

Печальный инцидент с Уманским не отразился на взаимоотношениях Колчака с орловским отрядом, который стал надёжной его опорой. Теперь следовало как-то наладить отношения с атаманом Семёновым.

28-летний Григорий Михайлович Семёнов в ту пору был атаманом самочинным, поскольку лишь в октябре 1918 года амурские и уссурийские казаки избрали его своим походным атаманом, а забайкальские — ещё позднее, когда он утвердился в Чите.

Родился будущий атаман в семье забайкальского казака на пограничном карауле Куранжи. Мать его, говорят, была бурятка. Детство протекало в тесном общении с бурятскими и монгольскими сверстниками. Семёнов выучил их языки и стал своим человеком в среде этих народов.

Оренбургское казачье училище стало для диковатого подростка своего рода «университетом». Там он не только познал азы военного дела, но отчасти приобщился и к культуре. Писал стихи, в коих описывал страдания простого народа. С увлечением читал Белинского, Добролюбова и Писарева. Но началась служба на далёкой окраине, и молодой офицер вновь окунулся в ту первобытную обстановку, из которой вышел. Стихи забросил, но, как видно, сохранил неприязнь к барам, начальству и генералам.

Во время войны совершал лихие набеги в тыл неприятеля, стал георгиевским кавалером, побывал на Месопотамском фронте, куда не доехал Колчак. А потом Временное правительство назначило его комиссаром по организации добровольческих частей из бурят и монголов. Ему присвоили чин есаула, что соответствовало капитану в армейской пехоте. Свой отряд он сформировал как раз к октябрю 1917 года и с ним начал борьбу против большевиков, которых воспринимал как «красных господ».

Первое время, не имея ни денег, ни оружия, отряд бедствовал. Семёнов обращался за помощью к русскому, английскому и французскому консулам в Харбине. Но эти господа воротили нос от малообразованного офицера. Тогда он

явился к японскому консулу. Здесь, наоборот, за него ухватились. И впоследствии, когда уже отгремела гражданская война, Семёнов с большой теплотой вспоминал о японских офицерах Куросава и Куроки, которых считал лучшими своими друзьями. От японцев Семёнов получил деньги и оружие. Конечно, это сопровождалось советами и наставлениями. Но, как видно, они делались весьма деликатно. А кроме того, Семёнов был не настолько уж дик, чтобы кусать руку, которая его кормила.

Советы и наставления касались не только конкретных действий, но имели и общетеоретический характер. Семёнов многое усвоил из японской военно-политической доктрины. В своих воспоминаниях он писал о необходимости «большой работы на пути объединения народов Востока и создания Великой Азии». С этими взглядами связаны и планы выделения русского Дальнего Востока в автономную область под протекторатом Японии, которые он вынашивал в годы гражданской войны.

Весной 1918 года семёновское воинство состояло из слабо спаянных между собой бурятских, монгольских и казачьих отрядов. Но главную его экзотику представляло ближайшее аристократическое окружение атамана. Барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг и граф А. И. Тирбах, молодые офицеры-сорвиголовы и анархисты в погонах, сумели преодолеть недоверие Семёнова к «господам», доказать ему свою преданность, в какой-то мере подчинить его своему влиянию и совсем уж испортить его репутацию. Ибо в самоуправстве, грабежах, порках населения и расстрелах неугодных лиц они немало его превосходили. И, наверно, больше всего именно им нравилась надпись, которую Семёнов сделал на дверях своего вагона: «Без доклада не входить, а не то выпорю»³⁴⁵.

Колчак знал, что с Семёновым ему предстоят трудные переговоры, но надеялся, что чувство долга и патриотизма подскажет обоим, как найти компромисс. Незадолго до отъезда на станцию Маньчжурия Колчак встречался с главой японской военной миссии генералом Накашимой. Адмирал ознакомил его с планами развёртывания русских частей на КВЖД и с размерами желательных поставок оружия. (Только Япония, фактически не занятая в войне, имела тогда свободное вооружение.) Генерал сказал, что такие поставки вполне возможны, а затем неожиданно спросил: «Какие вы компенсации можете предоставить за это?» Колчак ответил, что за оружие заплатит дорога. Генерал разъяснил, что финансовый вопрос его не интересует. Обнаружив, что Нака-

шима клонит куда-то в другую сторону, Колчак ответил, что говорить о других компенсациях у него нет полномочий.

Затем Колчак обратился к японскому представителю ещё с одной просьбой: поставлять оружие и деньги не непосредственно разным отрядам, а через один центр — хотя бы через Хорвата. Ибо сепаратные поставки — главная причина недисциплинированности и неподчинения этих отрядов, вследствие чего невозможно согласовать их действия. Генерал в общей форме обещал учесть эту просьбу и спросил: «Вы к Семёнову поедете?» Колчак ответил, что очень скоро³⁴⁶.

О приезде адмирала атаман был предупреждён телеграммой. Колчака сопровождали полковник Орлов, лейтенант флота Н. Ф. Пешков и П. В. Оленин, старый знакомый Колчака, представлявший в данном случае харбинскую общественность. Конвоировал делегацию отряд орловцев.

К немалому удивлению Колчака и его спутников, перрон обычно оживлённой станции оказался пуст. Колчака не только никто не встретил, но и все пассажиры куда-то исчезли. Ординарцы нашли на вокзале семёновского генерала М. П. Никонова. Он был одет по-домашнему и на станцию зашёл как бы случайно. Его попросили к адмиралу, и он сказал, что Семёнов находится по ту сторону границы и ведёт бой.

Колчак пригласил Никонова в свой вагон. Тем временем Пешков произвёл собственную разведку и выяснил, что Семёнов сидит дома. Тогда у лейтенанта родился план: пусть Александр Васильевич запросто, не как адмирал, а только как русский человек явится к атаману и обо всём с ним договорится. В реальности своего плана он убедил сначала Орлова и Оленина, а затем они втроём пошли убеждать Колчака.

Никонов к этому времени уже ушёл. «Адмирал, — вспоминал Орлов, — угрюмо ходил взад и вперёд по вагону... Увидя вошедших, на минуту остановился, взглянул на них, пригласил садиться и снова зашагал».

Сопоставление воспоминаний Орлова и Колчака говорит о том, что пришедшие не знали того, что знал адмирал. «...Затем мне совершенно определённо заявили, — рассказывал Колчак, — что Семёнов получил инструкцию: мне ни в коем случае не подчиняться». Кто заявил? Может, старый генерал Никонов проговорился, или кто-то другой успел уже сообщить.

Орлов, Пешков и Оленин доложили обстановку и не очень уверенно изложили свой план. Колчак продолжал ходить по вагону, а когда все трое замолчали, с минуту подумал и сказал:

— Хорошо, я сделаю то, о чём вы просите.

Уже вечерело, накрапывал дождик. Достали фонари, и адмирал в сопровождении нескольких человек отправился искать вагон, где сидел атаман.

Через час делегация вернулась. Колчак, выглядевший ещё более угрюмым, приказал ехать. Перрон вдруг заполнился публикой, которую всё это время где-то держали и, видимо, настраивали против адмирала. Потому что вела она себя недружелюбно, а когда поезд тронулся, некоторые дамочки показывали вслед ему кукиш³⁴⁷.

Колчак и Семёнов по-разному рассказывали об этой единственной их встрече. Но в общем можно понять, о чём шла речь.

В воспоминаниях Семёнова много дезинформации. Он утверждал, что все эти дни сражался с красными, и однажды ему сообщили, что адмирал прибыл на станцию Маньчжурия и желает его видеть. Семёнов оставил позицию и явился к Колчаку. «По-видимому, настроенный соответствующим образом в Харбине, — продолжал атаман, — адмирал встретил меня упрёками в нежелании подчиняться Харбину, вызывающем поведении относительно китайцев и слишком большом доверии к моим японским советникам, влиянию которых я якобы подчинился». По мнению адмирала, сообщал атаман, Япония и США «стремились использовать наше затруднительное положение в своих собственных интересах», добиваясь ослабления России на Дальнем Востоке. В ответ Семёнов якобы говорил, что в своё время, приступая к формированию отряда, он предлагал Колчаку и Хорвату его возглавить, но они отказались (Колчак тогда был в Японии и вряд ли что-то слышал о Семёнове и его отряде), а теперь отряд окреп, и он, Семёнов, не потерпит вмешательства в его дела и будет давать отчёт «только законному и общепризнанному Общероссийскому правительству». «Свидание наше, — писал Семёнов, — вышло очень бурное, и мы расстались явно недовольные друг другом... От этой встречи с адмиралом у меня осталось впечатление о нём, как о человеке крайне нервном, вспыльчивом и мало ознакомленном с особенностями обстановки на Дальнем Востоке»³⁴⁸. Надо, однако, заметить, что многие мемуаристы, особенно из числа недругов Колчака, сильно преувеличивают его вспыльчивость.

Колчак же вспоминал, что разговор с Семёновым был совсем не бурным и довольно коротким. «В чём дело? — спросил Колчак. — Я приезжаю сюда не в качестве начальника над вами, я приехал с вами поговорить об общем деле

создания вооружённой силы... Я привёз вам денег от Восточно-Китайской железной дороги». Он предполагал передать Семёнову 300 тысяч руб. Семенов отвечал, что он ни в чём не нуждается, деньги и оружие получает от Японии, а от Колчака ему ничего не нужно. Колчак сказал, что в таком случае помощь от дороги ему оказана не будет, а эти деньги пойдут на нужды других частей³⁴⁹. Здесь разговор с Семёновым представлен в сильно сжатом виде — как-никак он длился около часа.

Разыгранный на станции спектакль явно был подготовлен, и только посещение Колчаком семёновского вагона не входило в сценарий. Здесь атаману пришлось импровизировать. И он действовал, надо думать, не только под влиянием японских инструкций, но и исходя из своего предвзятого отношения к «господам». В адмирале он видел одного из них. Имелось и опасение, что переход под командование Колчака и Хорвата поставит его в разряд заурядных командиров.

После разговора с Семёновым Колчак с горечью пришёл к выводу, что этот отряд, самый большой, для него потерян. Он перестал интересоваться им и брать его в расчёт. Он утешал себя мыслью, что забайкальское направление, где действовал Семёнов, не имеет первостепенного значения. Иное дело — владивостокское. Станция Пограничная, где сидел Калмыков, была расположена на русской территории. От неё до Владивостока — рукой подать. Занятие Владивостока, с его большими военными складами, сразу решило бы вопрос об оружии. Поэтому главную свою задачу Колчак видел в подготовке имеющихся у него отрядов, главным образом орловского, для операций на Владивосток. Он начал создавать также военную флотилию на Сунгари.

Японское командование разведало о планах Колчака и забеспокоилось. Занятие Колчаком Владивостока не входило в его расчёты. У Колчака состоялась новая встреча с Накашимой. Генерал пообещал поставить вскоре оружие и, между прочим, посоветовал забрать у Семёнова орловскую кавалерию, когда-то ему переданную. Колчак понял, что его подталкивают к новому столкновению с Семёновым. «Я бываю очень сдержан, — говорил он впоследствии, — но в некоторых случаях я взрываюсь». В совете Накашима он уловил насмешку и провокацию и повёл себя недипломатично. Он сказал, что, наверно, вернул бы эти части, если бы Накашима ему не мешал. А потом выложил всё — и насчёт денег, переданных атаману вопреки его возражениям, и насчёт инструкций, и насчёт инсценировки на станции. А в заключение обвинил генерала в подрыве дисциплины в русских

формированиях. На это Накашима обиженно ответил: «Я японский офицер, я никогда не позволил бы себе нарушение дисциплины в каких-нибудь других частях. Вы наносите мне тяжкое обвинение...» — и собеседники холодно растались. После этого груз оружия был задержан в Дальнем³⁵⁰.

Семёновцы же — очевидно, под воздействием японцев — начали задерживаться против верных Колчаку отрядов. Однажды Колчак получил от начальника одной из станций КВЖД телеграмму о том, что отряд семёновцев во главе с хорунжим Боршевским грабит цейнгаузы и местное население, а сопротивляющихся порет. Колчак выслал туда взвод орловцев. Семёновцы под конвоем были доставлены в Харбин. Адмирал приказал разоружённых солдат отпустить, а хорунжего отдать под суд: «То, что суд постановит, то и сделаю: постановит суд, чтобы его расстрелять — расстреляю, постановит, чтобы послать куда-нибудь — пошлю».

В Харбин срочно примчался Семёнов. В колчаковский штаб явился семёновский представитель в Харбине полковник Л. Н. Скипетров и заявил, что если Боршевского не освободят, он арестует двух офицеров-орловцев. Адмирал ответил, что тогда он арестует трёх семёновцев. Скипетров ушёл со словами: «Ну а я буду арестовывать всегда на одного больше». Разнёсся слух, что Семёнов хочет арестовать самого Колчака. Адмирал продолжал свободно ходить по городу, но на железнодорожной станции сложилось напряжённое положение. 29 мая Будберг записал в дневнике, что «всю ночь адмиральский вагон охранялся орловцами с пулемётами, а стоявший недалеко семёновский поезд находился в боевой готовности, выставив пулемёты из окон и направив их в вагон главнокомандующего»³⁵¹.

В конце концов Семёнов отступил и уехал, а Скипетров возобновил свои кутежи с катанием женщин на автомобиле по ночному городу³⁵².

Японская военная миссия тем временем стала предпринимать попытки «сманивания» и разложения орловского отряда. К Орлову явился подполковник Куросава и стал уговаривать его перейти к Семёнову. Колчак — морской офицер, говорил Куросава, он не может командовать сухопутными войсками. Подобные же беседы велись и с другими офицерами орловского отряда. Но никто из них, включая Орлова, на уговоры не поддавался³⁵³.

В такой обстановке Колчак решил поспешить с выдвиганием орловского отряда на восток. 1 июня он выдвинулся на станцию Пограничная. Но из-за недостатка боеприпасов пришлось задержаться с началом боевых операций. Ни ор-

ловцы, ни сам Орлов этой «ссылкой» не были довольны, считая, что здесь они зря проводят время. Плохо на отряд действовало и близкое соседство с всегда пьяными калмыковцами³⁵⁴.

Между тем резко обострились отношения Колчака с Хорватом, который оказался не таким стойким, как Орлов и орловцы. Ещё во время инцидента с Боршевским Колчак и Хорват сильно разошлись во мнениях, и речь зашла об отставке Колчака. Однако к Хорвату явилась делегация в составе полковника Орлова, его начальника штаба Венюкова и русского консула Попова, которая потребовала оставить Колчака на посту главнокомандующего. Хорват тогда отступил. Но через неделю после отбытия орловцев из Харбина он своей властью сместил Колчака и на его место вновь назначил Плешкова. После этого Хорват уехал в Пекин, видимо, для консультаций с Кудашевым.

Колчак отказался оставить должность и вызвал в Харбин роту орловцев, а Кудашев не поддержал Хорвата. Между Колчаком и вернувшимся из Пекина Хорватом, как говорят, произошла бурная сцена. Потом на вопрос Хрещатицкого, как быть с адмиралом, Хорват ответил: «Надо потерпеть». В эти же дни японцы устраивали официальный обед по случаю отъезда Накашимы. Колчак приглашён не был. Подвыпивший генерал открыто поносил Колчака и советовал русским офицерам прогнать его прочь³⁵⁵.

В ту пору, когда Колчак с маленьким отрядом противостоял воле великой державы, он получил неожиданную и очень сильную моральную поддержку. 12 мая вдруг пришло письмо от Анны Васильевны. Оказалось, что она с мужем на Дальнем Востоке и случайно узнала его адрес. «Несколько раз я брал в руки письмо, и у меня не хватало сил начать его читать, — писал он в ответ. — Что это, сон или одно из тех странных явлений, которыми дарила меня судьба?»³⁵⁶

Вскоре Анна Васильевна выехала в Харбин, предупредив телеграммой. Они должны были встретиться на вокзале, после почти годовой разлуки, совершив навстречу друг другу путешествие в несколько тысяч вёрст, и... не узнали друг друга в толпе. Анна Васильевна носила траур по своему отцу, умершему в феврале, а Александр Васильевич был в орловской форме защитного цвета. Такими они друг друга никогда не видели.

Анна Васильевна уехала к своей подруге. На следующий день она разыскала его вагон, но не застала его там и оставила записку. Вечером они, наконец, встретились.

Сначала он навещал её в семье подруги, а затем попро-

сил переехать в гостиницу. Он приходил к ней по вечерам, усталый, измученный, ругал «старую швабру Хорвата». У него началась бессонница. А перед Анной Васильевной встал вопрос, возвращаться ли к мужу. Колчак в шутилой форме говорил, что она может не возвращаться. Конечно, она понимала, что он не шутит. Тогда она заговорила всерьёз, и он сказал, что решать должна она сама.

Однажды он заснул у неё на руках. И она, глядя на него, спящего, решила, что больше никогда с ним не расстанется³⁵⁷. С этого времени и до конца его жизни она стала его надёжной опорой.

Конфликт с Хорватом вроде бы уладился. Но не в нём было дело. Поход на Владивосток нельзя было начинать, не получив оружия и боеприпасов. И только Япония могла это дать. Дело зашло в тупик. Между тем из Сибири доходили вести о восстании чехословаков и свержении там Советской власти. Надо было действовать. Колчак решил съездить в Японию. Он всё же думал, что Накашима занимался в основном самодеятельностью, а не исполнял инструкции японского Генерального штаба.

30 июня Колчак уехал в Японию. Недели через две Н. В. Орлов получил от него письмо. «В интересах общего нам дела, — писал Колчак, — я решил покинуть Харбин и отправиться в Японию. Вместо меня командующим Российскими войсками остаётся генерал Хрещатицкий... Свою настоящую миссию я признаю необходимой, так как нам нужна материальная помощь иностранцев. И я буду пока работать здесь в этом направлении... Итак, будем продолжать наше служение Родине с прежней энергией и верой-надеждой на осуществление нашей заветной Белой Мечты»³⁵⁸.

* * *

В Японии Александра Васильевича уже ожидала Анна Васильевна. Вскоре, однако, пришло письмо от её мужа, С. Н. Тимирёва, и ей пришлось ехать во Владивосток решать свои семейные проблемы.

Сергей Николаевич хотел сохранить семью, но Анна Васильевна была неумолима, даже жестока. Наверно, она была права: и в самом деле пришла пора так или иначе разрубить этот затянувшийся узел. В июле 1918 года их брак был расторгнут постановлением Владивостокской духовной консистории³⁵⁹. Анна Васильевна вернулась в Японию к Александру Васильевичу. Маленький сын Тимирёвых, Володя, жил в Кисловодске у своей бабушки В. И. Сафоновой.

В Токио Колчак явился к послу В. Н. Крупенскому с просьбой устроить ему встречу с руководством японского Генерального штаба. Посол был недоволен тем, как вёл себя Колчак с японцами: «Вы поставили себя с самого начала в слишком независимое положение по отношению к Японии... Они себе составили мнение о вас, как о своём враге... и поэтому они, конечно, вам не только помощи не будут оказывать, но будут оказывать противодействие вашей работе». Однако просьбу Колчака посол всё же выполнил.

Аудиенция у начальника Генштаба генерала Ихары носила, по-видимому, протокольный характер. Разговор по существу шёл с его помощником, генералом Танакой. В беседе участвовали также посол Крупенский и генерал Н. А. Степанов, приехавший с Юга России. Адмирал сказал, что он считает Японию державой, дружественной России. Сам он остаётся верен союзническому долгу в общей войне с Германией. Он просил у японских представителей помощи в приобретении небольшой партии оружия, чтобы выбить из Владивостока красные части, состоящие в основном из венгерских и немецких военнопленных. К сожалению, его действия были неправильно поняты, и он натолкнулся на скрытое и открытое противодействие.

— ...Ваше превосходительство, — говорил Колчак, — если бы в моём распоряжении был огромный корпус, к которому можно было бы применить метод разложения по германскому образцу, я бы понял, но у меня только два полка, что же к таким силам применять такие средства. Это по меньшей мере неудобно.

Танака рассмеялся, подумал и сказал:

— Знаете, адмирал, останьтесь у нас в Японии; когда можно будет ехать, я скажу вам, а пока у нас здесь есть хорошие места, поезжайте туда и отдохните.

Колчак тоже подумал, не нашёл другого выхода и ответил: — Хорошо, я останусь пока в Японии³⁶⁰.

Это было похоже на интернирование, сделанное в самой деликатной форме. Японцы убедились, что управлять Колчаком очень трудно. И в то же время он был слишком крупной фигурой. Такая известная и трудноуправляемая личность на Дальнем Востоке им была не нужна.

Колчак немного задержался в Токио, поджидая Анну Васильевну. Однажды к нему явился британский генерал Альфред Нокс. Долговязый блондин спортивного вида, старше Колчака на несколько лет, он излучал деловитость и оптимизм. По-русски говорил почти без ошибок, с небольшим акцентом. (Сказывалось долгое пребывание в России, ког-

да он состоял при английском посольстве в Петрограде.) В завязавшемся разговоре Колчак поделился своими харбинскими впечатлениями, а затем перешли к положению во Владивостоке. Нокс поставил вопрос со всей прямотой: «Каким образом можно создать власть?» (Большевицкие Советы ни он, ни Колчак властью не считали.) Беседовали долго, и Колчак обещал представить генералу записку по этому вопросу³⁶¹.

Они понравились друг другу, кажется, с этой первой встречи. Нокс вообще нравился многим русским, с кем имел дело. Генерал М. А. Инностранцев, встречавшийся с ним впоследствии в Сибири, писал, что это был «сердечный и отзывчивый человек, чрезвычайно полюбивший Россию, болевший за неё, переживавший её страдания, как свои личные»³⁶².

Затем, по совету Крупенского, Колчак нанёс визит французскому послу в Токио Э. Реньо. Видимо, уже тогда предполагалось, что он будет назначен главой французской миссии во Владивостоке. Реньо был профессиональным дипломатом, долго служил на Ближнем Востоке и тамошние дела знал лучше, чем русские. По-русски не говорил. Но к России и к русским всегда относился благожелательно. Беседа с Реньо, видимо, носила более общий и официальный характер³⁶³.

Встретив Анну Васильевну, Колчак поехал с ней отдыхать. Судя по письмам и воспоминаниям Анны Васильевны, они побывали на двух курортах — Никко (в 100 километрах от Токио, в горах) и Атами, тоже недалеко от Токио, но на берегу океана³⁶⁴. В Никко он работал над запиской для Нокса. Чтобы выяснить положение во Владивостоке, он послал туда на разведку Вуича, просматривал и изучал газетные сообщения.

5 апреля 1918 года Япония, в ответ на убийство двух своих граждан, высадила во Владивостоке десант. Вслед за тем небольшой десант высадили и англичане. Но в городе продолжала существовать Советская власть, пока 29 июня её не свергли чехословацкие легионеры. Тотчас же туда из Харбина переехало «Временное правительство автономной Сибири» во главе с эсером П. Я. Дербером. Колчак знал этих людей. Их «правительство» прежде ютилось в вагоне, стоявшем в одном из тупиков на харбинской станции. Ни денег, ни оружия, ни войск оно не имело. Они тогда заманивали Колчака к себе, но он отмахивался от них, как от назойливых мух. Во Владивостоке эти люди, как видно, продолжали жить в том же вагоне, в каком приехали из Харбина.

В борьбе за власть решил попытать счастья и старый Хорват, переехавший на станцию Гродеково и объявивший себя «верховным правителем» России. Считая Хорвата са-

мым авторитетным лицом на русском Дальнем Востоке, Колчак считал полезным временное объединение здесь власти в его руках. Но Хорват пригласил в состав своего правительства таких людей, которых Колчак знал по Харбину и не питал к ним уважения. Поэтому он отклонил предложение Хорвата занять в его правительстве пост морского министра.

В руках Колчака оказался ряд постановлений и распоряжений этих правительств, и он понял, что они заняты только борьбой за власть, а конкретными делами по налаживанию жизни не занимаются. В то же время постановления земства, введённого в Приморье в 1917 году Временным правительством, носили деловой характер. Это понравилось Колчаку. Он не знал тогда, что в этих новых земствах сильны позиции большевиков, которые до поры до времени стараются себя не показывать. Колчак решил, что надо делать ставку на местное самоуправление, а также на помощь союзников³⁶⁵. В них ему впоследствии тоже пришлось горько разочароваться.

В беседе с корреспондентом иркутской газеты «Свободный край» Колчак сказал, что воссоздание государственности надо начать с вооружённой силы — сначала в виде отдельных отрядов при союзных войсках. На освобождённых от большевиков территориях, при наведении там элементарного порядка, можно будет восстанавливать местное самоуправление. По мере расширения этих территорий оно обеспечит созыв более широкого представительного органа, например, Сибирской областной думы, которая создаст правительство. В его подчинение вступят русские воинские формирования. В дальнейшем, когда воссозданный на востоке фронт уйдёт далеко на запад, это правительство примет меры для достижения конечной цели — созыва Российского Учредительного собрания³⁶⁶. Эти же положения легли в основу записки, представленной Ноксу.

Колчак не признавал того Учредительного собрания, которое было избрано в нездоровой обстановке всеобщего возбуждения в конце 1917 года и, по его мнению, не выражало действительной воли народа. Призванное решить национальные задачи России, оно начало единственное своё заседание с пения «Интернационала». И весь ход этого заседания отражал только борьбу партийных интересов. Со свойственной ему прямотой Колчак говорил, что разгон этого Собрания является заслугой большевиков³⁶⁷.

Из России приходили неясные и отрывочные известия. Сообщалось, что в Самаре собираются члены разогнанного

Учредительного собрания. Это, конечно, не привлекало Колчака. Стало известно, что в Омске образовалось Сибирское правительство. Генерал Степанов, приехавший с Юга, рассказал о создании Алексеевым и Корниловым Добровольческой армии.

Зная, что на Дальнем Востоке японцы работать ему не дадут, Колчак решил пробираться на Юг, чтобы разыскать свою семью, а потом явиться к Алексею и Корнилову. Он не знал, что Корнилов погиб ещё в апреле. Алексеев же всё чаще и тяжелее болел.

В сентябре стало известно, что Нокс и Реньо на одном пароходе едут во Владивосток. Видимо, с помощью Нокса Колчак получил место на этом пароходе. Японцы не препятствовали его отъезду. А с Анной Васильевной он условился, что вызовет её, как только где-то прочно устроится³⁶⁸.

16 сентября 1918 года Колчак отправился во Владивосток. Заканчивались скитания по дальним и чужим странам. А на родине, в России, у него теперь не было своего угла и неизвестно где ютилась семья. Не было и Русского флота, вырастившего и воспитавшего его, в который он, в свою очередь, вложил много сил. Всё сгорело в огне и дыму этой войны — остался один пепел. Рухнуло и государство. Теперь всё надо было создавать заново. Он возвращался в Россию не только для того, чтобы воевать, но также чтобы и строить.